

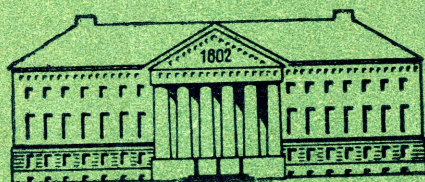
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIINIK 275 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
XIX
СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

ТАРТУ 1971

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 275 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

XIX

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

Тарту 1971

Редакционная коллегия:

Б. Гаспаров, А. Метса, Х. Пак, С. Смирнов (отв. редактор)

По техническим причинам произведены следующие замены старославянских букв:

ѡ - Ѹ

Ѣ - Ю

Ѧ - А

Ѩ - Ѡ

Ѣ - Е

Ѧ - Ѡ

Ѣ - Ѡ

ѡ - Ѹ

Ѣ - е

Ѣ - Ѡ

Ѣ - Ѡ

Ѣ - Ѡ

Ѣ - Ѡ

НЕОПРЕДЕЛЕННО-СУБЪЕКТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Б. М. Гаспаров

В предыдущей работе¹ мы рассмотрели систему классов предложений русского языка, получаемых в результате исчисления их парадигм. По данному признаку (строение парадигмы) каждый выделенный тип включался в несколько различных системных противопоставлений с другими типами. В предлагаемом исследовании мы остановимся более подробно на одном из полученных ранее классов предложений, рассмотрев его внутреннюю структуру и конституирующие его внешние противопоставления.

Рассмотрим следующий ряд предложений: *Я иду, Иду, Птица летит, Кто-то стучит* и т. п. При всем различии в «формуле» данных предложений (то есть в их репрезентации формальными классами слов), имеется одна черта, объединяющая все эти случаи. А именно, все данные предложения допускают варьирование (имеют парадигму) по категориям лица, рода и — (по всем данным категориям или по некоторым из них). Ср.: *Я иду, Ты идешь, Они идут* и т. д. (соответственно *Иду, Идешь, Идут*); *Птица летит, Птицы летят; Кто-то стучал, Что-то стучало*².

Категории рода, лица и числа могут быть сгруппированы на основании того, что все они относятся к грамматическому субъекту, являются грамматическими параметрами, в которых определяется субъект. Даже когда носителем этих категорий вы-

¹ См. Б. М. Гаспаров, Опыт классификации синтаксических структур современного русского языка на основе строения их парадигм, Уч. зап. Тартуского гос. университета, вып. 245, Труды по русской и славянской филологии, XIV, 1970.

² Мы считаем, что некоторое варьирование имеет место, если оно оказывается возможным без изменения формулы предложения, хотя бы при этом необходимо было изменять лексико-грамматические подклассы репрезентирующих слов. С этой точки зрения у предложения типа *Птица летит* наличествует варьирование по роду (*Птица летела — Камень летел*), сохраняющее неизменной его формулу (Сущ. + Гл.). Аналогичное решение — и для предложений с формулой Мест. _{сущ.} + Гл. (*Кто-то, что-то стучит*).

ступает глагол, даже в случае отсутствия словесно выраженного субъекта данные категории характеризуют глагольное действие с точки зрения его отношения к некоторому субъекту. Поэтому эти три категории (независимо от способа их репрезентации в предложении) могут быть названы субъектными категориями.

Все рассмотренные нами предложения имеют некоторый набор вариантов по субъектным категориям, иначе говоря, все они при своем оформлении предполагают свободный выбор в отношении данных категорий (хотя бы некоторых из них). Следовательно, субъектные категории служат для этих предложений инструментом связи с другими предложениями в тексте.

Поскольку выбор оформления по субъектным категориям здесь является свободным с точки зрения закономерностей внутреннего построения предложения, он должен быть мотивирован какими-либо явлениями вне предложения. Такими явлениями оказываются либо контекст — связь с соседними предложениями — либо ситуация сообщения. Таким образом, оформление данных предложений с точки зрения параметров, характеризующих грамматический субъект, всегда обусловлено их функциональными связями. Следовательно, грамматическая форма субъекта данных предложений всегда несет информацию о ситуации (контексте), в котором осуществляется сообщение. Когда говорящий произносит предложение *Он идет*, то это предложение содержит информацию о грамматической характеристике субъекта, о котором идет речь в данной ситуации (контексте) сообщения. Поскольку в нашем примере форма третьего лица, единственного числа, мужского рода является лишь одной из альтернативных форм, равным образом репрезентирующих данный тип, данную структурную формулу предложения, сам факт выбора данной формы, а не какой-либо другой, характеризует субъект этого предложения, является информативным с этой точки зрения.

В данном смысле можно говорить, что грамматический субъект данных предложений является определенным. Эту определенность субъекта не следует смешивать с вещественной определенностью — последняя зависит целиком от ситуации, от лексического наполнения предложения, то есть от неграмматических факторов. Поэтому реальный субъект предложения в этом случае может быть весьма неопределенным, либо не известен вовсе. Но некоторые его грамматические параметры, как мы видели, всегда оказываются определены. Таким образом, определенность субъекта является категориальным значением рассматриваемых классов предложений, которое так же относится к вещественной конкретизации субъекта, как категориальное значение части речи относится к лексическому значению слов, принадлежащих к этой части речи: известно, что категориальное и лек-

сическое значение могут вовсе не совпадать, могут даже противоречить друг другу, но в любом случае категориальное значение «просвечивает» в слове, придает особую окраску его лексическому значению, так что слова разных частей речи с одним денотатом (типа *бежать* и *бег*) представляют последний по-разному. То же мы наблюдаем и на уровне предложений — категориальное значение определенности субъекта (основанное на формальном показателе — наличии парадигмы по субъектным категориям) лежит в основе данных предложений независимо от их лексического наполнения и контекстуального употребления и сказывается даже тогда, когда реальный субъект неизвестен. Употребив предложение *Он шумит* вне контекста, мы не можем, по одному лишь местоимению *он*, составить сколько-нибудь определенное представление о субъекте данного предложения. Но некоторые основные параметры данного субъекта (род, число, лицо) нам из этого предложения оказываются известны, и именно это обстоятельство придает предложению значение определенности.

На основании сказанного мы можем объединить данные предложения в один класс, который можно назвать — определенно-субъектные предложения. Название «определенно-личные» здесь было бы неудачно, так как субъект данного типа предложений, конечно, вовсе не обязательно является лицом (даже и в том случае, когда он выражен личным местоимением первого и второго лица, то есть в «классическом», традиционно выделяемом случае определенно-личного предложения).

Определенно-субъектные предложения, очевидно, должны противостоять в системе другому классу с противоположными свойствами. Таким классом являются предложения со следующей структурой парадигмы:

$$н + вр + в. + р - л - ч - ^3$$

К данному классу относятся все так называемые безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения (глагольного типа).

Известны те трудности, которые возникают обычно при определении данных видов предложений. Традиционно их определяют исходя из особенностей внутренней структуры (одноставность) и из присущего им значения неопределенности, обобщенности субъекта или безличного значения. Однако апелляция к внутренней структуре предложения без указания на то, какие функциональные свойства она репрезентирует, не может быть эффективной, поскольку между функциональным и конструктив-

³ Мы придерживаемся здесь системы обозначений, принятой в указанной выше работе.

ным типом нет однозначного соответствия. Ссылка же на значение без указания на те формальные признаки, на которых данное значение базируется, также не может быть принята в качестве критерия грамматического описания, поскольку в этом случае анализ значения неизбежно оказывается под влиянием внеграмматических и даже внелингвистических факторов — лексического наполнения предложения, общего смысла контекста и ситуации, в которых происходит сообщение.

Между тем рассматриваемые предложения обладают формальным признаком, на основании которого могут быть четко определены в качестве особого класса, поскольку, с одной стороны, данный признак четко отражает их функциональные свойства, с другой — служит основой, на которой базируется их общее (категориальное) значение.

Таким признаком (общим для всех перечисленных типов предложений) является отсутствие у них субъектной парадигмы, то есть отсутствие возможности варьирования по субъектным категориям рода, лица и числа.

Действительно, хотя безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения характеризуются определенной формой рода, лица и числа (безличные предложения — формой третьего лица или среднего рода, единственного числа; неопределенно-личные — формой третьего лица множественного числа; обобщенно-личные — формой второго лица единственного числа), однако эта их форма является единственной и не имеет альтернатив, не противопоставляется другим формам рода, лица и числа⁴.

Отсутствие свободного выбора по данным категориям означает, как следствие, что в тексте предложения данного типа не могут быть связаны формально с другими предложениями по данным категориям — их формы рода, лица и числа ни при каких обстоятельствах не могут быть координированы с соответствующими формами соседних предложений (что и является для нас показателем связей этих предложений). Итак, характеристика предложения данного типа с точки зрения форм рода, лица и числа не зависит от того, в какой именно конкретный текст оно будет включено. Следовательно, те компоненты плана содержания предложения, которые обычно определяются (в известной степени, по крайней мере) данными категориями, для этих предложений нерелевантны: в самом деле, если содержание предложения в значительной степени определяется его окру-

⁴ Собственно говоря, сама возможность определения данных предложений через некоторую форму рода, лица и числа свидетельствует о единственности данной формы. В отличие от этого, определенно-субъектные предложения не могут быть определены путем указания на какую-либо одну субъектную форму, так как всегда предполагают возможность некоторого варьирования последней.

жением в тексте (так же как и значение слова), то релевантные компоненты этого содержания, по-видимому, по крайней мере в некоторых случаях должны изменяться в зависимости от окружения; если же таких изменений никогда не происходит, мы вправе заключить, что данные компоненты не являются релевантными.

Далее, форма предложения определяется не только его окружением в контексте, но и ситуацией сообщения. Однако, поскольку субъектная форма в данном случае не имеет альтернатив, она никак не связана и с ситуацией сообщения.

Таким образом, субъектная форма предложений данного типа, не будучи объектом свободного выбора и не служа инструментом включения предложения в контекст и ситуацию сообщения, тем самым не является информативной. Из данной формы мы не получаем никаких сведений о действительном характере субъекта (с точки зрения грамматических параметров его характеристики), поскольку любой ситуации, любому субъекту соответствует всегда одна и та же субъектная форма. Поэтому данные предложения характеризуются неопределенностью субъекта.

Здесь, однако, имеется в виду (и это необходимо подчеркнуть) лишь неопределенность с точки зрения указанных грамматических параметров — рода, лица и числа, — то есть грамматических компонентов характеристики субъекта. Различные необязательные компоненты такой характеристики, появляющиеся в том или ином лексическом контексте, могут в значительной степени затушевывать в ряде случаев это противопоставление определенности — неопределенности субъекта. Так, мы уже говорили о том, что слово *он* (на лексическом уровне) может обозначать в достаточной мере «неопределенный» субъект. Это относится и ко многим (если не ко всем, в определенных положениях) существительным: ср. *некто в сером* — *незнакомец в сером*. С другой стороны, значение субъекта неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений в некоторых конкретных случаях может стать вполне определенным и недвусмысленным, — например, им может быть сам говорящий (ср. *Я любил ходить в этот лес. Сядешь, бывало, в тени деревьев*, и т. д.). Но речь идет о том, что при этом решающие, обязательные компоненты характеристики субъекта, «отложившиеся» в соответствующих грамматических категориях, остаются неопределенными и не зависят от контекстуальных связей. В любой контекст, о чем и о ком бы ни шла речь, предложение данного типа включается без корректирования этих характеристик. Это и позволяет говорить о том, что на грамматическом уровне (то есть именно на том, который мы рассматриваем) субъект такого предложения мыслится неопределенно.

Таким образом, неопределенность субъекта является в данном случае категориальным значением рассматриваемого функцио-

нального класса предложений. Последние могут быть поэтому названы неопределенно-субъектными предложениями⁵.

Категориальное значение неопределенно-субъектных предложений (как и категориальное значение определенно-субъектных) может, как мы видели, противоречить их вещественному значению, определяемому лексическим наполнением и контекстом. Однако это не изменяет природы данных предложений и нисколько не затрудняет их определения. Неопределенно-субъектным предложением может быть названо всякое предложение, обнаруживающее независимость своей субъектной формы от окружающего контекста и ситуации сообщения, безотносительно к тому остается ли при этом субъект реально неопределенным или каким-то образом оказывается известен. В последнем случае особое качество неопределенно-субъектных предложений даже еще более подчеркивается, поскольку их форма может противоречить реальному представлению о субъекте. Так, неопределенно-личное предложение *К вам пришли* не изменяет форму числа независимо от того, идет ли речь об одном человеке или о множестве; уточнение этого обстоятельства в контексте не изменяет формы данного предложения (ср. *К вам пришли. — Кто? — Иван Иванович*). Аналогично, форма безличного предложения остается неизменной независимо от того, назван или не назван субъект и какова его грамматическая характеристика. Сравним, например, такие контексты: *Это розы. Как пахнут! и Это розы. Как пахнет!* В первом случае перед нами определенно-субъектное предложение, форма которого находится в соответствии с характером субъекта, известного из контекста. Во втором — неопределенно-субъектное (безличное) предложение, форма которого не координируется с реальным представлением о субъекте, хотя последний и в этом случае известен из контекста.

Надо, однако, сказать, что и в рамках определенно-субъектных предложений грамматическая форма субъекта не всегда обязательно соответствует его реальной характеристике. Несоответствие этих показателей может иметь место при переносном употреблении формы, поскольку многим субъектным формам свойственно не только прямое, но и переносное употребление. Таково, например, употребление формы второго лица множественного числа в значении единственного (форма вежливого обращения), первого лица множественного числа в значении единственного (преимущественно в качестве формы авторского «я» в научном стиле), третьего лица вместо первого, формы среднего рода вместо мужского или женского (в уничижитель-

⁵ Название «неопределенно-личные» здесь не подходит по той же причине, что и название «определенно-личные» для предыдущего класса: во-первых, субъектом может быть не только лицо, во-вторых, это название традиционно закреплено уже за одной из разновидностей данного типа предложений.

ном значении в просторечном стиле). Во всех этих случаях имеется однозначное соответствие переносу употребленной формы некоторому денотату — круг денотатов, обозначаемых той или иной формой в переносном употреблении, строго ограничен и так же определен, как и при прямом употреблении, поскольку каждой форме в переносном употреблении соответствует только один определенный денотат: для множественного числа — единственное (того же лица), для третьего — первое (обязательно единственного числа). Кажущимся исключением из этого является выражение типа *оно еще разговаривает*, где форма *оно* может относиться и к мужскому, и к женскому роду, и к третьему, и ко второму лицу. Но здесь противопоставление осуществляется по признаку «лицо — не лицо», и этой точки зрения переносное употребление формы среднего рода также дает определенную характеристику субъекта: она может относиться только к лицу (представляемому уничижительно в виде не-лица). Таким образом, перед нами во всех этих случаях как бы определение субъекта «со знаком минус» — субъект «не тот», что обозначается обыкновенно данной формой, но тоже вполне определенный.

Иное дело, когда некоторая форма может относиться к любому реальному денотату, с любой (с точки зрения грамматических параметров) характеристикой. В этом случае субъектная форма не дает ни прямой, ни переносной характеристики («минус-характеристики») субъекта с точки зрения грамматических параметров, оставляя его в данном плане неопределенным.

Неопределенно-субъектные предложения противопоставляются определенно-субъектным, как два функциональных класса предложений. Противопоставление это носит двойственный характер, вернее, может быть представлено двояко. С одной стороны, неопределенно-субъектные предложения характеризуются чисто отрицательно отсутствием субъектной парадигмы. С этой точки зрения они являются слабым членом данного противопоставления. Но, с другой стороны, они могут быть охарактеризованы и положительным образом на основании такого признака, как наличие жесткой закреплённости субъектной формы, фиксированный характер этой формы. Конечно, если бы данное обстоятельство было обусловлено исключительно морфологическими свойствами составляющих подобных предложений или правилами их сочетаемости между собой, оно не могло бы рассматриваться как особое отличительное свойство данных предложений. Однако в том-то и дело (и это важно подчеркнуть), что внутренняя структура неопределенно-субъектных предложений в основной массе случаев сама по себе не накладывает никаких запретов на варьирование субъектной формы. Действительно, ядерную структуру данных предложений образует обычно глагол, нередко в сопровождении местоимения, так что никаких препятствий конструктивного ха-

рактера к изменению формы рода, лица и числа не наблюдается. Если же это изменение не происходит и форма неопределенно-субъектного предложения в любой ситуации остается неизменной, то данное явление должно быть расценено как признак собственно предложения как такового, отражающий функциональные свойства последнего.⁶

С точки зрения данного признака, неопределенно-субъектные предложения являются сильным членом оппозиции. Таким образом, рассматриваемые два функциональных класса образуют в целом эквиполентную оппозицию, в которой каждый класс характеризуется одним специальным признаком. Вот почему неопределенно-субъектным предложениям, так же как и определенно-субъектным, присуще свое собственное категориальное значение. Мы можем теперь сказать, что у предложений одного класса определенность субъекта выражена как их собственное постоянное свойство, опирающееся на такой признак, как наличие субъектной парадигмы, неопределенность же субъекта специально не выражена (то есть может присутствовать или не присутствовать в различных контекстах). У предложений другого класса, напротив, неопределенность субъекта выражена как их постоянное свойство, опирающееся на признак фиксированности субъектной формы, а определенность — не выражена специально (может наличествовать или отсутствовать в различных контекстах)⁷.

Поскольку с точки зрения строения субъектной парадигмы неопределенно-субъектные предложения характеризуются чисто отрицательно, в пределах данного класса не существует формальных различий с точки зрения морфологических и синтаксических особенностей — все предложения данного класса обладают в принципе одинаковой парадигмой и одинаковым характером включения в текст. Это, однако, не означает, что последние образуют совершенно монолитную группу по своим свойствам. Во-первых, данный класс, как и предыдущие, репрезентируется, как увидим, различными структурами. Во-первых, в пределах данного класса имеется одно основание разбиения на подклассы, отсутствующее у определенно-субъектных предложений. Этим осно-

⁶ Данное явление лишний раз может служить доказательством того, что парадигма предложения вовсе не сводится к сумме свободных категорий, обусловленных морфологическими свойствами и синтаксическими связями слов, образующих предложение.

⁷ Все сказанное здесь относится к большинству неопределенно-субъектных предложений, но не ко всем. Некоторые группы предложений данного типа, как увидим далее, не обладают признаком фиксированности субъектной формы, как собственным специфическим свойством, поскольку данный признак оказывается обусловленным конструктивно. Эти группы включаются с определенно-субъектными предложениями в привативную оппозицию и являются слабым подклассом. Подробнее о таких случаях и характере их общего значения будет сказано ниже.

ванием служит фиксированная субъектная форма. В зависимости от характера последней, можно различать несколько подклассов неопределенно-субъектных предложений. Эти подклассы различаются не только своей формой, но, отчасти, и общим значением, образуя известные варианты неопределенно-субъектного значения, свойственного всему функциональному классу в целом. При этом разновидности категориального значения у различных подклассов, очевидно, определяются свойствами той субъектной формы, в которой каждый из этих подклассов манифестируется. Объясняется это тем, что некоторая субъектная форма, будучи фиксированной, наиболее выпукло проявляет свои свойства, которые не так четко проступают в случае, если она выступает как один из членов парадигматического ряда (у определенно-субъектных предложений). В последнем случае субъектная форма просто несет информацию о грамматических параметрах субъекта. Но когда одна субъектная форма замещает в некотором подклассе неопределенно-субъектных предложений все остальные, оказывается единственно возможным репрезентатором данного типа, она теряет свою информативность относительно характера субъекта, но тем рельефнее обозначаются ее общие семантические свойства. «Отчужденные» от информации о субъекте, они сообщаются предложению в целом как его общее, не зависящее ни от лексического наполнения, ни от условий употребления значение — разновидность и некоторая спецификация общего неопределенно-субъектного значения.

Рассмотрим теперь более подробно подклассы неопределенно-субъектных предложений.

Неопределенно-личные предложения

Основу структуры неопределенно-личного предложения составляет глагольное сказуемое, ядром которого является глагол в форме третьего лица множественного числа (в прошедшем времени и сослагательном наклонении — множественного числа). Данный подкласс реализуется, во-первых, в односоставных структурах (без подлежащего) с различными видами глагольных сказуемых.

В Дялиже и в городе его зовут уже просто Ионычем (Чех.)

Ливрею принесли, сударь (Дост.)

Валушки ношенные, старые, чиненные здесь покупают! (Платонов.)

Дескать, без денег у нас никому не дают! (Дост.)

В роли сказуемого неопределенно-личного предложения может выступать, по-видимому, практически любой глагол. С другой стороны, в языке нет глаголов, специфических для неопределенно-личного предложения — все те же глаголы употребляются равным образом и в определенно-субъектных, и в неопределенно-личных предложениях. Исключение, быть может, соста-

влияет одно лишь слово *зовут*. В неопределенно-личном употреблении этот глагол имеет специфическое значение, не встречаемое вне неопределенно-личного предложения (в оборотах типа *его зовут Иван*). Таким образом, в этом значении данный глагол имеет только одну субъектную форму — третьего лица множественного числа (в оборотах типа *я зову его Иваном* глагол имеет несколько другое значение, доказательством чего может служить возможность его замены словом *называю*, чего нельзя сделать в первом случае — возможно *я называю его Иван*, но не *его называют Иван*). Перед нами, следовательно, специальный неопределенно-личный глагол, по-видимому, единственный в русском языке. Интересно, что его омоним — личный глагол *зовут* (имеющий субъектную парадигму) также может быть употреблен в неопределенно-личном предложении. Так, в примере *вас зовут* (или *меня зовут чудачком* — в значении 'называют') перед нами личный глагол в неопределенно-личном употреблении.

Наличие в языке неопределенно-личного глагола, для которого отсутствие парадигмы по роду, лицу и числу является свойством, закрепленным морфологически, а не проявляющимся лишь в некоторой синтаксической позиции, придает специфическое качество предложениям с этим глаголом: закрепленность формы третьего лица множественного числа здесь обусловлена конструктивно, самим фактом употребления неопределенно-личного глагола. Поэтому данный случай представляет собой слабый подкласс неопределенно-личных предложений, в котором собственно неопределенно-личное значение не выражено специально. И действительно, оборот типа *как вас зовут?* не имеет собственно значения неопределенного субъекта, здесь, скорее, вопрос о существовании (или несуществовании) какого-либо субъекта просто снимается (этим данный случай отличается не только от неопределенно-личных, но и от безличных предложений, в которых выражено отсутствие субъекта).

Двусоставные структуры

Обычно неопределенно-личные предложения считаются исключительно односоставными. Более того, само значение неопределенности связывается с обязательным отсутствием подлежащего. Мы видели, что в действительности свойства неопределенно-личных предложений (как и всех неопределенно-субъектных) определяются не их словесным составом, а известными особенностями их включения в связный текст. Поэтому нет никаких оснований полагать, что отсутствие подлежащего является непременным условием реализации неопределенно-личных предложений. Если название субъекта такого предложения в окружающем контексте не препятствует выявлению категориального

значения, то и вербальная репрезентация субъекта в самом предложении, очевидно, не может этому препятствовать.

Действительно, в русском языке легко можно обнаружить двусоставные предложения, ни по особенностям своего функционирования в тексте, ни по своему значению ничем не отличающиеся от односоставных неопределенно-личных предложений. Такова, например, конструкция с личным местоимением третьего лица множественного числа *они* и глаголом. Будучи употреблено как подлежащее неопределенно-личного предложения, слово *они* теряет соотносительность с другими формами личных местоимений. Тем самым двусоставная конструкция сохраняет важнейший формальный признак неопределенно-личного предложения — закреплённость формы третьего лица множественного числа независимо от реальной характеристики субъекта. Вместе с тем, данная конструкция сохраняет неопределенно-личное значение, что проявляется в способности односоставного и двусоставного варианта к взаимной замене. Ср. два варианта: *Опять не топят!* и *Опять они не топят!* Оба варианта равным образом не «реагируют» на реальные сведения о субъекте, если таковые содержатся в контексте (ср. *Опять не топят! — Кто? — Наш истопник* и *Опять они не топят! — Кто? — Наш истопник*), и обоим в равной степени присуще «неопределенно-личное» значение.

Следовательно, наряду с односоставными структурами полноправными репрезентаторами неопределенно-личного типа предложений могут быть признаны также двусоставные структуры. Отсутствие последних в абсолютном большинстве описаний⁸ можно объяснить, очевидно, лишь господствующим предубеждением относительно того, что именно в односоставности конструкции, в отсутствии подлежащего заключается причина особого характера субъекта неопределенно-личных предложений. Между тем, как отсутствие подлежащего само по себе не означает неопределённости субъекта, так и наличие его не снимает неопределенно-личного значения.

⁸ Ср., впрочем, упоминание о двусоставных неопределенно-личных предложениях в работе: А. А. Ю д и н, Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения в современном русском языке, Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. 75, 1954, стр. 96. В некоторых других работах также поднимался вопрос о близости данных типов предложений и о необходимости в связи с этим их объединения. Однако эта близость рассматривалась обычно лишь в чисто семантическом плане, в связи с чем высказывалось даже мнение о том, что термин «неопределенно-личное предложение» пригоден для логико-смысловой, а не грамматической классификации, так как объединяет разные (с точки зрения традиционной классификации) грамматические типы (см. об этом, в частности, С. И. С я т к о в с к и й, О принципах классификации простого предложения в современном русском языке, РЯШ, 1965, № 3). Как видим, предлагаемый здесь способ описания позволяет показать не только семантическое, но и формальное сходство данных предложений, хотя последнее и не лежит на поверхности (так как не выражается в тождестве состава).

Наблюдения, в особенности над разговорной речью, показывают, что двусоставные неопределенно-личные предложения распространены достаточно широко. Однако возможности репрезентации подлежащего здесь ограничены. Если сказуемым неопределенно-личного предложения может быть практически любой глагол, то в роли подлежащего могут выступать лишь немногие слова. Прежде всего — это местоимение *они*. Далее, по-видимому, можно упомянуть слово *все* (несоотносительное с формой единственного числа). Наконец, существительное *люди*, употребляемое как прономинализированное и несоотносительное с формой единственного числа *человек*.

Все говорят — нет правды на земле (Пушк.)
Голубчик мой, что люди-то скажут? (Дост.)

Показателем неопределенно-личного характера данных предложений является неинформативный характер их субъектной формы, что проявляется в возможности их употребления применительно к ситуациям, относящимся к любому (не только вещественно, но и по своей грамматической характеристике) конкретному субъекту. Например, возможен такой контекст: *Об этом уже люди говорят. — Кто же? — Иван Иванович, и т. п.*

Очевидно, употребление более конкретного (непрономинализированного) существительного противоречит общему значению неопределенно-личного предложения. Тем не менее, в языке можно найти известные обороты, которые не могут быть трактованы как стационарные неопределенно-личные предложения, но окказионально используются в качестве таковых. Мы имеем в виду двусоставные конструкции с подлежащим — существительным, форма числа которых не соответствует реальной ситуации.

Появляются еще какие-то житомирские кузены (Булг.) (относится к одному человеку).

В этом плане в качестве репрезентаторов неопределенно-личного значения могут выступать и двусоставные (а также односоставные) конструкции в форме третьего лица единственного числа, причем форма числа здесь также не имеет отношения к реальной характеристике субъекта.

А язычник у нас хлеба не найдет (Платонов).

Репрезентация неопределенно-личных предложений в данной форме была широко распространена в древнерусском языке и имела устойчивый характер.⁹ Однако в современном русском язы-

⁹ В. И. Боровский, Неопределенно-личные предложения в древнерусских памятниках, «Проблемы современной филологии», М., 1965. Автор приводит примеры из «Русской Правды» типа: *Будеть ли сталъ на разбои безъ всякая свады, то за разбойника людие не платятъ* (стр. 40 и сл.).

ке устойчивые обороты, закрепленные в качестве неопределенно-личных предложений, существуют, по-видимому, лишь в форме третьего лица множественного числа. Мы можем, таким образом, зафиксировать в языке целый ряд переходных явлений, которые в некоторых контекстах могут употребляться безотносительно к реальному характеру субъекта, приобретая тем самым характер неопределенно-личных предложений, но такое их употребление носит спорадический характер, и поэтому они не могут считаться полноправными представителями данного типа.

Мы рассмотрели формальные признаки, на основании которых выделяется подкласс неопределенно-субъектных предложений — неопределенно-личные предложения. Такими признаками являются определенная структура парадигмы и определенная, фиксированная субъектная форма. На основании данных формальных признаков оказалось возможным объединить различные структуры, в том числе и не только односоставные, но и двусоставные. Объединение всех этих, разных с конструктивной точки зрения, явлений основывается на очевидной функциональной общности таких предложений, проявляющейся, с одной стороны, в общем грамматическом значении (эффект неопределенно-личного значения присущ в разной степени обоим разновидностям), с другой стороны, — формально — в одинаковом характере включения в текст (невозможности варьирования форм рода, числа и лица и независимости этих форм от контекстуальных связей), проявляющемся в тождественном строении парадигмы.

В заключение, на базе охарактеризованных формальных признаков, рассмотрим подробнее вопрос о значении неопределенно-личных предложений. Общее значение неопределенности субъекта, характеризующее все единицы описываемого класса, в данном подклассе известным образом конкретизируется. Эта конкретизация связана с особенностями той субъектной формы, в которой данный подкласс реализуется — формы третьего лица множественного числа. Форма третьего лица создает характерный эффект отстранения сообщаемого от акта сообщения и его участников — говорящего и слушающего. Это отстранение особенно наглядно выступает именно в тех случаях, когда оно противоречит реальной ситуации, в которой сообщение как раз относится к говорящему или слушающему: *С вами не говорят* (имеется в виду сам говорящий); *Здесь не курят* (имеется в виду адресат данного сообщения — слушатель или читатель). В этих случаях сообщение, хотя в действительности непосредственно касается говорящего или адресата сообщения, как бы отвлекается от последних, приобретая «косвенный» характер. Однако эффект отстранения присутствует и тогда, когда речь идет действительно о третьем лице (то есть когда форма лица совпадает с реально выражаемым значением). В этом случае отстранение субъекта заключается в том, что последний осмысливается как

неопределенный или неизвестный.¹⁰ Неопределенность, неизвестность субъекта — это форма, в которой особенно подчеркивается отстраненность субъекта от участников коммуникации, его чуждость, посторонность по отношению к последним. Субъект неопределенно-личного предложения — это не просто «он» (не-я и не-ты), а «некто он», подчеркнуто посторонний, подчеркнуто противопоставленный говорящему и его адресату. Данный эффект сохраняется и тогда, когда имеется в виду вполне конкретное и в действительности известное лицо (примеры мы уже приводили выше), и тогда, когда имеется в виду обобщение (например, в выражениях пословичного характера). Во всех этих случаях говорящий как бы отключается, как субъект сообщения, даже если по смыслу сообщения он также должен быть включен в субъект этого сообщения. Выражение типа *Цыплят по осени считают*, в силу своего обобщенного характера, конечно, предполагает субъектом и говорящего. Но участие говорящего в этом «действии» выявляется лишь косвенно, поскольку «все» являются его «производителями». На первом плане здесь именно это «все», «всякий», «любой», и уже только в силу этого — говорящий и его собеседник. Этим данные предложения решительно отличаются от обобщенно-личных предложений в форме второго лица, которые не предполагают такого отстранения участников акта сообщения. Поэтому присоединение таких предложений, на основании только «обобщенности» их значения, к обобщенно-личным считаем необоснованным. Обобщенность данных предложений носит иной характер, диктуемый прежде всего формой третьего лица.¹¹

Итак, форма третьего лица придает неопределенно-личным предложениям значение отстраненности субъекта от участников акта сообщения. В то же время форма множественного числа

¹⁰ Поэтому нельзя согласиться с разделением неопределенно-личных предложений по смыслу на отстраненно-неопределенные (относящиеся к первому лицу) и собственно неопределенные (А. А. Юдин, Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения. . . стр. 101). Отстраненный характер присущ всем неопределенно-личным предложениям и связан с формой третьего лица, но у первых предложений он выступает ярче в силу того, что здесь общее значение отстраненности преодолевает смысл конкретной ситуации (подобно тому как общее значение предметности, например, особенно ярко проявляется у существительных, не обозначающих предмет).

¹¹ Характерно, что все попытки отграничить данные «обобщенные» предложения от собственно неопределенно-личных не имели успеха (см., напр., А. А. Юдин, ук. соч.). Это не удивительно: с точки зрения чисто семантической, неопределенность и обобщенность — явления родственные, и невозможно с достоверностью указать, где кончается «чистая неопределенность» и начинается «неопределенность с оттенком обобщенности». Необходимо помнить, что анализ значения языковых единиц должен производиться на основе их формальных признаков. В данном случае единство формы у всех рассматриваемых предложений обуславливает принципиальное сходство их категориального значения, сохраняемое при всех вариантах, связанных со сферой употребления и конкретной ситуацией.

дополнительно усиливает оттенок неопределенности. Данный оттенок, однако, является менее ярко выраженным и не столь всеобщим. Доказательством этого служит, в частности, возможность неопределенно-личного употребления конструкций с формой единственного числа (но обязательно — третьего лица). Характерно, что оттенок неопределенности наиболее ярко выступает в форме прошедшего времени, где лицо нейтрализовано. В форме же настоящего времени он, вообще говоря, не обязателен; в частности, отмеченные выражения типа пословиц, сентенций, имеющие скорее обобщенно-отстраненное, чем неопределенно-отстраненное значение, имеют чаще всего форму настоящего времени. Правда, поскольку все временные формы принадлежат к одной парадигме, между ними наблюдается взаимное воздействие, влияние по аналогии, так что формам прошедшего времени и сослагательного наклонения также присуще значение отстраненности под влиянием вариантов в настоящем времени, и с другой стороны, среди последних достаточно распространены высказывания с неопределенным значением.

Таким образом, решающим, определяющим признаком, который характеризует данную разновидность неопределенно-субъектных предложений, является отстраненность действия от участников акта сообщения (говорящего и адресата), возникающая на базе формы третьего лица (и сохраняющаяся под воздействием аналогии даже там, где эта форма нейтрализуется). Поэтому данные предложения правильнее было бы назвать отстраненно-личными.¹² Название «неопределенно-личные» дает, как мы видели, повод для некоторых недоразумений, так как заставляет усомниться в принадлежности к данному типу тех предложений, которые не имеют достаточно ясно выраженного значения неопределенности субъекта. Мы сохраняем данное название лишь в силу сложившейся традиции.

Безличные предложения

Формальным признаком безличного предложения является глагольное сказуемое, в центре которого находится глагол в форме третьего лица единственного числа или среднего рода (в прошедшем времени и сослагательном наклонении). Данный класс предложений реализуется прежде всего в односоставных

¹² Определение «личные» (а не «субъектные») в этом случае подходит, так как данные предложения всегда предполагают в качестве субъекта лицо. Заметим, однако, что данная характеристика субъекта (как лица) никак не выражена формально в самом предложении (в отличие от определенно-субъектных классов, где та или иная характеристика субъекта выражена формально в самом предложении) и связана лишь с традиционно закрепившейся сферой употребления данного типа.

бесподлежащих структурах с различными видами глагольных сказуемых.

В ходьбе прошло с полчаса (Дост.)

Газом в ум шибануло! (Платонов)

В этот раз смотреть и дожидаться пришлось ему недолго (Дост.)

А то мне первому достанется! (Платонов)

Помнится, он был у нас (Чех.)

В пасмурную и облачную погоду не бывает утренников (Чех.)

И подсунуло меня с пьяным человеком связаться! (Дост.)

Идти завтракать в редакцию не хотелось (Бунин)

Однако, обнаруживая в основном структурный параллелизм с неопределенно-личными предложениями, безличные предложения существенно отличаются от последних с точки зрения характера употребляемых в их составе глаголов. Мы уже упоминали, что неопределенно-личное предложение практически не накладывает ограничения на употребление личных глаголов в его составе¹³, и в то же время не существует (за исключением одного слова) специализированных неопределенно-личных глаголов, как особого морфологического подкласса слов. В настоящем случае ситуация иная. В составе безличной конструкции могут быть употреблены личные глаголы, но не все, а лишь обозначающие действие, которое нормально может быть приписано не-лицу. Глаголы, обозначающие специфически «личное» действие, в данном типе предложений невозможны (возможно безличное предложение *Стучит, Пахнет*, но не *Читает, Разговаривает* и т. п.), а таких глаголов в языке, по-видимому, значительно больше, чем специфически «не-личных», невозможных в неопределенно-личном предложении. Следовательно, сфера распространения безличного предложения в этом смысле уже. Но, с другой стороны, имеется значительная по своему составу группа безличных глаголов, специализированных для употребления только в составе безличных предложений и закрепивших данную особенность употребления в своих морфологических свойствах (отсутствие спряжения, несоотнесенность форм третьего лица единственного числа и среднего рода с другими формами рода, лица и числа). Интересно, что среди данных слов есть и такие, которые относятся исключительно (или преимущественно) к лицу — *думается, знобит, нездоровится, пишется* (в выражении *мне не пишется*) и т. д., тогда как обычные глаголы и своим лексическим значением не должны противоречить идее безличности. Аналогично, косвенный субъект, выражающий лицо, возможен при безличных глаголах (*меня знобит, мне не спится*), но при личных глаголах в безличной конструкции возможен лишь косвенный субъект, обозначающий не-лицо. Ю. Д. Апресян в свое

¹³ Исключение составляют лишь слова, обозначающие действие, которое не может быть приписано лицу (поскольку субъектом определенно-личного предложения всегда является лицо).

время обратил внимание на тот факт, что существует безличная трансформация для предложения *ветер гонит листья* (*ветром гонит листья*), но не *пастух гонит овец* (нельзя *овец гонит пастухом*).¹⁴ Нам кажется, однако, что дело здесь не в том, что глагол *гонит* имеет в этих примерах два различных значения (как полагает Ю. Д. Апресян), а в невозможности постановки косвенного субъекта-лица в безличном предложении, базирующемся не на безличном глаголе.

Такое положение является весьма симптоматичным. Дело в том, что, как это ни парадоксально, именно конструкции с безличными глаголами являются «слабыми» представителями данного класса предложений. В самом деле, поскольку безличный глагол сам, в силу своих морфологических свойств, лишен субъектной парадигмы, данная особенность, составляющая основной признак неопределенно-субъектной структуры, в этом случае оказывается обусловленной чисто конструктивно, тогда как в случае использования личного глагола выявляется функционально, через определенный характер связи с другими предложениями. В результате фиксированный характер субъектной формы перестает быть свойством самого безличного предложения как такового, автоматически вытекая из характера его составляющих. Тем самым данные предложения лишаются своего собственного положительного признака и противопоставляются определенно-субъектным предложениям чисто негативно. Поэтому и с точки зрения значения они могут быть охарактеризованы лишь отрицательно — как не дающие определения субъекта. Их собственное значение, позитивная «идея» (безличность) в этом случае оказывается выражена не так ярко.

К вопросу о значении безличных предложений мы еще вернемся позднее, сейчас же отметим, что выявившиеся две разновидности глагольных безличных предложений различаются не только в отношении морфологических свойств глагола и выражаемого значения, но и с точки зрения отношения к двусоставному варианту. Конструкции с безличными глаголами не имеют двусоставных соответствий, они принципиально односоставны. Данное обстоятельство обусловлено особенностями валентности безличных глаголов, не допускающих сочетания с именительным падежом.

Такое положение сложилось не сразу. В древнерусском языке безличные глаголы употреблялись при подлежащем, но, по-видимому, и свойства данной группы слов, как особого морфологического подкласса, не были закреплены в такой мере, как

¹⁴ Ю. Д. Апресян, О понятиях и методах структурной лексикологии (на материале русского глагола), «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962.

в современном языке¹⁵. Правда, и в настоящее время встречается ряд примеров употребления безличных глаголов в двусоставных конструкциях. Так, Р.-Ружичка¹⁶ приводит следующие примеры: *Даль светает* (Симонов); *Снег знобил ноги* (Г. Успенский); *Ветер... знобит* (Шолохов); *День багряный вечерет* (Пушкин). Однако нельзя не признать, что подобные примеры встречаются лишь спорадически и не составляют сколько-нибудь регулярного явления. Кроме того, все они взяты из художественной речи. В обиходной речи они едва ли возможны.

Однако из этого не вытекает еще с необходимостью, что и все безличные предложения могут реализоваться только в односоставных структурах. Ведь валентность безличных глаголов, обусловившая односоставность соответствующих предложений, не имеет прямого отношения к свойствам безличных предложений как таковых. И поскольку этим свойствам не противоречит использование обычных личных глаголов, естественно предположить, что в этом случае возможна также и постановка подлежащего, в соответствии с нормальной валентностью данных глаголов, без нарушения характера безличного предложения.

Действительно, подобно уже рассмотренному случаю с неопределенно-личными предложениями, в русском языке обнаруживаются также двусоставные структуры, функциональные особенности и значение которых оказываются совершенно параллельны односоставным безличным предложениям. В роли подлежащего такого предложения выступает местоименное слово, форма которого соответствует форме глагола в безличном употреблении — то есть форме третьего лица среднего рода единственного числа. Таковы слова *все, оно, это*.

Итак, наряду с односоставными безличными предложениями существуют двусоставные структуры, роль подлежащих в которых играют указанные местоименные слова и которые в отношении структурных разновидностей сказуемого обнаруживают полный параллелизм односоставным безличным предложениям.

Это меня восхищает больше всего (Бунин)

Это так не идет к вам! (Чех.)

Вот это-то меня и мучает, маточка (Дост.)

И ведь это все с незапамятных времен каждый божий день повторяется (Дост.)

¹⁵ Примеры двусоставных конструкций данного типа в древнерусском языке, равно как и тезис о позднем закреплении безличных глаголов в односоставных конструкциях, см. в работах: А. Е. Выгорбина, Предложения со сказуемым, выраженным «собственно-безличным» глаголом, ИДВШ ФН, 1960, № 2; Е. М. Галкина-Федорук, Безличные предложения глагольного образования в древнерусском языке, «Славянская филология», вып. 5, изд. МГУ, 1963.

¹⁶ Р. Ружичка, О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке, ВЯ, 1963, № 3, стр. 29.

Да из чего это вышло-то все? (Дост.)

Впрочем, может быть, оно обратится все к лучшему ... (Дост.)

Это становится даже смешно (Чех.)

Разве это вышло некстати? (Чех.)

Знать, это мне все сдуру так показалось (Дост.)

Да! Оно случилось действительно так (Дост.)

Все во мне требовало чего-то отчаянно-ловкого (Бунин)

Все стояло, все молчало, все выжидало; немного поближе зашептало, немного подальше захохотало (Дост.)

В последнем примере особенно ясно виден абсолютный параллелизм односоставных и двусоставных безличных конструкций.

Вопрос об употреблении слов *это* и *все* в конструкциях, напоминающих безличные, неоднократно ставился в литературе, правда, исключительно на материале сочетания связки и предикатива. Глагольные безличные предложения под этим углом зрения не рассматривались, хотя, в сущности, они обнаруживают полный параллелизм со связочными. Вопрос о синтаксической роли слов *это*, *все* в предложениях типа *это стучит*, *все было тихо* и т. д. к тому же тесно связан с вопросом о синтаксической роли слова *это* в предложениях типа *это был город*, о которых мы уже говорили ранее (см. указанную выше работу).

Данные слова оценивают обычно либо как частицы, огмечая их неизменность и указывая при этом, что в безличных конструкциях они выполняют лишь роль формального подлежащего¹⁷, либо как полнозначные местоименные слова — подлежащие. В этом случае конструкция признается переходной между личной и безличной¹⁸. Наконец, иногда признают эти конструкции двусоставными безличными¹⁹.

Чтобы выяснить данный вопрос, необходимо вернуться к структурным особенностям слов, которые мы назвали квази-местоимениями, — слов, потерявших соотносительность с местоименными формами, не имеющих согласовательных связей в предложении и выполняющих роль пустого синтаксического элемента, формально сходного с подлежащим, но в действительности не изменяющего структурную характеристику предложения. Доказательством этого служит тот факт, что данный эле-

¹⁷ В. В. Бабайцева, Предложения с местоимением «все» и сказуемым — словом на -о, Уч. зап. Кабардино-Балкарского ГУ, вып. 4, Нальчик, 1958, стр. 362; А. И. Молотков, Трудные случаи лексико-грамматической характеристики слов *это* и *то* в русском языке, «Вопросы грамматики», изд. АН СССР, М.—Л., 1960.

¹⁸ В. В. Бабайцева в более поздней своей работе называет такие предложения неопределенно-предметными. См. В. В. Бабайцева, Переходные конструкции в синтаксисе, Воронеж, 1967, стр. 54 и сл.

¹⁹ См. О. Озаровский, К структурной классификации безлично-предикативных слов в русском языке (на материале русского литературного языка первой половины XIX в.), Уч. зап. филологич. факультета Киргизского ГУ, вып. 10, Фрунзе, 1964, стр. 19—21.

мент оказывается возможен при любой форме рода, лица, числа сказуемого и даже при наличии подлежащего. Например — *Это наши снаряды летят*. Поэтому в предложении типа *Это был город* мы, по аналогии с предыдущим, считаем подлежащим слово, согласуемое со сказуемым, то есть *город*, тогда как *это* является квази-местоимением и пустым синтаксическим элементом — квази-подлежащим²⁰.

Аналогичные пустые синтаксические элементы возможны и при безличном предложении. При этом они не меняют структуры безличного предложения, выполняя роль частиц, лишь формально напоминающих подлежащее. Характерно, что в таком употреблении квази-местоимение может встретиться и в структурах, в принципе не допускающих двусоставности (например, *Не беспокойтесь. Это меня немного знобит*, или *Слышны голоса. Это кому-то не спится*, и т. п.).

Однако наряду с этим возможно и другое употребление слов *все*, *это* — в роли подлежащего, согласуемого со сказуемым (*Это оказалось деревом*). Именно в такой функции выступают слова (а также местоимение *оно*, тоже омонимичное квази-местоимению, хотя и редко употребляемому — ср. *Оно бы хорошо сейчас поспать*) в приводившихся выше примерах. Здесь уже они занимают синтаксическую позицию подлежащего, доказательством чего служит невозможность их употребления в данном значении²¹ при безличных глаголах, не допускающих подлежащего.

Итак, наряду с конструкциями с квази-местоимением, охватывающими все типы безличных предложений, имеются подлинно двусоставные безличные конструкции, с подлежащим—местоименным словом, у которого фиксирована форма среднего рода единственного числа, несоотносительная в данном употреблении с другими формами рода и числа.

Тезис об обязательной односоставности безличных предложений (представляемой в большинстве работ в качестве их основного признака), как и в случае с неопределенно-личными

²⁰ Удачно сопоставление данного случая с именительным темы (например, типа *Наша Ева, она как конь*) в работе: Л. В. Тихова, Структура конструкций с инфинитивом и предикативной формой на -о, Филологический сборник, вып. 6—7, Алма-Ата, 1967, стр. 288.

²¹ Во всех конструкциях, кроме безличных, омонимия местоимений и квази-местоимений без труда обнаруживается по наличию или отсутствию согласовательных связей с глаголом. Однако в случае безличного предложения это формальное различие нейтрализуется, поскольку сказуемое безличного предложения фиксировано в форме среднего рода единственного числа и формально согласуется с квази-местоименным словом. Здесь омонимия может быть обнаружена на основании того, что местоимения — подлежащие способны нести на себе логическое ударение и перемещаться относительно сказуемого (*все молчало — молчало все*.) в то время как квази-местоимение не способно нести на себе в этом случае логического ударения, и перемещение его в предложении возможно только в свободной разговорной речи.

предложениями, не находит подтверждения. Безличные предложения как особый морфологический (с точки зрения уровня предложения) класс конституирует не их односоставность, а особая структура парадигмы и определенная субъектная форма, в которой оказываются фиксированы члены его ядерной структуры.

Эта фиксированная субъектная форма никак не «реагирует» на окружающий контекст и на ситуацию сообщения, оставаясь неизменной при любом реальном значении субъекта. Так, субъектная форма безличного предложения остается неизменной, если субъект действия обозначен в самом предложении в качестве косвенного субъекта: форма косвенного субъекта никак не влияет на форму безличной конструкции (ср. *ветром унесло лодку* — *течением унесло лодку* — *ветрами унесло лодку* и т. д.).

Во всех этих случаях известность субъекта не только не изменяет характера безличного предложения, но даже еще более подчеркивает эффект безличности, как всегда, когда категориальное значение «пробивается» через противоречащее ему вещественное значение.

Говоря о значении безличного предложения, следует различать две разновидности этого типа — конструкции с безличным глаголом (их можно назвать — собственно-безличные предложения) и конструкции с личным глаголом, употребленным безлично (функционально-безличные предложения). При общем сходстве в рамках одного типа, эти разновидности обладают некоторыми специфическими свойствами как формальными, так и семантическими.

Рассмотрим сначала функционально-безличные предложения. Мы уже говорили о том, что с точки зрения свойств самого предложения (а не словосочетательной модели в составе предложения) именно они являются сильным подклассом безличного типа, поскольку у них безличность никак не выражена специально особыми словесными формами, а вытекает целиком из характера использования предложения. Этим обусловлено и наличие у функционально-безличного предложения собственно-категориального значения. Последнее представляет собой спецификацию общего значения неопределенно-субъектных предложений в соответствии с характером той фиксированной субъектной формы, которая манифестирует данную разновидность этих предложений.

Какие же семантические свойства вытекают из репрезентации безличных предложений формами третьего лица (среднего рода) единственного числа?

Фиксированная форма третьего лица, как мы уже знаем, создает эффект отстранения субъекта от участников акта коммуникации — говорящего и слушающего. Этот эффект, который мы наблюдаем у неопределенно-личных предложений, присущ также безличным предложениям, и в данном плане между двумя от-

меченными типами предложений обнаруживается известное родство, сходство значений. Это сходство проявляется, в частности, в довольно широкой способности данных типов предложений к взаимной синонимической замене (*об этом давно говорят — об этом давно говорится*)²². Правда, возможности такой замены ограничиваются тем, что неопределенно-личные предложения оперируют действиями, относящимися к лицу, тогда как функционально-безличные предложения не допускают трактовки субъекта как лица, поэтому в синонимических заменах чаще всего участвуют нейтральные с этой точки зрения собственно-безличные предложения. Тем не менее развитые отношения синонимии (наиболее широкие среди всех типов неопределенно-субъектных предложений) подтверждают наличие общего значения у безличных и неопределенно-личных предложений.²³

Однако не форма третьего лица наиболее ярко определяет значение функционально-безличных предложений. Доказательством этого служит тот факт, что по данному признаку безличные предложения недостаточно четко противопоставляются неопределенно-личным — ведь существует возможность неопределенно-личного употребления конструкции в форме третьего лица не только множественного, но и единственного числа.

Поэтому основным показателем безличности следует считать фиксированную форму среднего рода. Действительно, эта форма четко отличает безличные предложения от всех остальных видов неопределенно-субъектных предложений. Вспомним, в частности, что примеры неопределенно-личного употребления конструкций в форме единственного числа соотносительны всегда с формой мужского или женского рода, но не среднего. Подтверждением высказанного здесь предположения может служить и тот факт, что подлежащее двусоставного безличного предложения всегда имеет форму среднего рода, даже в том случае, когда у сказуемого форма рода нейтрализована.

²² Примеры подобного рода синонимической замены подробно рассматриваются в работе: Н. А. Федотова, Безличные и личные предложения как синтаксические синонимы, «Вопросы литературоведения и языкознания», вып. 2, Харьков, 1962.

²³ Это сходство служит иногда основанием для объединения данных предложений в один тип. Если в русской грамматической традиции со времен А. А. Шахматова закрепилось раздельное представление безличных и неопределенно-личных предложений, то в зарубежной русистике можно встретить работы, где такого разделения не производится. См. напр., работы К. Pontoppidan-Sjövall.

Тот же автор удачно указывает на немаркированность формы лица как признак безличной (включая сюда и неопределенно-личную) конструкции. См. особенно К. Pontoppidan-Sjövall, Categories of Content and Form in Language, «Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia», 5, Uppsala, 1968; ее же, Мне хочется — я хочу, «Skando — Slavica», Copenhagen, 1963, 9.

Итак, фиксированная форма среднего рода является постоянным отличительным признаком безличного предложения. Даже те случаи, когда данная форма оказывается нейтрализована, воспринимаются по аналогии с остальными, где форма среднего рода релевантна, как принадлежащие к одной парадигме. Именно эта форма, будучи основной формальной приметой, обуславливает основную характеристику безличного предложения также с точки зрения его значения.

Основным значением, сообщаемым формой среднего рода, является значение не-лица. Данное значение формы среднего рода используется в просторечии, когда, говоря о лице, употребляют форму среднего рода (обычно с местоимением *оно* вместо *он* или *она*), в силу чего фраза приобретает резко уничижительный характер. Ср. у А. Куприна (отзыв поручика Сливы о Ромашове):

«В-вся рота идет, к-как один ч-человек — ать! ать! ать!, — говорил Слива, плавно поднимая и опуская протянутую ладонь, — а *оно одно*, точно на смех» ...

Уничижительное значение формы среднего рода в данном случае обусловлено тем, что по отношению к лицу употребляют переносно неличную форму.

Итак, субъект, характеризующийся средним родом — это прежде всего не-лицо²⁴, а следовательно, и не деятель, не агент в полном смысле этого слова, поскольку подлинным агентом может быть именно лицо. Если мы используем в качестве агента название предмета, а не лица, то такое употребление содержит в себе известную долю персонификации, не замечаемой обычно, по-видимому, лишь в силу широкой распространенности подобного рода конструкций. Действительно, осмысление не-лица в качестве деятеля возможно лишь в случае, если называется некоторый конкретный неодушевленный субъект. Использование в этой роли местоименного слова со значением неопределенности (*нечто*, *что-то* и т. д.), исключающее возможность персонификации, сразу придает сообщаемому действию оттенок стихийности (*нечто стучит*), то есть делает его по значению сходным с безличным предложением.

Таким образом, функционально-безличное предложение своей формой устраняет возможность осмысления субъекта как лица и в то же время не называет никакого конкретного субъекта, который мог бы быть персонифицирован. Отсюда — значение безагентности, стихийности совершаемого действия. Действие осмысливается как стихийный процесс, который происходит «сам по себе», без движущего его деятеля. Даже в том случае, если субъект назван (косвенный субъект), он осмысливается совершен-

²⁴ Не случайно единственное слово среднего рода, обозначающее лицо — *дитя* — практически вышло из употребления в современном языке.

но по-иному, чем прямой субъект в других типах предложений. Поскольку участие лица (как собственно лица, так и персонифицированного предмета) в качестве субъекта исключается, косвенный субъект осмысливается не как агент, а как орудие действия.²⁵ Смысл предложения *ветром унесло лодку* (в отличие от *ветер унес лодку*) сводится к сообщению — «лодку унесло (стихийно) при помощи ветра».

В этом смысле обнаруживается известное родство между безличными и неопределенно-личными предложениями. В сущности, описанный нами эффект есть эффект отстранения субъекта, но отстранения более радикального, чем у неопределенно-личного предложения: отстраняются в качестве субъекта не только участники акта сообщения, но и всякое лицо (включая и предметы, персонифицируемые в качестве производителей действия), в результате чего действию сообщается стихийный характер. В случае с неопределенно-личными предложениями действие исходит откуда-то «со стороны» (не от непосредственных участников акта коммуникации), его источник является неопределенным, но, во всяком случае, остается известным, что такой источник (агент) имеется. В случае безличного предложения действие также исходит от каких-то внешних сил (по отношению к участникам акта коммуникации), причем эти силы имеют стихийный характер. В неопределенно-личном предложении мы не желаем уточнять, кто совершает действие (или не знаем этого), для нас достаточно знать, что источник действия — это «некто» третий по отношению к говорящему и адресату. В случае с безличным предложением такое уточнение в принципе признается невозможным.

Все сказанное до сих пор относится целиком к функционально-безличным предложениям. Для собственно-безличных предложений картина оказывается сходной, но все же несколько иной.

Мы уже отмечали, что собственно-безличные предложения представляют собой слабый (немаркированный) подкласс, в котором безличность не выражена свойствами самого предложения как такового, а автоматически вытекает из особенностей его внутренней структуры. Тем самым эти предложения лишены собственных признаков, а представляют собой лишь немаркированные члены оппозиции с определенно-субъектными предложениями; это — определенно-субъектные предложения со знаком минус. Признаком определенно-субъектного предложения является выраженность субъекта, информация о субъекте, содержащаяся в самом предложении, в его субъектной форме. Собственно-безличные предложения, соответственно, характеризуются невыраженностью субъекта, отсутствием какого-либо его

²⁵ Не случайно форма косвенного субъекта функционально-безличных предложений — творительный падеж с характерным «орудийным» значением.

определения. Здесь нет того активного отстранения субъекта, которое мы наблюдаем у маркированных подклассов неопределенно-субъектных предложений. Вопрос о субъекте собственно-безличного предложения просто снимается, субъект представляется в данном предложении несуществующим. Фактически собственно-безличные предложения обозначают не действие (стихийно совершаемое, как в случае с функционально-безличным предложением), а состояние, которое не имеет производителя, субъекта, а может иметь лишь объект. Действительно, то, что обычно называют косвенным субъектом собственно-безличных предложений, имеет, в сущности, совершенно иное значение, чем косвенный субъект функционально-безличных предложений. В последних косвенный субъект — это отстраненный субъект, деперсонифицированный и представляемый поэтому не в качестве производителя, а в качестве орудия стихийно совершаемого действия. В собственно-безличном предложении не присутствует значение отстранения и деперсонификации косвенного субъекта, напротив, последний чаще всего оказывается лицом. Это лицо представляется в качестве объекта, испытывающего состояние, выраженное безличным глаголом.²⁶ Следовательно, перед нами вовсе не субъект (хотя бы и косвенный), а объект. Различие в смысле предложений *Я чувствую озноб* и *Меня знобит* состоит именно в том, что в первом случае человек сам является для себя источником данного состояния, оно поступает к нему через посредство его собственной «деятельности», состоящей в осознании, чувствовании этого состояния (в этом смысле предложения *Я чувствую озноб* и *Я преодолеваю озноб*, в сущности, одного порядка). Во втором случае состояние характеризует говорящего помимо его активного участия, стихийно. Еще ярче эта разница проступает в предложениях *По утрам я крепко сплю* — *По утрам мне крепко спится*. Во втором случае констатируется состояние, так сказать, статус говорящего, не зависящий от его активного участия. Характерно, что в этом случае даже не имеется в виду, что говорящий действительно спит по утрам (то есть совершает данное действие). Можно сказать — *По утрам мне крепко спится, но еще ни разу мне не удалось поспать утром* или *но я не хочу спать утром*. Здесь наглядно проявляется стихийность состояния, не зависящего от деятельности и воли говорящего. Это значение стихийности объединяет собственно-безличные предложения с функционально-безличными, однако имеет специфический оттенок:

²⁶ В этой связи следует отметить, что безличные глаголы, будучи, наряду с предикативами, объектом нейтрализации противопоставления между именем и глаголом, обозначают не действие, а состояние. См. об этом нашу работу: Построение модели формальных классов слов современного русского языка, Уч. зап. Тартуского гос. университета, вып. 266, Труды по русской и славянской филологии, XVII, 1971.

косвенный субъект функционально-безличного предложения представляет собой орудие стихийно совершающегося действия, косвенный субъект собственно-безличного предложения является объектом стихийно проявляющегося состояния. Характерно, что в последнем случае косвенный субъект выступает всегда в форме дательного или винительного падежа, то есть падежей, характеризующихся направленностью на них действия, в то время как косвенный субъект функционально-безличного предложения манифестируется в форме орудийного творительного падежа.

Исходя из всего сказанного, следует признать, что понятие косвенного субъекта в действительном смысле этого слова применимо лишь к функционально-безличному предложению. То, что традиционно называется косвенным субъектом собственно-безличных предложений, в сущности является объектом. Субъект здесь вообще не присутствует, хотя бы и в отстраненном виде. Характерно, что вопрос субъекта — *кто?* или *что?* — возможен по отношению к функционально-безличному предложению (особенно, если агент не обозначен в виде косвенного субъекта), причем ни сам вопрос, ни ответ на него не устраняют значение безличности. Ср.: *В лесу стучало. — Что же это было? — Ветер.* Но к собственно-безличному предложению такой вопрос в принципе невозможен.²⁷

²⁷ В литературе о безличных предложениях различие между отмеченными двумя подклассами показывается обычно лишь с точки зрения грамматических классов слов, в которых они реализуются, то есть с точки зрения конструктивной, без указания на те следствия, которые данные различия имеют для функционирования предложений. Вследствие этого основным, сильным типом обычно считаются собственно-безличные предложения. С конструктивной точки зрения это, действительно, так. Однако с точки зрения функциональных свойств безличность гораздо ярче проявляется у предложений, не имеющих специальных внутренних «морфологизованных» средств для ее выражения. Вследствие этого категориальное значение безличных предложений обычно стремятся обнаружить прежде всего у структур с безличным глаголом. Именно этим структурам обычно приписывается прежде всего значение «стихийности», безагентности, тогда как, в сущности, корни этого значения лежат в отстраненной форме выражения субъекта у функционально-безличных предложений. Результатом такого положения является смешение безагентности как грамматического значения, опирающегося на определенные формальные средства выражения, и «стихийности» с точки зрения вещественного значения слов (глаголов, обозначающих состояние природы, например). Подобное смешение грамматического и лексического плана характеризует вообще все традиционное учение о значении неопределенно-субъектных предложений. В данном случае это приводит к созданию семантической классификации безличных предложений, не имеющей собственно грамматического смысла (предложения, обозначающие явления природы, психические, физические состояния и т. п.), тогда как отношение двух действительно различных (в том числе и по своему общему значению) подклассов безличных предложений сводится к различию морфологических средств выражения. См., напр., Е. М. Галкина-Федорук, *Безличные предложения в современном русском языке*, изд. МГУ, 1958.

Интересно, что в этом отношении немаркированный подкласс безличных предложений обнаруживает глубокое сходство с немаркированным подклассом неопределенно-личных предложений, который также может быть назван подклассом собственно неопределенно-личных предложений (предложения с единственным неопределенно-личным глаголом *зовут*). Здесь также вопрос о субъекте снимается, лицо представляется объектом некоторого состояния (*меня зовут Иван* — это состояние, мой признак). Характерна и форма винительного падежа «косвенного субъекта», и невозможность постановки вопроса кто? (если спрашивают — *Кто зовет?* — это означает, что речь идет о прозвище, а не об имени), и принципиальная односоставность как собственно-безличных, так и собственно неопределенно-личных предложений.

Исходя из сказанного, можно заключить, что название «безличные предложения» подходит, в сущности, только для функциональных безличных предложений. Собственно-безличные предложения не соответствуют данному названию, поскольку речь здесь вовсе не идет об устранении лица. Их правильнее (равно как и собственно неопределенно-личные) было бы назвать бессубъектными предложениями. Таким образом, бессубъектные предложения — это особая немаркированная разновидность неопределенно-субъектных предложений, имеющая подклассы, соотносительные по форме с безличными и неопределенно-личными предложениями.²⁸

Инфинитивные предложения

К данному типу относятся предложения с независимым инфинитивом, выступающим в роли подлежащего, и сказуемым с видовой парадигмой, то есть глагольного и полусвязочного типа.²⁹ При этом субъектная форма полусвязки оказывается фиксированной, так как полусвязка сочетается с инфинитивом-подлежащим только в одной форме — среднего рода (или третьего лица)

²⁸ Впрочем, как мы уже отмечали, имеется не только формальное, но и семантическое родство между соответствующими маркированными и немаркированными подклассами. В частности, собственно неопределенно-личному предложению не присущ оттенок стихийности, характерный для собственно-безличных предложений. «Косвенный субъект» этих предложений представляется объектом состояния не стихийного, а такого, источник которого предполагается неопределенным, неизвестным.

²⁹ Глагольное сказуемое в данном случае встречается редко, так как инфинитив — подлежащее сочетается обычно со связкой или полусвязкой. Последнее мы, в соответствии с принятой ранее договоренностью, будем трактовать как глагольное образование, поскольку здесь сохраняется, как и в случае с глаголом, свободная категория вида, что характеризует определенным образом тип предложения.

единственного числа, то есть форме, характерной для безличных структур.

Плюнуть в лицо товарища, ударить его и всячески избить составляло потребность его души (Помяловский).

Прийти ко мне — для вас значит потерять репутацию (Черн.)

Тотчас прогнать человека, уже севшего на лавку, значило у него накли-
кать беду (Гог.)

Я думаю, что наказывать, не давая сласти, — только развивает жадность
(Л. Толст.)

Интересно отметить в этой связи, что присоединение к сказуемому слова *это* (*оно* и т. д.), т. е. квази-местоимения, совершенно не изменяет ни внутреннее соотношение элементов предложения, ни строение его парадигмы. Это еще раз подтверждает высказывавшуюся ранее мысль о том, что слова данного разряда являются в предложении «пустым» синтаксическим элементом:

Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, — это безнравственно; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство — это не безнравственно (Чех.)

Если не иметь дождевого зонтика, это значит много потерять от порчи платья дождем (Черн.)

Предложения описываемого типа, по определению, двусоставны (инфинитив играет роль подлежащего). Этим они противопоставляются всем перечисленным ранее бессубъектным предложениям, которые, напротив, принципиально односоставны. В то же время у инфинитивных предложений данного типа имеется глубокое сходство с собственно-безличными и собственно неопределенно-личными предложениями. Оно проявляется в том, что фиксированный характер субъектной формы инфинитивных предложений также обусловлен конструктивно, на этот раз, правда, не морфологическими свойствами безличных и неопределенно-личных глаголов, а синтаксическими правилами сочетаемости независимого инфинитива с глаголом. Форма среднего рода глагола или связки обусловлена словосочетательными правилами в данной конструкции, функциональные свойства самого предложения, как такового, не имеют к этому отношения.

Таким образом, перед нами еще один немаркированный подкласс неопределенно-субъектных предложений. Мы можем поэтому заключить, что общее значение данного подкласса объединяет его с бессубъектными предложениями. Это значение — невыраженность субъекта. Действительно, характерная особенность инфинитива — представление действия безотносительно к его производителю — в полной мере сообщается данному типу предложений. Мы имеем дело с действием, совершающимся как бы само по себе, без постановки вопроса об агенте (характерна эта именно невыраженность агента, а не активное его отстранение). Следовательно, описанные инфинитивные

предложения представляют собой двусоставное соответствие бессубъектных предложений, односоставные разновидности которых были описаны выше. При этом форма связки наиболее тесно сближает их с собственно-безличными предложениями, хотя и отличается от последних отсутствием в составе безличного глагола. Назовем поэтому данные структуры бессубъектно-инфинитивными предложениями.

Однако бессубъектно-инфинитивные предложения имеют еще одну своеобразную структурную разновидность, которая должна быть здесь упомянута. Речь идет о конструкции со сложным связочным сказуемым. В этом случае, хотя связка и не имеет видовых форм, парадигма по виду обеспечивается присвязочной частью — инфинитивом; в то же время субъектная форма связки оказывается фиксированной, поскольку присвязочный инфинитив может присоединяться лишь к безличной форме связки. Таким образом, структура свободных категорий в этом случае совпадает с характеристикой описываемого функционального класса — $n + \text{вр} + \text{в} + \text{р} - \text{л} - \text{ч} -$.

Данная разновидность бессубъектно-инфинитивных предложений имеет два варианта — не только двусоставный, но и односоставный. Двусоставный вариант реализуется в структуре с подлежащим — инфинитивом и сложным связочным сказуемым.

Инф. + Св. + Инф.

А приехать к вам во второй раз было бы наверное губить вас (Черн.)

Наряду с этим, в данном случае возможен и односоставный вариант без подлежащего. Его структурная формула:

Св. + Инф.

Последний вариант распространен весьма широко. Особенностью его, по сравнению со структурами глагольного типа, с которыми мы исключительно имели дело до сих пор, является нулевая форма связки в настоящем времени, так что в этом случае структура материально репрезентируется одним лишь инфинитивом, хотя фактически здесь наличествует сочетание двух синтаксических элементов — инфинитива и связки (нулевой), сообщающей предложению родство с безличными конструкциями (в силу того, что связка имеет фиксированную субъектную форму, аналогичную форме глаголов в безличном употреблении).

Я не понимаю, отчего тут приходить в азарт (Черн.)

Отчего это не учиться танцевать (А. Остр.)

Разве водки выпить? (Чех.)

Нечего упоминать здесь и об умышленных и обидных уклонениях ваших от необходимых по сему случаю объяснений (Дост.)

Поклониться иль нет? Отозваться иль нет? Признаться иль нет? (Дост.)

Конструкции с ненулевой связкой (обычно в форме прошедшего времени или сослагательного наклонения³⁰) более употребительны в том случае если имеется какой-либо присказуемый второстепенный член — дополнение или обстоятельство.

Что же делать? (Тург.)

... вздумал он нашу матушку ревновать, а к кому тут было ревновать, господи, боже мой (Тург.)

Впрочем, действительно, было от чего прийти в такое смущение (Дост.)

А то что было обижать меня, Варенька, купно со врагами моими, на честь и амбицию честного человека посягающими! (Дост.)

Односоставным структурам описанного типа противопоставляются двусоставные структуры с инфинитивом — подлежащим и различными видами связочного сказуемого со связкой в безличной форме.

Было наслаждением смотреть на ее доброе, ясное, чистое лицо, как у ангела (Чех.)

Поддразнил себя и растравлять таким образом свои раны в настоящую минуту было каким-то глубоким наслаждением для господина Голядкина, даже чуть ли не сладострастием (Дост.)

Но ведь подготовиться к нему дело нешуточное (Бунин).

Как видим, структурная манифестация данного вида предложений ограничена отсутствием простого связочного сказуемого, невозможного при инфинитиве — подлежащем.

Таким образом, мы рассмотрели три вида бессубъектно-инфинитивных предложений — один глагольного типа (двусоставный противочлен односоставных бессубъектных предложений) и два — односоставный и двусоставный — связочного типа. Интересно, что инфинитивные конструкции являются единственной разновидностью бессубъектных (немаркированных) предложений, допускающей двусоставную репрезентацию. Это указывает на особое положение инфинитива как подлежащего. Действительно, мы знаем, что инфинитив является единственным классом слов, который в позиции подлежащего не подвержен субстантивации и не приобретает некоторой характеристики по субъектным категориям. Поэтому инфинитив в роли подлежащего не служит для характеристики субъекта и оказывается возможен в бессубъектных предложениях.

³⁰ Вариант в форме будущего времени употребляется крайне редко в силу того, что форма связки *будет* уже «занята» в аналитической глагольной конструкции. Более возможным (хотя тоже стоящим на грани правильности) в этом случае выглядит сочетание связки с инфинитивом в форме совершенного вида, устраняющее опасность омонимии (*Ну будет нам где повеселиться*). Использование обстоятельственных слов в этом случае также повышает вероятность появления такой структуры.

Обобщенно-личные (апеллятивные) предложения

Характерной приметой обобщенно-личного предложения является фиксированный с точки зрения субъектных категорий характер главных членов в форме второго лица, обычно единственного (реже множественного) числа. Данный тип реализуется прежде всего, как и другие типы неопределенно-субъектных структур, односоставной конструкцией без подлежащего и с различными разновидностями глагольного сказуемого.

Иной раз, особенно в сумерки, сидишь себе одна-одинёшенька. (Дост.)

Не очень-то ляжешь. (Чех.)

Впрочем, ведь словами ничего не возьмешь (Дост.)

Ну, от ее глаз не спрячешься (Леонов).

Вот теперь и смотри за ним и ухаживай (Дост.)

Поневоле упадешь духом, (Дост.)

Вот и стой здесь, как чурбан, да и только! (Дост.)

Час едешь, два стоишь (Булг.)

Так же как и другие виды неопределенно-субъектных предложений, обобщенно-личное предложение выступает в постоянной субъектной форме независимо от того, известен ли субъект и соответствуют ли требования, вытекающие из ситуации, данной форме. Так, действие, обозначаемое в обобщенно-личном предложении, может относиться к первому лицу:

Некогда скучать. Разве по утрам иногда поезда ждешь: вот-вот загудит (Пауст.)

В некоторых контекстах обобщенно-личное предложение может относиться к третьему лицу:

Пепел: Это Клещ что ли? Чего он? Бежит, как ошпаренный...

Лука: Побежишь, если эдак... к сердцу подступит (Горьк.)

Эта неинформативность субъектной формы относительно реального характера субъекта составляет характерную примету обобщенно-личного предложения, как одного из разрядов неопределенно-субъектного функционального класса.

Распространено мнение, что обобщенно-личные предложения выступают только с глагольными формами настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, а также повелительного наклонения, но невозможны с формами прошедшего времени и сослагательного наклонения (см. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, М., АН СССР, 1960, стр. 7—8; «Современный русский язык», ч. II, МГУ, 1964, стр. 400—401; А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, ч. II, М., 1961, стр. 88). Между тем, однако, нетрудно показать, что некоторые конструкции с глаголом в прошедшем времени (или сослагательном наклонении) также могут быть отнесены к дан-

ной разновидности: Ср. — *бывало, и хотел бы стать прилежным, да не можешь...*

Такие предложения отчетливо сохраняют и обобщенно-личное значение, и, главное, — структуру парадигмы, присущие всему типу в целом. В самом деле, здесь также не допускается варьирование категорий числа и рода (постановка множественного числа или немужского рода разрушает обобщенно-личный характер предложения), категория лица здесь просто остается невыраженной. Таким образом, подобные формы есть все основания рассматривать в качестве членов парадигмы обобщенно-личного предложения.

При этом возникает вопрос, какая субъектная форма репрезентирует обобщенно-личное предложение в прошедшем времени и сослагательном наклонении. Дело в том, что основная примета данного типа — второе лицо — в этом случае нерелевантна, так как форма лица нейтрализуется в прошедшем времени. Это обстоятельство и является причиной того, что конструкции с прошедшим временем исключаются обычно из числа обобщенно-личных.

Однако можно констатировать, что в прошедшем времени обобщенно-личные предложения оказываются фиксированы в форме мужского рода. Мужской род употребляется безотносительно к полу лица — производителя действия. В частности, форма мужского рода используется в том случае, когда действие относится к субъектам как мужского, так и женского рода. Ср. различные призывы (*Ты подписался на молодежную газету?* и т. д.), представляющие собой, в сущности, разновидность неопределенно-личного предложения.

Интересно, что даже в том случае, когда действие, как ясно из контекста, относится только к лицам женского пола, употребляется форма мужского рода. Ср. такой, например, призыв: *Ты записался на курсы кройки и шитья?* Здесь форма мужского рода не только возможна, но и предпочтительна перед формой женского рода, что говорит о фиксированном характере субъектной формы в данном случае.

Однако надо вместе с тем признать, что в случаях типа последнего форма женского рода, как форма репрезентации обобщенно-личного предложения, также является возможной. Таким образом, возникает вариативность по роду (правда, ограниченная только формами мужского и женского рода). Хотя одна из форм имеет тенденцию предпочитаться безотносительно к конкретной ситуации, в принципе создается, пусть ограниченная, предпосылка для выбора субъектной формы применительно к требованиям ситуации сообщения; этим обобщенно-личные предложения отличаются от проанализированных ранее видов неопределенно-субъектных предложений, субъектная форма которых при всех обстоятельствах оказывается безотносительной к ситу-

ации (хотя и может случайно совпасть с требованием, предъявляемым ситуацией). Следовательно, у обобщенно-личных предложений неопределенно-субъектный характер выражен несколько слабее, чем у неопределенно-личных и безличных, хотя в целом их признаки в этом плане следует все же признать достаточно устойчивыми. Ведь решающий признак данного типа — форма второго лица сохраняется неизменной при всех обстоятельствах, если лицо не оказывается нейтрализовано.

Правда, обобщенно-личные предложения возможны с глагольными формами как в единственном, так и (изредка) во множественном числе. Однако изменение формы числа не является в данном случае (как и в ряде неопределенно-личных предложений) зависящим от контекстуальных связей, поскольку не несет реального изменения понятия о лице, которое в данном случае сохраняется неизменным, и, следовательно, не может зависеть от характера представления о лице в предшествующих предложениях.

Форма множественного числа в обобщенно-личном предложении противопоставлена форме единственного числа не грамматически, а стилистически: это вариант, связанный не с информативностью о множестве лиц, а лишь с вежливым обращением к собеседнику. Форма множественного числа в обобщенно-личном предложении всегда связана с формулой вежливости, и в этом смысле так же неинформативна в отношении числа субъекта, как и форма единственного числа. Она может быть употреблена в ситуации, предполагающей любую реальную характеристику субъекта.

Ради бога, дальше от фонаря. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольский сюртук ваш вонючим своим маслом (Гог.)

Таким образом, подобно тому как переносное употребление формы множественного числа вместо единственного со значением вежливого обращения в рамках определенно-субъектных предложений не изменяет функционального характера последних, так и употребление аналогичной формы в рамках обобщенно-личного предложения не разрушает его неопределенно-субъектного характера. Поэтому данные формы могут рассматриваться как отдельные разные предложения, а не члены одной синтаксической парадигмы. Следовательно, в этом случае можно говорить об отсутствии парадигмы по категории числа.

Итак, имеется еще одна самостоятельная разновидность односоставного обобщенно-личного предложения, репрезентируемая глагольным сказуемым в форме второго лица множественного числа.

В роли сказуемого обобщенно-личного предложения могут выступать те же глаголы, что и в роли сказуемого неопределенно-личного предложения, то есть слова, обозначающие дей-

ствие, которое может быть приписано лицу. Иными словами, практически значительное большинство глаголов русского языка может стать сказуемым данного типа предложений; однако имеется и одно существенное отличие от неопределенно-личных предложений, которое состоит в том, что в русском языке не имеется ни одного специального обобщенно-личного глагола, который характеризовался бы исключительным употреблением в рамках данного типа предложений, закрепленным в его особых морфологических свойствах. Таким образом, все обобщенно-личные предложения имеют функциональный характер. Их характеристика всегда обусловлена исключительно особенностями употребления в тексте, а не задана конструктивно. Следовательно, обобщенно-личные предложения в целом образуют маркированный класс неопределенно-субъектных предложений.

Двусоставные структуры

Мы уже не раз имели возможность убедиться, что количество членов предложения (состав) не оказывает влияния на функциональные свойства предложения, так что большинство выделенных нами до сих пор классов манифестировались двумя структурными разновидностями — односоставной и двусоставной.

Не составляют в этом отношении исключения и обобщенно-личные предложения — они тоже, наряду с односоставными структурами, имеют в качестве репрезентаторов двусоставные с подлежащими. Более того, двусоставные обобщенно-личные предложения распространены весьма широко и, пожалуй, являются наиболее продуктивными среди всех двусоставных неопределенно-субъектных предложений. Они встречаются в речи настолько часто, что все без исключения более или менее полные описания обобщенно-личных предложений содержат упоминание об этой структурной разновидности.³¹

В роли подлежащего обобщенно-личного предложения выступает личное местоимение второго лица *ты*. Так же как и глагольное сказуемое, подлежащее в этом случае оказывается несоотносительно с другими формами рода, лица и числа и не несет поэтому никакой информации о реальном характере субъекта. Поэтому двусоставность несколько не изменяет функциональную характеристику предложения.

Двусоставная структура обобщенно-личного предложения имеет известные преимущества перед односоставной с точки зрения выражения функциональных особенностей, поскольку

³¹ См., в частности, «Грамматика русского языка»..., изд. АН СССР, т. I, ч. 2, стр. 11—12. В этом случае остается, однако, необъясненным существование данного феномена, поскольку традиционная теория видит причину особого характера неопределенно-субъектных предложений в их односоставности.

характерная примета данного типа — форма второго лица сохраняется в этом случае и у вариантов в форме прошедшего времени и сослагательного наклонения. Не случайно большинство примеров подобного рода оказываются двусоставными.

Наконец, так же как и в односоставной разновидности, двусоставный вариант возможен в форме множественного числа. В этом случае в роли подлежащего выступает местоимение *вы*. Соотношение подлежащих *ты* и *вы* в обобщенно-личном предложении имеет точно такой же характер, как соотношение глагольных форм единственного и множественного числа в односоставном варианте: форма *вы* относится к *ты* не как множественное число к единственному, но всегда только как вариант, связанный с формулой вежливого обращения. Это позволяет считать структуры с подлежащими *ты* и *вы* различными разновидностями обобщенно-личного предложения, не членами одной парадигмы.

При анализе общего значения обобщенно-личного предложения следует исходить из основной формальной приметы данного типа — формы второго лица. Действительно, в связи с наличием разновидностей в обеих числовых формах и возможностями колебания форм рода, данные категории не могут считаться характерными для обобщенно-личного предложения. В то же время форма второго лица остается строго фиксированной во всех его структурных манифестациях. Немногие примеры, когда форма лица оказывается нейтрализованной (односоставные структуры в форме прошедшего времени и сослагательного наклонения, встречающиеся, как мы сказали, весьма редко), воспринимаются, по-видимому, по аналогии с другими членами парадигмы.

Итак, фиксированная форма второго лица является главным отличительным признаком обобщенно-личного предложения, и источник категориального значения данного класса следует искать в особенностях этой формы. Основной особенностью последней является ее апеллятивный характер. Форма второго лица — это форма обращения говорящего к адресату. Это свойство и определяет основную особенность обобщенно-личного предложения. Обобщенно-личные предложения — это предложения апеллятивного характера. Говорящий апеллирует к адресату, как к субъекту действия. Но сам адресат здесь оказывается неопределенным. Это — не обязательно собеседник, участник акта коммуникации, поскольку форма второго лица в данном случае неинформативна: она может относиться в принципе к любому лицу. Здесь апеллятивность накладывается на общее свойство неопределенно-субъектных предложений — отсутствие информации относительно грамматических параметров субъекта. В результате адресатом, к которому апеллирует обобщенно-личное предложение, как к своему субъекту, оказывается вовсе не обязательно непосредственный адресат сообщения, а всякий, любой

субъект. Тем самым субъект обобщенно-личного предложения принимает обобщенный характер. Сообщаемое как бы апеллирует к каждому, как к потенциальному субъекту сообщения.³² Говорящий, используя обобщенно-личное предложение, включает в сферу сообщаемого каждого, в том числе и самого себя, и собеседника, и всякое третье лицо. Он как бы говорит: «Это действие совершаем обычно (или, во всяком случае, можем совершить) и я, и вы, и каждый».

Даже в тех случаях, когда из контекста очевиден вполне конкретный субъект, категориальное значение обобщенно-личного предложения проступает сквозь его вещественное значение (и даже вопреки последнему), окрашивая определенным образом вещественный субъект, а именно, придавая ему характерную апеллятивность, «сострадательность». Так, если действие относится к первому лицу (*Я люблю удить рыбу. Бывало, сидишь и думаешь...*, и т. д.), действия говорящего приобретают обобщенный, «внеличный» характер. Говорящий как бы не просто сообщает о своих действиях, но апеллирует к своим адресатам (причем не только к действительным — второму лицу, но и потенциальным — третьему лицу): «Вам это тоже свойственно, не правда ли?» Апеллятивность сохраняется даже в том случае, если действие характеризует «отстраненное» третье лицо. В этом случае отстраненность третьего лица снимается, говорящий как бы делает себя и собеседника потенциальными соучастниками сообщаемого действия: «И я, и вы поступили бы точно так же на его месте».

Здесь проходит глубокая грань между обобщенно-личными предложениями и неопределенно-личными, имеющими обобщенное значение: обобщенность в этих случаях достигается совершенно различными, можно сказать, диаметрально противоположными путями. У неопределенно-личных предложений, в силу их отстраненного характера, на первом плане — третье лицо, «некто», внешний по отношению к участникам акта коммуникации, всячески подчеркивается эта его «посторонность» и потому неопределенность, неизвестность для говорящего и его собеседника. Если в высказываниях обобщенного характера этот «некто» приобретает значение «всякий», то говорящий и адресат включаются в понятие субъекта сообщения опосредованно, через осознание своей включенности в объем понятия «всякий»: «Это

³² Удачным в этой связи нам представляется следующее замечание Р. Н. Гайсиной: «Независимо от воспроизводимого значения форма глагола второго лица способствует созданию определенного речевого контакта между говорящим и слушающим (собственно, ради этого она и употребляется).» Р. Н. Гайсина, О средствах речевого контакта в русском языке, «Вопросы методологии и методики лингвистических исследований», Уфа, 1966, стр. 127.

свойственно всякому, следовательно, и нам с вами». У обобщенно-личных предложений на первом плане, напротив, участники акта коммуникации — говорящий и слушатель, но в сферу сообщаемого оказывается вовлечен и каждый, любой путем снятия этой его отстраненности, «чуждости», включения его в акт коммуникации в качестве потенциального участника, потенциального адресата: «Это свойственно каждому так же, как и нам с вами».³³

Эти соображения еще раз призваны подчеркнуть, что отождествление предложений типа *Цыплят по осени считают* с обобщенно-личными исключительно в силу их обобщенного значения совершенно неправомерно. В связи с этим, неудачным представляется название «обобщенно-личные предложения», во-первых, потому, что обобщенность не является их главным признаком, а лишь производным, вытекающим из их апеллятивного характера; во-вторых, потому, что обобщенность может быть свойством не только данного класса предложений, и представление обобщенности в качестве основной приметы создает опасность неправомерного расширения границ этого класса. Чтобы избежать этого, необходимо уточнение в каждом случае, какой характер имеет обобщенность, в силу чего она достигается. Поэтому название «обобщенно-личные предложения» не характеризует достаточно ясно определенный класс предложений. Мы предлагаем назвать описанный здесь класс обобщенно-апеллятивными предложениями.

Чтобы показать, насколько такое уточнение необходимо, надо вспомнить об одной группе случаев, неправомерно отождествляемых с обобщенно-личными предложениями. Речь идет о конструкциях в форме первого лица множественного (иногда и единственного) числа с обобщенным значением:

Все вытерпим, все вынесем (Бубеннов).

Живем, так и хлеб жуем (пословица)³⁴

³³ Для того, чтобы наглядно показать разницу в представлении обобщенности у неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений, полезно трансформировать некоторые пословичные выражения и проследить, как при этом изменится их смысл. Представим себе, например, пословицу *Цыплят по осени считают* преобразованной в обобщенно-личное предложение: *Цыплят (ведь) по осени считаешь*. Обобщенность при этом сохраняется, но совершенно изменяется отношение действия к участникам акта коммуникации. В первом случае они в качестве субъекта совершенно растворяются в понятии «всякий, каждый», воспринимаются «в последнюю очередь», на фоне данного понятия: «и мы, как все». Во втором, напротив, они оказываются на первом плане, как первые производители данного действия, которое свойственно и всем остальным: «все, как мы».

³⁴ См., напр., «Современный русский язык», ч. 2, изд. МГУ, 1964, стр. 409; А. А. Юдин, Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения..., стр. 122.

Нетрудно убедиться, что подобные предложения допускают варьирование и по лицу, и по числу без изменения их характера (ср. *А они как поживают? — Да ничего: живут — хлеб жуют; а он как? — тоже живет (себе) хлеб жует*). Сама «обобщенность» здесь имеет качественно иной характер. Если объединять предложения только на основании данного признака, то непонятно, например, почему не включить в разряд обобщенно-личных высказывания такого типа:

Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь (Пушк.)

Нечеткость в определении границ обобщенно-личного предложения нам представляется отнюдь не случайной. Мы видели уже, что эти предложения (как, впрочем, и неопределенно-личные) реализуются в разных по морфологическому составу структурах. Это и затрудняет их определение в традиционной классификации, для которой единственным релевантным признаком формы является именно морфологический состав. Не имея возможности в данном случае опереться на этот признак, традиционное описание вынуждено апеллировать исключительно к семантике и конституировать обобщенно-личный тип, опираясь только на значение. Естественно, что границы типа при этом оказываются весьма зыбкими.

В этом отношении предлагаемое здесь описание руководствуется формальным критерием, который позволяет вполне определенно установить границы каждого типа, даже в случае неоднородности состава различных его разновидностей, и на базе этих признаков выявить его общее значение.

Однако предложения отмеченного выше типа, не будучи, безусловно, обобщенно-апеллятивными, представляют самостоятельный интерес как особая самостоятельная разновидность неопределенно-субъектных предложений. Рассмотрим эту, последнюю в нашем описании, разновидность неопределенно-субъектного функционального класса.

Инклюзивные предложения

Характерным признаком данных предложений является форма первого лица множественного (реже единственного) числа. Однако особенность их по сравнению со всеми остальными классами неопределенно-субъектных предложений состоит в том, что данная форма не является строго фиксированной. Выше мы уже показали, что в принципе здесь возможно варьирование форм лица, числа и рода, причем варьирование, происходящее под влиянием контекста и ситуации сообщения.

Тем самым оказывается невозможным говорить о данных предложениях как о полноправной разновидности неопределенно-субъектного функционального класса, поскольку отсутствует основной формальный признак данного класса — фиксированный характер и независимость от контекста субъектной формы. Однако это не означает также, что здесь мы имеем дело с обычным определенно-субъектным предложением. По сравнению с последними в данном случае также имеется одна существенная особенность, состоящая в том, что хотя в принципе возможно различное оформление с точки зрения субъектных категорий и налицо таким образом субъектная парадигма, но одна из форм явно предпочитается перед всеми остальными — именно форма первого лица. Данный вариант преобладает по употребительности, причем это происходит за счет того, что его употребление возможно вместо любого другого варианта. Таким образом, форма первого лица может употребляться безотносительно к ситуации, применительно к любому реальному субъекту, то есть так, как это свойственно неопределенно-субъектному предложению, но эта фиксированность формы не является обязательной, возможна (хотя и необязательна) ее замена другой субъектной формой, соответствующей ситуации сообщения:

Следовательно, перед нами переходное явление между определенно-субъектным и неопределенно-субъектным классом, или, вернее, неотстоявшийся окончательно, «слабый» вид неопределенно-субъектных предложений. То, что у сильных подклассов выражено как четкая закономерность и даже в некоторых случаях закреплено в морфологических и синтаксических свойствах слов, составляющих структуру фразы, в данном случае проявляется лишь как некоторая тенденция, как возможность, не ставшая еще необходимостью.

С учетом данных соображений можно рассматривать инклюзивные предложения (ниже мы разъясним, почему дали им такое название) в рамках неопределенно-субъектного класса, условно считая их субъектную форму фиксированной в первом лице. В этом случае обнаруживается, что их структурные манифестации полностью параллельны манифестациям обобщенно-личных предложений. Так же, как и у последних, здесь возможны все формы глагольного сказуемого, так же параллельно существуют два варианта — односоставный и двусоставный с подлежащим, выраженным местоимением *мы*, причем оно находится в таких же отношениях с другими формами местоимения, как и глагольная форма первого лица множественного числа — с другими формами лица и числа. Аналогия состоит и в том, что оба варианта имеют в языке примерно одинаковое распространение — двусоставная структура инклюзивных предложений, пожалуй, распространена еще шире, чем среди обобщенно-апеллятивных предложений.

Наконец, подобно обобщенно-апеллятивным предложениям, инклюзивные предложения манифестируются двумя разновидностями, различающимися формой числа. В самом деле, наряду с основной, преобладающей формой первого лица множественного числа (*Что имеем, не храним*), возможна в аналогичном употреблении форма первого лица единственного числа: *Я мыслю, следовательно, существую*. В этом случае данная форма, так же как и разновидность во множественном числе, употребляется безотносительно к действительной характеристике субъекта. Поскольку обе формы (как единственного, так и множественного числа) не несут информации о числовой характеристике субъекта, их нельзя при таком употреблении считать членами числовой парадигмы, они образуют самостоятельные структурные разновидности. Иначе говоря, перед нами соотношение, аналогичное тому, которое мы наблюдали у разновидностей числовой формы обобщенно-апеллятивных предложений. Различие состоит лишь в том, что у последних основной была форма единственного числа, а форма множественного являлась ее вариантом, здесь же отношение обратное — основной является разновидность в форме множественного числа.

Разновидность в форме первого лица единственного числа также существует в двух вариантах — односоставном и двусоставном, причем в последнем случае роль подлежащего играет личное местоимение *я*, несоотносительное в данном случае с *мы*, как и формы единственного и множественного числа сказуемого.

Парадигма инклюзивных предложений, как мы уже говорили, не вполне сложилась в современном русском языке, в связи с чем возможна «деформация», частичное варьирование субъектной формы ее членов. В принципе это не означает, конечно, что инклюзивные предложения представляют собой развивающийся тип: говоря о том, что они не до конца определились в своих функциональных свойствах, мы имеем в виду прежде всего синхронный план этого явления — наличие в современном русском языке слабого подкласса неопределенно-субъектных предложений, обладающего недостаточно четко выраженными свойствами данного функционального класса. Однако некоторые соображения позволяют предполагать, что в настоящее время в языке действительно совершается развитие данного типа. Приемы этого процесса заключаются во все более широком употреблении инклюзивных предложений в различных стилях речи и закреплении их в качестве устойчивых (в некоторых случаях — обязательных) формул, вытесняющих в любой ситуации другие субъектные формы. В частности, широкое распространение инклюзивная форма получила в формулах общения с клиентом. Если и прежде широко была известна формула — вопрос врача: «Как мы себя чувствуем?» — то в настоящее время широкое распространение получили многие аналогичные формулы обра-

щения: «Как будем стричься?» (парикмахер клиенту), «Что будем кушать?» (официант посетителю), «Куда поедем?», «Подвезем товарища?» (о попутном пассажире), «Сначала заедем заправимся» (формулы обращения водителя такси к пассажиру).³⁵

Можно полагать, что дальнейшее распространение подобных оборотов приведет к устойчивому вытеснению «инклюзивной» формой первого лица всех остальных субъектных форм и к окончательному оформлению данного типа неопределенно-личных предложений.

Говоря о значении инклюзивных предложений, следует помнить, что мы имеем дело со слабым типом неопределенно-субъектных предложений. Поскольку его субъектная форма не является строго фиксированной и допускает альтернативы, она не может оказывать такого определяющего влияния на характер инклюзивных предложений, как субъектная форма других, «сильных» классов неопределенно-субъектных предложений. В связи с этим категориальное значение инклюзивных предложений, так же как и его формальные признаки, выглядит не вполне определенным.

Тем не менее и здесь в принципе значение типа определяется репрезентирующей его формой. Форма первого лица множественного числа создает представление о множестве, в которое оказывается включен говорящий. Этот эффект инклюзии, приобщения говорящего к сообщаемому составляет, по-видимому, наиболее характерную черту значения инклюзивных предложений, что и побудило нас дать этому типу соответствующее наименование.

Эффект инклюзии наблюдается и тогда, когда реально, по смыслу ситуаций, говорящий не является субъектом действия

³⁵ По-видимому, особое явление, не подводимое под описываемый тип, представляет собой упоминавшееся уже нами переносное употребление формы первого лица множественного числа вместо единственного в научном стиле. В этом случае мы имеем дело не с неопределенно-субъектным функционированием, а с переносным употреблением субъектной формы в рамках определенно-субъектного типа. Действительно, здесь имеется однозначное соответствие между реальным значением и переносно употребленной формой (первое лицо единственного — первое лицо множественного числа). В рамках данного типа употребления (в научном стиле) никакой иной денотат (второе или третье лицо, например) указанной субъектной форме не может быть сопоставлен. Иное положение возникает в случае употребления инклюзивного предложения: инклюзивная форма может соответствовать любому реальному значению субъекта — и второму лицу (*как мы себя чувствуем*), и третьему лицу (*мы сегодня не в духе* — это может быть сказано и о собеседнике, и о третьем лице), и первому лицу, объединенному со вторым (*куда поедем?*), и всякому, любому субъекту, причем отнесенность к какому-то определенному субъекту здесь не обусловлена некоторыми стилистическими или ситуационными рамками. Поэтому здесь не имеется определения (хотя бы переносного) реального субъекта.

(ср. фразы вроде «Как мы себя чувствуем?»). В этом случае говорящий как бы представляет себя соучастником действия. В том же случае, когда говорящий реально является производителем действия, его роль также представляется в виде включения в общее действие, соучастия, даже тогда, когда говорящий является, в сущности, единственным подлинным деятелем («Поедем заправимся»).

Данное осмысление лежит в основе обобщенного значения, свойственного инклюзивным предложениям в не меньшей мере, чем аппеллятивным; источником обобщения служит включенность говорящего в тесную группу, составляющую субъект («мы»). Однако в данном случае эффект обобщения создается иным путем и имеет специфический оттенок по сравнению с аппеллятивными и некоторыми неопределенно-личными предложениями. Можно сказать, что в этом отношении инклюзивный тип занимает как бы промежуточное положение, обладая чертами, частично сходными как с аппеллятивными, так и с неопределенно-личными предложениями (которые представляют собой с этой точки зрения полярные случаи). С одной стороны, инклюзивные предложения сближает с аппеллятивными отсутствие эффекта отстранения, создание особого оттенка «приобщенности» (сохраняемого даже тогда, когда реально сообщение относится к третьему лицу). Но, с другой стороны, это приобщение говорящего к сообщаемому действию осуществляется в направлении, противоположном тому, которое характерно для аппеллятивного предложения. В последних говорящий — сам первый субъект, первый производитель действия, к которому оказываются приобщены и все остальные. В инклюзивном же предложении говорящий, напротив, приобщается к действию, совершаемому этими «остальными». Направление данного процесса здесь не центростремительное, а центробежное — не аппелляция, а инклюзия. В этом отношении инклюзивные предложения объединяются с неопределенно-личными, отличаясь, однако, от последних прямым приобщением говорящего к действию (а не только косвенным, через понятие «каждый», «всякий»), отсутствием эффекта чуждости, отстраненности субъекта по отношению к говорящему. В неопределенно-личном предложении говорящий представляется неучастником действия, он отстранен от действия (даже тогда, когда реально действие производится именно говорящим). В отличие от этого, в инклюзивном предложении говорящий представляется участником действия, но не прямым, не «первым», а лишь «соучастником», тогда как в обобщенно-аппеллятивном предложении, напротив, «всякий», «каждый» представляется «соучастником» говорящего.

Мы рассмотрели все подклассы функционального класса неопределенно-субъектных предложений. Как класс в целом, так и его разновидности были исследованы в двух планах — с точки

зрения формальных признаков и общего категориального значения, присущего всем предложениям определенного типа независимо от лексического наполнения и контекстуально-ситуационных условий употребления. При этом формальные признаки отражали функциональную сущность предложений, показывая способ их употребления, правила их включения в связный текст, их сочетаемость с другими предложениями. Поэтому в один класс неизменно попадали предложения, различные с конструктивной точки зрения, то есть манифестируемые разными словесными структурами, и в частности, различающиеся по признаку, признаваемому важнейшим с точки зрения конструктивного описания предложения — по количеству главных членов (односоставные и двусоставные структуры). Содержательная же характеристика каждого типа базировалась целиком на его формальных особенностях, определенных с функциональной точки зрения.

Подведем теперь итог нашему исследованию данной группы предложений и рассмотрим общую структуру функционального класса неопределенно-субъектных предложений с точки зрения выражения формальных признаков и содержательной характеристики. С первой точки зрения общим признаком, характеризующим данный класс в целом, является, как мы знаем, фиксированный характер субъектной формы. Однако, как выяснилось, не у всех разновидностей неопределенно-субъектных предложений данный признак выражен одинаково отчетливо. В этом плане можно выделить сильные подклассы, у которых формальные свойства класса проявляются наиболее ярко, и слабые, у которых эти свойства выражены менее отчетливо.

Наиболее сильными подклассами неопределенно-субъектных предложений являются, очевидно, неопределенно-личные, безличные и бессубъектно-инфинитивные предложения. Их объединяет два общих признака: а) строго фиксированный характер субъектной формы по всем субъектным категориям, ее полная независимость от контекста и ситуации сообщения и б) наличие внутри каждого подкласса особых групп, у которых фиксированный характер субъектной формы закреплен конструктивно, «морфологизован», то есть стал уже свойством самой структуры (бессубъектно-инфинитивные предложения все обладают таким свойством). Здесь функциональные свойства предложения отразились на характере его структуры, отложились в качестве свойств самой внутренней конструкции предложения. Функциональный тип выработал для своего выражения особые специализированные группы слов (и особые словосочетательные правила), специально приспособленные для манифестирования формальных признаков данного типа и употребляемые исключительно в рамках последнего. Вот почему с точки зрения выражения формальных признаков такие случаи являются наиболее сильными, ядерными представителями неопределенно-субъектного класса.

Наличие в составе отмеченных подклассов данных случаев, а также четкое выражение формальных признаков у всех остальных представителей этих подклассов определяет их характеристику как сильных представителей неопределенно-субъектных предложений.

С другой стороны, обобщенно-апеллятивные и инклюзивные предложения явно являются более слабыми подклассами, поскольку а) в их составе не обнаруживается явлений конструктивной обусловленности признаков неопределенно-субъектного класса; б) субъектная форма менее строго фиксирована и допускает воздействие контекста и ситуации сообщения, то есть может варьироваться под влиянием данных факторов.

С последней точки зрения, впрочем, имеется некоторое различие между апеллятивными и инклюзивными предложениями. А именно, в то время как у первых парадигматическое варьирование возможно только по одной категории рода и имеет место лишь спорадически, у инклюзивных предложений возможно варьирование по всем субъектным категориям (включая и основную, характеризующую данный тип — категорию лица) и распространено значительно шире. Поэтому целесообразно представить неопределенно-субъектный класс с точки зрения описываемого признака в виде не бинарной (сильные — слабые), а тернарной оппозиции, выделив сильные, относительно сильные и слабые подклассы (к последним двум будут принадлежать соответственно апеллятивные и инклюзивные предложения).

Несомненно, степень выраженности формальных признаков соответствует тому, насколько отчетливо в той или иной группе выражается общее значение, «идея» функционального класса, к которому она принадлежит, в отличие от «идеи» противоположного класса. В связи с этим слабый подкласс неопределенно-субъектных предложений (инклюзивные предложения) допускает использование в ситуации, когда субъект определен и известен, гораздо шире, чем другие классы неопределенно-субъектных предложений. Здесь ослабленное категориальное значение неопределенности меньше «оказывает сопротивление» вещественной определенности субъекта.

Тем не менее, несмотря на тесную связь формальных и содержательных признаков, представляет самостоятельный интерес более подробное выяснение с последней точки зрения общей структуры функционального класса неопределенно-субъектных предложений и его противопоставления определенно-субъектному классу.

В этом плане среди неопределенно-субъектных предложений могут быть выделены две большие группы случаев. Первая охватывает безличные, неопределенно-личные и бессубъектно-инфинитивные предложения. Для данной группы характерно общее значение отстраненности говорящего (и, шире, участников акта

коммуникации — говорящего и адресата) от сообщаемого действия. Оно базируется на свойствах формы третьего лица или безличной формы, в которых манифестируются предложения данной группы. Эту группу случаев в целом можно назвать отстраненно-субъектными предложениями. Подклассами отстраненно-субъектного типа являются безличные (включая сюда и бессубъектно-инфинитивные) и неопределенно-личные предложения.

Другую группу образуют апеллативные и инклюзивные предложения. Для них характерно отсутствие эффекта отстраненности, включение говорящего в понятие субъекта, представление говорящего как одного из агентов (но при этом не единственного). Основу данного значения составляет форма первого и второго лица (то есть не-третьего лица, форма, характеризующая непосредственных участников акта сообщения³⁶), в которой манифестируются апеллативные и инклюзивные предложения. Эффект объединения говорящего с другими агентами в качестве субъекта предложения придает очень часто последнему значение обобщенности. Поэтому данную группу в целом можно назвать обобщенно-личными предложениями; ее подклассами являются апеллативные и инклюзивные предложения.³⁷

Итак, в пределах неопределенно-субъектных предложений можно выделить прежде всего кардинальное противопоставление между отстраненными и обобщенными предложениями; внутри каждой из этих групп в свою очередь возникают противопоставленные подклассов: в первой — неопределенно-личные и безличные, во второй — апеллативные и инклюзивные.

Кроме того, с точки зрения значения предложений может быть выделен еще один тип противопоставления. Речь идет о предложениях, функциональная характеристика которых выявляется только из их употребления в тексте, и о таких, функциональная характеристика которых оказывается обусловленной конструктивно. Мы назвали эти случаи соответственно маркированными и немаркированными типами неопределенно-субъектных предложений.³⁸

³⁶ При этом форма второго лица, в силу непосредственной противопоставленности первого и второго лица, предполагает присутствие, участие говорящего (всякое *ты* предполагает наличие *я*, тогда как *он* не соотносится с *я* непосредственно).

³⁷ Сохраняя традиционное наименование для группы в целом, необходимо, однако, помнить о различии между образующими ее подклассами.

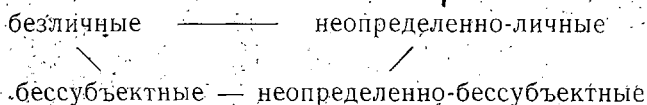
³⁸ Понятия «сильный» и «маркированный» (соответственно «слабый» и «немаркированный») нередко употребляют как синонимы; мы сочли возможным в данном случае придать им несколько различное значение, выделяя сильные и слабые классы в плане выражения с точки зрения четкости формальных признаков, а маркированные и немаркированные классы — в плане содержания, по характеру выявления категориального значения.

Данное противопоставление охватывает только группу отстраненно-субъектных предложений, поскольку только там выделяются немаркированные подклассы. Характерным для этих подклассов является отсутствие активного отстранения субъекта (поскольку форма третьего лица или среднего рода в этом случае не активно предпочитается всем другим, а автоматически вытекает из морфологических или синтаксических особенностей слов, входящих в состав структуры предложения). В результате неопределенность субъекта оказывается представлена у данных предложений как полное «снятие» субъекта, как бессубъектность. Несомненно, бессубъектность является, с одной стороны, наиболее «радикальным» проявлением общего значения неопределенности субъекта (что вполне объяснимо, если вспомнить, что речь идет о наиболее сильных с точки зрения формальных показателей группах неопределенно-субъектных предложений), а с другой стороны, и наиболее «пассивным», «автоматическим» способом придания субъекту значения неопределенности.

Среди немаркированных отстраненно-субъектных предложений могут быть выделены две разновидности, соотнесенные с неопределенно-личным и безличным типом. Это случаи, которые мы назвали ранее собственно неопределенно-личными предложениями (неопределенно-бессубъектные предложения) и собственно-безличными (бессубъектные предложения, включая сюда и бессубъектно-инфинитивные).

Первые имеют некоторый дополнительный оттенок неопределенности, который отсутствует у вторых, манифестирующих, так сказать, бессубъектность в чистом виде. Однако надо заметить, что противопоставление немаркированных подклассов значительно менее ясно, чем соответствующих маркированных, что вполне объяснимо исходя именно из немаркированности описываемых случаев.

В целом группа отстраненно-субъектных предложений выглядит следующим образом.

Такова структура класса неопределенно-субъектных предложений, в его противопоставлении определенно-субъектному классу, выявляемая на базе строения синтаксической парадигмы.

Мы рассмотрели оппозицию двух функциональных классов предложений. Однако легко видеть, что в отношениях данных классов существуют не только дифференциальные признаки, по которым они различаются, но и ряд общих явлений, которые служат основанием их противопоставления. Такими общими призна-

ками, отличающимися как определенно-субъектные, так и неопределенно-субъектные предложения рассмотренных типов, является наличие парадигмы по категориям наклонения, времени и вида.

Однако параллельно уже рассмотренным могут быть выделены классы предложений, не имеющих парадигмы по категории вида. Общая для всех этих предложений характеристика будет выглядеть как $n + \text{вр.} + \text{в.}$ —. Что касается субъектной парадигмы, то в принципе она, очевидно, может иметь те же характеристики, что у предыдущих классов, в связи с чем можно ожидать наличия в языке еще двух классов предложений, которые между собой противопоставляются по структуре субъектной парадигмы, а все вместе противопоставляются первым классам с точки зрения видовой парадигмы.

Наиболее очевидной структурной реализацией данного противопоставления является соотношение предложений с глагольным сказуемым, с одной стороны, и со связочным сказуемым — с другой. Подавляющее большинство рассматривавшихся нами до сих пор структур имели в своем составе различные виды глагольного сказуемого. Очевидно, такие же или близкие структуры с различными видами связочного сказуемого, не имеющие видовой парадигмы (поскольку она отсутствует у связки), должны образовать интересующую нас группу.

В описываемом противопоставлении глагольные структуры выполняют роль маркированного члена, поскольку они являются носителями положительного признака — парадигмы по категориям вида. С другой стороны, связочные структуры не могут быть охарактеризованы некоторым положительным признаком в данном противопоставлении. Они не обладают видовой парадигмой, но нельзя сказать также, что они обладают фиксированной видовой формой: отсутствие видового варьирования в данном случае выступает не как собственное функциональное свойство предложения, а как качество, обусловленное его конструктивной формой (наличием в составе структуры слова связочного класса, не обладающего видовой формой). Поэтому здесь мы имеем привативную оппозицию, в то время как противопоставление определенно-субъектного и неопределенно-субъектного класса в целом (за исключением немаркированных подклассов) было охарактеризовано нами как эквиполентное.

С другой стороны, предложения, не имеющие видовой парадигмы, не несут грамматического определения характера процесса. Однако это не значит, что их, пользуясь аналогией с предыдущим описанием, можно назвать неопределенно-процессуальными. Дело в том, что процессуальная неопределенность (так же как и субъектная неопределенность) — это некоторый положительный признак, который можно было бы противопоставить процессуальной определенности только в том случае, если бы мы

имели дело с маркированным классом. Поскольку интересующие нас структуры являются немаркированными, их следует определять, по аналогии с немаркированными подклассами неопределенно-субъектных предложений, как не-процессуальные. Действительно, в этих структурах вопрос о некоем, каком бы то ни было процессе вообще снимается, в результате чего предикцирование приобретает характер статуса, состояния.

Действительно, значение состояния есть не что иное, как значение процесса «со знаком минус», в связи с чем оно появляется у немаркированных подклассов неопределенно-субъектных предложений. Характерно, что и в интересующем нас случае, подобно бессубъектным предложениям, немаркированность ведет к возникновению данного категориального значения в несколько модифицированном виде: в данном случае мы имеем не просто состояние, а такое, которое приписывается некоторому субъекту (определенному или неопределенному), в отличие от бессубъектных предложений, где состояние не приписывалось некоторому субъекту.

Такое состояние, имеющее субъект (а не только объект), может быть интерпретировано как наличие, бытие. Таким образом, бытие, как и состояние — это также «не-действие», то есть немаркированный противочлен процесса, но в отличие от состояния, это такое «не-действие», такой статус, который является собственным признаком некоторого субъекта, а не приписывается ему, как субъекту, извне, стихийно.

В связи с этим мы можем назвать не-процессуальные предложения — бытийными предложениями.³⁹

Надо сказать, что как структурные манифестации, так и категориальные значения процессуальных и бытийных предложений обнаруживают значительный параллелизм. Этот параллелизм проявляется, в частности, в том, что в рамках бытийных предложений мы также находим противопоставление двух классов — определенно-субъектного и неопределенно-субъектного. В связи с этим наша характеристика последнего синтаксического типа, до сих пор замыкавшаяся в рамках процессуальных структур, должна быть дополнена описанием еще одного класса — неопределенно-субъектных бытийных предложений, — обладающего парадигмой следующей структуры — н + вр + в — р — л — ч —

Неопределенно-субъектные бытийные предложения противопоставляются процессуальным как их немаркированный (с точки зрения признака процессуальности) противочлен. В осталь-

³⁹ Интересное противопоставление «глагольной» и «именной» фразы и интерпретацию последней как бытийного предложения (Seinsatz) находим в работе: U. Busch, Die Seinsätze in der russischen Sprache, Meisenheim am Glan, 1960, S. 29—30.

ном они полностью параллельны неопределенно-субъектным процессуальным предложениям, как с точки зрения характера своего противопоставления определенно-субъектным предложениям, так и с точки зрения наличия тех подклассов, которые образуют данный класс. С определенно-субъектными бытийными предложениями они образуют эквиполентную оппозицию, формальная и содержательная сторона которой совершенно аналогичны оппозиции соответствующих классов процессуальных предложений. Поскольку данное противопоставление было нами уже подробно проанализировано, мы не будем более возвращаться к данному вопросу.

Не имеет также смысла останавливаться специально на структурных манифестациях и особенностях значения каждого выделяемого здесь подкласса. Дело в том, что и сам набор подклассов бытийных предложений, и их формальная и смысловая характеристика обнаруживают полный параллелизм соответствующим явлениям в пределах класса процессуальных предложений. Их различие в плане структурной репрезентации исчерпывается противопоставлением глагольных структур, с одной стороны, и связочных — с другой, в позиции сказуемого; их различие в плане содержания исчерпывается общим противопоставлением процессуальности и бытийности.

Исключение в данном отношении, однако, составляет один подкласс — безличных бытийных предложения, обнаруживающие некоторые специфические особенности, что делает данный подкласс заслуживающим специального рассмотрения.

Формальным признаком безличных предложений является, как известно, форма третьего лица единственного числа (или среднего рода). Именно эта форма, фиксированная у связки, является отличительным признаком бытийных безличных предложений.

Надо сказать, что бытийные безличные предложения распространены чрезвычайно широко, более широко, чем соответствующие процессуальные предложения. В этом отношении они значительно выделяются среди всех бытийных неопределенно-субъектных предложений, которые в целом по своей распространенности значительно уступают процессуальным.

Жарко будет нам летом! (Бун.)

Мне сегодня как-то необыкновенно весело (Дост.)

Неблагополучно в этом доме (Чех.)

Да ведь после такого надо жаловаться, Варенька, формально жаловаться (Дост.)

Так остерегаться нужно, самой о себе стараться, опасностей избегать и друзей своих в горе и в уныние не вводить (Дост.)

Параллелизм процессуальных и бытийных безличных предложений проявляется в том, что последние также имеют особую немаркированную разновидность, репрезентируемую особым

классом присвязочных слов, специализированных по своим морфологическим свойствам и синтаксической сочетаемости для данных целей. Таким классом слов являются предикативы. Можно сказать, что предикативы находятся в таком же отношении к кратким прилагательным (неспециализированным для безличного употребления присвязочным словам), как безличные глаголы — к личным, то есть предикативы — это аналог безличных глаголов в именной сфере.

Таким образом, мы можем выделить два вида безличных бытийных предложений — маркированный, выраженный с помощью фиксированной субъектной формы связки и краткого прилагательного (поскольку фиксированный характер формы последних обусловлен функциональными свойствами предложения), и немаркированный, выражаемый сочетанием связки с предикативом, где безличная форма обусловлена конструктивно (для предикатива — морфологически, для связки — синтаксически — правилами ее сочетаемости с предикативом).

Однако специфика немаркированной разновидности бытийного безличного предложения состоит в том, что она допускает двусоставный вариант так же, как и маркированная, в то время как немаркированные процессуальные предложения безличного класса были принципиально односоставны и допускали лишь усложнение квази-местоимением.

Таким образом, односоставным безличным структурам в исследуемом классе в полном объеме соответствуют двусоставные структуры. Их подлежащее выражается местоименными словами *это, все, оно* в фиксированной безличной форме.

Ну куда мне все это? (Дост.)

Как это неприятно, право ... (Чех.)

Это бы еще все ничего (Дост.)

Все это как-то не того ... (Дост.)

А как это дальше, про огороды? (Дост.)

Оно бы мне и ничего (Дост.)

Вот оно как! (Платонов)

Говоря о значении бытийных безличных предложений, следует помнить, что здесь так же, как и среди процессуальных, выделяются две группы случаев, два разных типа — маркированный (функционально-безличный) и немаркированный (собственно-безличный, или бессубъектный).

Однако противопоставление данных типов здесь гораздо менее отчетливо. Прежде всего, формальные различия функционально-безличных и собственно-безличных структур в значительной степени нивелированы. Мы уже говорили о том, что, в отличие от своего процессуального коррелята, бытийные собственно-безличные предложения могут быть двусоставными так же, как и функционально-безличные: возможны предложения типа *Все мне боязно, Это стыдно* и т. д. В этом отношении предикативы

являются менее четко формально отмеченной группой слов, чем безличные глаголы.⁴⁰ С другой стороны, и функционально-безличные бытийные предложения оказываются лишены одного важного формального признака: они допускают в роли косвенного субъекта не только неличные имена, но и названия лиц, и собственно личные местоимения: *Человеку грустно, мне ясно* и т. д.

Ослабление формального противопоставления данных подклассов бытийных безличных предложений имеет естественным следствием частичное стирание различий в их категориальном значении. В частности, здесь уже нет такой резкой оппозиции безличного (отстранено, лицо как активный деятель) и бесубъектного значения, которую мы наблюдали у процессуальных безличных предложений. Действительно, лицо может выступать в роли субъекта (хотя бы и косвенного субъекта) функционально-безличных предложений, так что эффект отстранения активного агента здесь пропадает. Характерно, что в этом случае косвенный субъект выступает уже не в «орудийной» форме творительного падежа, а в «объектной» форме — обычно дательного падежа.

Такое положение отнюдь не случайно. Истоки его заключаются в том, что бытийные предложения в целом представляют собой (в отношении к процессуальным) немаркированный класс. Отсутствие значения процессуальности приводит к «ослаблению» характеристики субъекта — прежде всего в связи с затушевыванием противопоставления субъекта и объекта (вспомним, что связка не допускает при себе объект). Действительно, субъект в этом случае выступает не как деятель, совершающий некоторый процесс, а как носитель некоторого признака, то есть,

⁴⁰ Между прочим, данное обстоятельство сказывается еще и в том, что предикативы гораздо свободнее могут употребляться в составе личных конструкций (хотя все же эти конструкции тоже нельзя признать совсем обычными) по сравнению с безличными глаголами, которые в составе личных конструкций практически не употребляются (ср. обороты типа *Мороз морозит*). Имеются в виду такие конструкции, как *Смех — это грешно (стыдно)*, *Прогоулк — это можно*, где сказуемое (включая связку) застывает в безличной форме, а подлежащее — существительное может выступать в любой форме рода и числа. В. В. Бабайцева считает подобные обороты контаминацией личной и безличной конструкций (см. В. В. Бабайцева, Двусоставные несогласованные предложения типа *Лес — (это) чудесно!*, «Краткие очерки по русскому языку», 2, Курск, 1966). Но какова бы ни была их генетическая природа, в современном языке они по своим функциональным свойствам являются определенно-субъектными предложениями, имеющими субъектную парадигму. Правда, собственно предикативы в таких оборотах участвуют только с отглагольными существительными, что ясно указывает на родство данной конструкции с безлично-инфинитивным оборотом (ср. *Смеяться — грешно, гулять — можно*), либо с управляемой формой существительного (как бы зависящей от инфинитива): *конфету — можно*. Этим, между прочим, предикативы отличаются от кратких прилагательных (*ясно, грустно, тихо* и т. д.), которые могут входить в подобную конструкцию при наличии в роли подлежащего любого существительного.

тем самым, одновременно и как некоторый объект (объект данного состояния). Ввиду того что представление субъекта как деятеля, в его противопоставлении объекту, нивелируется, неизбежно стирается и эффект устранения субъекта с роли активного деятеля, «объектного» (орудийного) представления субъекта, составляющий сущность процессуальных функционально-безличных предложений. Поскольку субъект бытийного предложения во всех случаях не является агентом, а представляет собой, так сказать, субъект-объект, смещение акцентов субъектно-объектного противопоставления в этом случае теряет свою силу; представление субъекта в качестве пассивного носителя состояния здесь не имеет того эффекта, как у процессуальных предложений, так как субъект всякого бытийного предложения (в том числе и определенно-субъектного) выступает, в сущности, как носитель некоего состояния (признака).

Вследствие этого становится понятно, почему в данном случае отсутствует запрет на введение лица в качестве косвенного субъекта: если значение лица было несовместимо с эффектом устранения субъекта с роли активного деятеля, представления процесса как стихийного, совершающегося лишь через посредство косвенного субъекта, как пассивного орудия, то в данном случае, поскольку такого эффекта не возникает, нет и препятствия для введения лица. Так теряется основной признак маркированного подкласса безличных предложений, в результате чего он фактически сливается по своему значению с немаркированным: поскольку эффект активного устранения субъекта отсутствует, в обоих подклассах реализуется значение бессубъектности (или, вернее, субъекта-объекта некоторого состояния), то есть значение немаркированного подкласса.⁴¹

С другой стороны, значение бессубъектности (синкретизма субъекта и объекта) безличного предложения в целом в этом случае накладывается на аналогичное общее значение бытийных предложений, вследствие чего в значительной степени теряется специфический эффект безличных предложений, в их противопоставлении определенно-субъектным: и в том, и в другом случае оказывается выраженным представление о некотором синкретизированном субъекте-объекте.

Стиранием специфического эффекта безличного предложения, быть может, объясняется необычайная распространенность бытийных безличных предложений в современном языке: эти предложения не так резко выделяются как особый, специфический

⁴¹ Ввиду этого логичнее было бы назвать класс безличных бытийных предложений в целом бессубъектными предложениями (как мы назвали немаркированный подкласс процессуальных безличных предложений), тем более, что в этом случае ни у одной из описанных групп не присутствует значение безличности в собственном смысле этого слова. Мы сохраняем общепринятое название (безличные предложения) лишь в целях удобства.

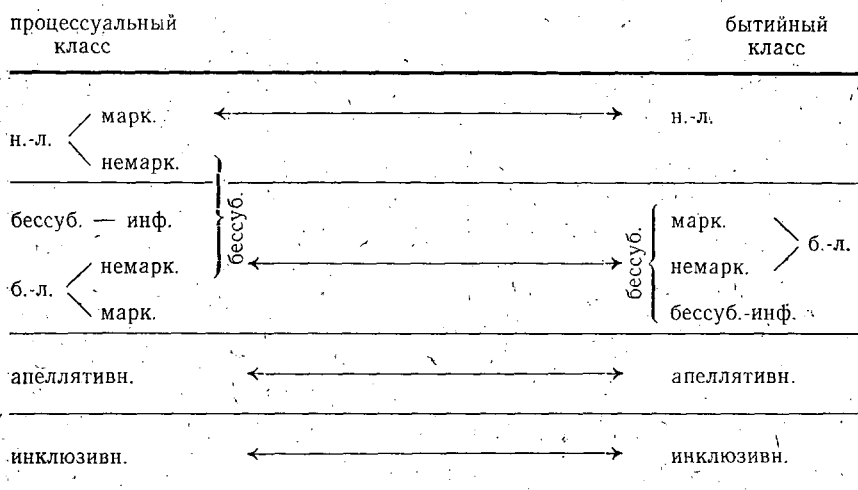
класс, противопоставляемый наиболее продуктивному классу определенно-субъектных предложений, они не имеют того сильного специфического эффекта, который вызывается употреблением процессуального безличного предложения.

Граничная линия между значением определенно-субъектных и безличных предложений выглядит поэтому в данном случае по-иному. В безличных бытийных предложениях речь идет о состоянии, в которое представляется погруженным субъект (или, вернее, субъект-объект), в то время как в определенно-субъектных бытийных предложениях речь идет о признаке, приписываемом субъекту. Сравним предложения — *Я спокоен* и *Мне спокойно*. В первом случае имеется субъект, который характеризуется, которому приписывается некоторое состояние, как его признак, свойство. Во втором случае состояние приобретает некоторый объективированный, «внесубъектный» характер, это некий статус, существующий «сам по себе», независимо от того, кому он приписывается (он может и никому не приписываться — *было спокойно*), и в который в данном случае оказывается погружен некоторый субъект. Как видим, и здесь сохраняется противоположность направления характеристики — «от субъекта» как источника и «к субъекту» извне (субъект как носитель некоего признака и состояние, в которое погружается субъект), которая вообще характеризует соотношение определенно-субъектных и безличных предложений. У процессуальных предложений данная противоположность принимала вид оппозиции: субъект как источник действия (состояния) и действие (состояние), возникающее извне, стихийно и «проходящее» через субъект. Но нельзя не признать, что данная противоположность ярче выражена у процессуальных предложений, как противоположность действия и «анти-действия», субъекта-агента и субъекта-объекта. В бытийных предложениях нет действия, нет агента, а потому и значение состояния, значение субъекта-объекта не воспринимается как значение «анти-действия» и «анти-агента». Поэтому безличным бытийным предложениям по сравнению с определенно-субъектным присущ лишь несколько больший оттенок пассивности субъекта, внесубъектности представляемого в них признака-состояния.

Так в данном случае еще раз реализуется закономерность, отмеченная нами ранее: противопоставления немаркированных классов оказываются всегда в значительной степени нивелированными.

Таким образом, если в формальном отношении наблюдается полный параллелизм двух неопределенно-субъектных классов (единственным отличием является отсутствие у бытийных неопределенно-личных предложений конструктивно обусловленного подкласса — собственно неопределенно-личных предложений, который представлен у их процессуального коррелята, впрочем,

только в конструкциях с единственным неопределенно-личным глаголом *зовут*), то с другой стороны, в плане содержания рассматриваемый функциональный класс обнаруживает известную специфику как с точки зрения внутренней структуры, так и во внешних противопоставлениях. Специфика эта определяется прежде всего безличными бытийными предложениями. Мы видели, что у данного типа оказываются нейтрализованными различия в плане содержания между двумя подклассами — маркированным и немаркированным, вследствие чего их категориальное значение совпадает (как обычно при нейтрализации, в немаркированном члене оппозиции), сопоставляясь только со значением немаркированного подкласса процессуальных безличных предложений — подклассом бессубъектных предложений. Таким образом, внутренняя структура неопределенно-субъектного бытийного класса в плане содержания, в его противопоставлении процессуальному классу, может быть представлена так:

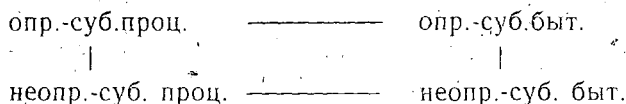

Различия во внешних противопоставлениях данного класса также базируются на безличных предложениях.

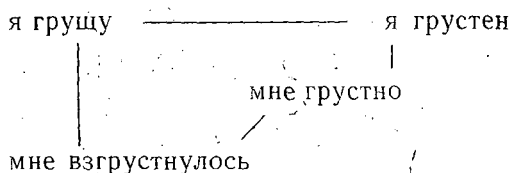
Мы говорили достаточно подробно о том, что у последних, в связи с общей особенностью бытийных предложений, оказывается значительно ослаблен «эффект безличности», а вместе с тем — противопоставленность определенно-субъектным предложениям.

Таким образом, в плане содержания в целом описанные нами четыре функциональных класса в принципе образуют две пары пропорциональных оппозиций по двум дифференциальным признакам: определенности-неопределенности субъекта и процес-

суальности-бытийности: Данный участок системы в целом должен иметь, очевидно, следующий вид ⁴²:

Однако в действительности данная идеальная схема усложняется в связи со своеобразием «поведения» в указанных противопоставлениях бессубъектных предложений, о котором мы говорили. Это обстоятельство нарушает полную симметрию схемы. В ряду предложений: *Я грущу — Мне взгрустнулось — Я грустен — Мне грустно* наблюдаются асимметричные отношения. Пара *Я грущу — Я грустен* противопоставлена сильнее («дальше») по признаку процессуальности — бытийности, чем пара *Мне взгрустнулось — Мне грустно*; пара *Я грущу — Мне взгрустнулось* «дальше» по признаку определенность-неопределенность субъекта, чем пара *Я грустен — Мне грустно*, то есть соотношение данных предложений должно быть представлено следующим образом:

Чем же объяснить данное обстоятельство? Объясняется оно тем, что бытийность и бессубъектность — явления родственные, поэтому при наложении друг на друга их эффект ослабляется, частично нейтрализуется; признак процессуальность-бытийность нейтрализуется при наложении на бессубъектные предложения, а признак субъектность-бессубъектность нейтрализуется при наложении на бытийные предложения.

На первый взгляд, утверждение о родственности бытийности и бессубъектности может показаться неожиданным: данные явления выглядят не только не родственными, но диаметрально противоположными. В самом деле, сущность бытийности состоит в устранении процесса и замене его признаком, состоянием, а сущность бессубъектности состоит в устранении субъекта-агента.

⁴² Вертикальные и горизонтальные линии на схеме обозначают противопоставленность соответственно по первому и второму из названных дифференциальных признаков.

Однако здесь проявляется глубокая связь между понятиями «субъект» и «процесс». Данные понятия не только противостоят друг другу в типовой, наиболее продуктивной схеме индоевропейского предложения (деятель — действие), но и оказываются глубоко взаимосвязанными, взаимно предполагающими друг друга, так что отстранение одного из членов этого противопоставления приводит также к устранению (или по крайней мере к частичному устранению, «ослаблению») его противочлена. Так, устранение понятия процесса (в бытийных предложениях) влечет за собой одновременно элиминирование понятия субъекта-деятеля, и, напротив, устранение понятия субъекта (в бес-субъектных предложениях) ведет к исчезновению процессуальности. Так явления бытийности и безличности, будучи противоположными по своей направленности, дают глубоко сходный по результату, родственный эффект.

Данное явление, как мы видели, нарушает симметрию корреляций функциональных классов. С другой стороны, другие корреляты неопределенно-субъектных бытийных предложений обнаруживают полную симметрию в выявлении обоих дифференциальных признаков. Однако мы уже подчеркивали, что все эти подклассы распространены в речи мало, в то время как бессубъектные предложения распространены, напротив, чрезвычайно широко. Поэтому в целом можно сказать, что противопоставление определенно-субъектных и неопределенно-субъектных предложений бытийного типа выражено слабее, чем аналогичное противопоставление процессуальных классов. Это неудивительно: «ослабление» представления о субъекте у бытийных предложений (являющееся следствием устранения процессуальности) не способствует полному выявлению тех разнообразных способов представления субъекта, которые мы наблюдали у процессуальных предложений.

Таковы основные явления, характеризующие в современном русском языке противопоставление определенно-субъектных и неопределенно-субъектных предложений. Мы видим, что формализация определения данных типов и их границ, оказывающаяся возможной в результате обращения к синтаксической парадигматике и, через посредство данного понятия, к способам связи синтаксических структур между собой в тексте, открывает затем возможность более подробного и дифференцированного рассмотрения, на базе полученных формальных определений, содержательной стороны выделяемых явлений. Мы могли убедиться при этом, что полученные формальные классы и их дальнейшее расчленение хорошо согласуются с интуитивным восприятием говорящими общих значений данных классов и различий между ними.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕСТА В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. И. Гурьева

В предложениях места содержится указание на место или пространство, где совершается какое-то действие или куда оно направлено.

Известно, что пространство, как и время, является основной формой бытия. В. И. Ленин пишет: «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени»¹. Пространственные отношения, существующие между явлениями реальной действительности, находят свое выражение в языке в рассматриваемых нами сложных предложениях места.

Сложные предложения со значением места не имеют широкого распространения в исследуемом материале², их насчитывается более тридцати примеров. В качестве служебных слов, при помощи которых зависимая часть соединяется с господствующей, используются наречия места **идеже**, **Еможе**, в редких случаях **Юдоуже**, **отъЮдоуже**. Зависимая часть может предшествовать господствующей, следовать за ней и иногда вставляться внутрь ее. Препозиция и постпозиция зависимой части по отношению к господствующей представлена примерно одинаковым количеством случаев.

В памятниках древнерусского языка старшей поры, по наблюдениям В. З. Санникова, постпозиция зависимой части преобладает над препозицией³. Однако в другой работе В. Санников

¹ В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Сочинения, изд. 4-е, т. 14, стр. 162.

² Нами проанализированы следующие памятники старославянского языка: Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями И. В. Ягича, СПб., 1883; Остромирово евангелие 1056—1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, издал А. Х. Востоков, СПб., 1843.

³ См. В. З. Санников, Порядок размещения частей сложного предложения с придаточным места в древнерусском языке (на материале памятников XI—XIV вв.). Сб. «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка», М., 1961, стр. 220.

замечает, что нельзя установить для всех сложных предложений с придаточным места господствующий порядок размещения частей. Объяснение этому он видит в характере временных соотношений между действиями главной и зависимой частей локальных конструкций. Автор пишет, что «нередки конструкции, где действие придаточного предложения места совершается раньше действия главного предложения или полностью совпадает по времени с действием главного, такие локальные конструкции препозитивны; с другой стороны, имеется значительное количество локальных конструкций, где действие придаточного следует по времени за действием главного предложения или является фоном, на котором совершается действие главного предложения, — такие конструкции постпозитивны»⁴.

Рассмотрим, что собой представляют сложные предложения со значением места в памятниках старославянского языка.

I. Предложения с препозицией зависимой части

Зависимая часть обычно находится в препозиции, если действие зависимой части совершается раньше действия господствующей или же полностью совпадает по времени с действием господствующей.

а) Зависимая часть может связываться с господствующей при помощи наречия **идеже**. Характерно, что в вопросительных предложениях используется только наречие **къде**. Таким образом, в употреблении **идеже** и **къде** наблюдается такая же закономерность, как в предложениях времени с наречием **егда** и **когда**. Значение **идеже** зависит от его морфологического состава. Оно образуется от местоимения **и** и суффиксального элемента **де** в сочетании с частицей **же**. Местоимение **и** и здесь сохраняет свое первоначальное (указательное) значение. Наречие **идеже**, в состав которого входит местоимение **и**, получает значение, которое условно можно обозначить как **там, где**.

В предложениях с относительным наречием **идеже** чаще всего указывается на место, где что-либо совершается. Но иногда **идеже** используется в предложениях, где дано указание на место, куда направлено действие.

В большинстве случаев сказуемое господствующей и зависимой частей выражается глаголом в форме изъявительного наклонения.

Идеже вы не троудисте сА. -ни троудишА сА (Мар. 328, Остр. 32).

Сказуемое обеих частей предложения стоит в форме аориста

⁴ В. З. Санников, Порядок размещения частей сложноподчиненного предложения в древнерусском языке. (На материале памятников XI—XIV вв.). Сб. «Историческая грамматика и лексикология русского языка», М., 1962, стр. 108.

несовершенного вида. Действие господствующей и зависимой частей отнесено к прошлому, но говорить о законченности действий, обозначенных формами аориста трудно, так как, по словам И. К. Буниной, логическое ударение падает здесь не на протекание действия во времени, а на обстоятельство действия, или на производителя данного действия⁵.

В другом предложении действие обеих частей отнесено к будущему.

амин глЮ вамъ. **Идеже аште проповЕдено бУдетъ еѡн҃гїе** се въ вѣсемъ мире **речеть сА** (Мар. 98, Остр. 153).

При этом союз **аште**, стоящий после **идеже**, придает конструкции условный оттенок значения.

Рядом с **идеже** может находиться слово **колиждо**, придающее сложному предложению обобщенное значение.

идеже колиждо проповЕдано бУдетъ еѡн҃гїе се. въ вѣсемъ мирЕ. и еже сѣтвори се. **глаго бУдетъ** въ памАть еЯ (Мар. 172, Остр. 230).

В данном случае к господствующей части относится не только зависимая часть со значением места, находящаяся в предпозиции, но и другое предложение, вводимое местоимением «еже».

Среди анализируемых предложений с предпозицией зависимой части встречаются такие, в которых господствующей части предшествует сочинительный союз **и**.

Идеже чрѣвь ихъ не оумираатъ. ꙗкогнь не оугасаатъ (Мар. 153).

Выражение сказуемого господствующей и зависимой частей глаголом настоящего времени придает конструкции оттенок обычности, постоянства действия.

Отличие следующего предложения от предыдущего в том, что перед зависимой частью находится частица **да**, приближающаяся по значению к союзу **и**.

паки придУ и поимУ вы къ себЕ. да идеже есмъ азъ и вы бУдете (Мар. 375, Остр. 165).

В следующем предложении перед наречием места, выступающим в форме «иждеже», также стоит частица **да**, но по своему значению она отличается от предыдущей. Здесь **да** как бы вводит предложение с объектным значением, так как перед ней находится глагол «хощУ». «Да» после глагола желания можно понять как «пусть» или «чтобы».

оче Яже даль еси мнЕ хощУ да иждеже есмъ азъ и ти бУдУть съ мнЮ (Мар. 387, Остр. 52).

Рассматриваемые конструкции с сочинительным союзом **и** между господствующей и зависимой частями являются переход-

⁵ См. И. К. Бунина, Система времен старославянского глагола, изд. АН СССР, М., 1959, стр. 92—93.

ными от сочинения к подчинению, когда связь частей сложного предложения не осознавалась еще достаточно тесной.

Сочинительный союз **и** может предшествовать только зависимой части и свидетельствовать о связи с предыдущим изложением.

поиштете мене и не обрАштете. **И** идеже есмъ азъ вы не можете прити (Мар. 345).

и гла има идеТа въ градъ. и сѣрАштета вы члвкъ. въ скуДьльницЕ водУ носА. по немъ идеТа. **и** идеже аште вънидетъ рѣцЕта гноу домоу (Мар. 173).

Во втором примере наречие **идеже** используется вместо **Еможе**, то есть в значении «куда». (Перевод... и куда он войдет, скажите хозяину дома).

Ж. В. Ганиев предполагает, что в древнейшую эпоху эти союзы могли иметь «одно нерасчлененное значение предела пространства действия, «бытия», или процесса (а не направления или места действия, «бытия» или процесса)»⁶.

В исследуемом материале эти слова в функции нерасчлененности не встречаются, но одно может употребляться в значении другого, что, вероятно, свидетельствует о их былой нерасчлененности.

б) Зависимая часть может связываться с господствующей также при помощи наречия **Еможе**. В таких предложениях указывается на направление движения.

Гла емоу симонъ петръ. ги-камо идеши. отъвЕшта ись **Еможе** азъ идУ не можеши нынЕ по мьнЕ ити. послЕдь же по мьнЕ идеши (Мар. 374, Остр. 164).

азъ идУ и възѣштете мене. и въ грЕсЕ вашемъ оумьрете. **Еможе** азъ идУ! вы не можете прити (Мар. 348—349).

В Остромировом евангелии в приведенном примере перед **Еможе** находится **яко**, которое имеет значение «так как». Сравни:

... и въ грЕсЕ вашемъ оумьрете **яко яможе** азъ идУ. вы не можете прити (Остр. 28).

Таким образом, если в Мариинском евангелии связь предложения со значением места с предыдущим бессоюзная, то в Остромировом выражаются уже более сложные подчинительные отношения, показателем которых служит подчинительный союз **яко**.

Наречию **Еможе**, как и **идеже**, может предшествовать сочинительный союз **и**, свидетельствующий о связи с предыдущим текстом.

⁶ Ж. В. Ганиев; Из истории сложноподчиненных предложений с придаточным места в восточнославянских языках. Сб. «Вопросы истории русского языка». Изд. Московского ун-та, 1959, стр. 322.

начАсА приноси́ти на одрЕхъ болаЩАЯ. иде́же слы́шаахУ и
Еко́ тоу е́сть. 1 Емо́же коли́ждо въхо́ждааше. въ в́си ли въ
грады́ ли въ села. на распу́тихъ полагаахУ недУ́жныЯ. 1 мо́лЕ-
ахУ и (Мар. 140).

Благодаря сочетанию Емо́же со словом коли́ждо данное предложение получает более обобщенное значение. Выражение сказуемого обеих частей формой имперфекта придает конструкции оттенок одновременности действий господствующей и зависимой частей.

II. Предложения с постпозицией зависимой части

Постпозитивная зависимая часть присоединяется к господствующей в основном при помощи тех же относительных наречий, что и препозитивная.

а) Среди них встречаются такие предложения, которые указывают на место, где происходит действие, поэтому в них употребляется наречие иде́же. Постпозитивная зависимая часть может относиться к сказуемому господствующей не непосредственно, а чаще через посредство обстоятельства места. Соотношение форм сказуемых обеих частей предложения отличается большим разнообразием.

съкрыва́йте же себЕ́ съкрови́ще на нбси́ иде́же ни чрвь́ ни тьля́ тьли́ть иде́же тати́е не подко́паваЮ́тъ ни кра́дУтъ (Остр. 124, Мар. 16).

В данном примере сказуемое зависимой части выражено формой глагола настоящего времени, что придает оттенок обычности действия. Две зависимые части со значением места поясняют сказуемое господствующей, выраженное формой повелительного наклонения, но не непосредственно, а через обстоятельство места «на нбси».

Таково же и следующее предложение:

Не съкрыва́йте себЕ́ съкрови́шта на земли́. иде́же чрвь́ и тьля́ тьли́ть. иде́же тати́е подько́паваЮ́тъ и кра́дУтъ (Остр. 126, Мар. 16).

Сказуемое обеих частей предложения может выступать в форме прошедшего времени.

и се звезда́ Ю́же видЕ́ша на в́стоцЕ́ идЕ́аше предъ́ ними до́ндеже́ прише́дъши ста. вѣрхоу́ иде́же бЕ́ отрочА́ (Остр. 252, Мар. 4).

приде́ итсь́ въ вифани́Ю иде́же бЕ́ лазарь оумьры́и (Остр. 41, Мар. 366).

си рекъ́ ис. Изиде́ съ оучени́кы своими́. на о́ полъ́ потока кедрска́ иде́же бЕ́ вртъ́. въ ны́же вни́де самъ́ и оучени́ци (Мар. 387, Остр. 176).

видЕ дѣва англа въ бЕлахъ сЕдАшта. единого оу главы. 1
единого оу ногоу. **Идеже** бЕ лежало тЕло исво (Мар. 397, Остр.
207).

Во всех приведенных примерах зависимая часть следует за обстоятельством места, выраженным существительным или наречием.

Несколькими случаями представлены предложения, в которых зависимая часть относится к сказуемому господствующей и стоит или непосредственно за сказуемым или отделено от него другими словами.

онѣ же изгънавъ вьсА. поЯтъ отца отроковицА 1 матерь. иже бЕшА съ нимъ. 1 вьниде **идеже** бЕ отрочА лежА (Мар. 134).

прЕтЕшА вьсУ странУ тУ. начАсА приносить на одрЕхъ тА болАщАЯ **идеже** слышаахУ и Еко тоу естъ (Мар. 140).

пристУпѣ же и приемы единѣ талантъ. рече ги. вЕдЕхъ тА Еко жестокъ еси члкѣ. жьнА. **идеже** нЕси сЕлъ и събираЯ **Юдоуже** не расточеихъ (Мар. 94, Остр. 351).

В последнем примере имеется два предложения со значением места. В одном для связи частей используется наречие **идеже**, в другом — **Юдоуже**, которое употребляется в значении «где». Зависимые части относятся к краткому действительному причастию «жьнА» и «събираЯ».

Однако в другой части евангелия вместо причастия в подобной конструкции используется форма настоящего времени. Ср.: злы рабе и лЕны. вЕдЕаше Еко жьнУ **идеже** не сЕахъ. 1 събираЮ **Юдоуже** не расточихъ (Мар. 94, Остр. 85).

б) Постпозитивная зависимая часть может присоединяться к господствующей при помощи наречия **Еможе**, но они представлены еще меньшим количеством примеров, чем предыдущие.

пристУпѣ единѣ кѣнижѣникъ рече емоу. оучителю идУ по тебЕ. **Еможе** колижѣдо идеши (Мар. 23, Остр. 63).

Благодаря наличию слова «колижѣдо» предложение получает обобщенное значение. Форма настоящего времени глагола-сказуемого служит для выражения значения будущего действия.

В следующей конструкции имеется два сложных предложения со значением места. Зависимая часть следует за глаголом-сказуемым господствующей части.

Егда бЕ юнѣ. поЕсаше сА самъ. 1 хождЕаше **Еможе** хотЕаше. егда же състарЕеши сА. въздеждеши рУцѣ твоѣ. 1 инѣ тА поЯшетъ 1 ведеть **Еможе** не хоштеши (Мар. 402, Остр. 53).

Сказуемое обеих частей предложения имеет одинаковые видо-временные формы.

В следующем предложении сказуемое господствующей части выражено аористом, а в зависимой — имперфектом в сочетании с инфинитивом.

и посылѧ Я по двѣма прѣдъ лицемъ своимъ. въ всѣхъ градѣхъ и мѣсто. **Еможе** хотѣше самъ ити (Мар. 240).

Сочетание формы имперфекта глагола «хотѣти» с инфинитивом, имеющееся в зависимой части, И. К. Бунина называет «будущим в прошедшем». По словам автора, формами «будущего в прошедшем» обозначаются действия, упоминаемые в связи с действиями, относимыми говорящим к прошлому и обозначаемые им формами аориста⁷.

в) В предложениях с постпозицией зависимой части в единичных случаях встречается относительное наречие **отъ нЮдоуже**.

възвращѣсѧ въ храмъ мой. **отъ нЮдоуже** изидѣ (Мар. 41).

III. Предложения с интерпозицией зависимой части

Включение зависимой части в середину господствующей наблюдается в редких случаях (всего шесть примеров). В трех из них употребляется наречие **идеже**, в одном — **Еможе**. В таких предложениях в господствующей части может находиться два сказуемых, из которых одно стоит перед зависимой, другое после нее. Соотношение глагольных форм обеих частей различное. Например, в господствующей части оба сказуемых выражены аористом, сказуемое зависимой выступает в форме имперфекта.

МариЕ же Еко приде **иде** бЕ исъ. видѣвъши и паде емоу на ногу. **глЮшти** (Мар. 365).

В отличие от Маринского евангелия, в котором употреблена более древняя форма наречия **иде**, в Остромировом используется **идеже**.

Сказуемые обеих частей могут выражаться аористом:
а другое паде на каменънЕемъ. **Идеже** не имЕ землѧ многы. **И** абѣ прозѧбѣ (Мар. 127).

Здесь в господствующей части находится обстоятельство места «на каменънЕемъ», через которое зависимая часть относится к сказуемому «паде».

В следующем предложении сказуемое господствующей части выражено формой аориста несовершенного вида, а сказуемое зависимой — формой настоящего времени. Такое соотношение глагольных форм придает значение постоянства действия.

азъ всегда оучихъ на сънъмишти. **И** въ цркъве(е). **Идеже** вси Юдеи сънемлЮтъ сѧ. **И** та¹ не глахъ ничесоже (Мар. 389, Остр. 178).

Значение постоянства действий имеется и в другом предложении, в котором сказуемое обеих частей выражено глаголом настоящего времени.

⁷ И. К. Бунина, Система времен старославянского глагола, стр. 85.

доухъ **идеже** хоштеть доушеть (Мар. 322, Остр. 8).

В отличие от предыдущих предложений, здесь в господствующей части имеется одно сказуемое, находящееся после зависимой части. Однако, возможно, что это предложение с препозицией зависимой части, в которой **идеже** вставляется внутрь ее.

В следующем предложении зависимая часть следует за дательным самостоятельным оборотом.

СУшти же поздЕ въ ть день. въ единУ соботь І дверьмъ затвореномъ. **Идеже** бЕахУ оученици его събърани. за страхъ иудейскъ. приде исъ. І ста посрЕдЕ и гла имъ (Мар. 398, Остр. 10).

Отмечен единственный случай, в котором зависимая часть, стоящая внутри господствующей, соединяется с ней при помощи относительного наречия **Еможе**.

Едины же на десАте оученикъ. ІдУ въ галилеЮ. въ горЕ. **Еможе** повелЕ имъ исъ. І видЕвъше и поклонишА сА емоу (Мар. 113, Остр. 204).

Здесь зависимой части предшествуют два обстоятельства места, дополняющие друг друга: «въ галилеЮ» и «въ горЕ».

IV. Употребление соотносительных слов в сложных предложениях со значением места

Соотносительные слова в анализируемых предложениях засвидетельствованы в редких случаях и только в конструкциях с препозицией зависимой части, присоединяющейся к господствующей при помощи относительного наречия **идеже**.

В качестве соотносительного слова употребляется наречие **тоу**, начинающее господствующую часть.

Идеже бо есте дъва ли трье събрани въ ІмА мое. **тоу** есмъ по срЕдЕ ихъ (Мар. 63, Остр. 56).

онъ же рече имъ. **Идеже** тЕло **тоу** орьли сънемлЮть сА (Мар. 278).

Идеже бо аште бУдеть троупъ. **тоу** съберУть сА орьли (Мар. 89, Остр. 145).

идеже колиждо вънидите въ домъ. **тоу** прЕбывайте дондеже изидете отътУдУ (Мар. 135, Остр. 290).

В двух случаях рядом с соотносительным словом отмечена усилительная частица **и**.

Идеже бо есть съкровиште ваше **тоу** и срдце ваше бУдеть (Мар. 256, Остр. 106).

аште кто мьнЕ слоужитъ по мьнЕ да ходитъ. І **идеже** есмъ азъ **тоу** и слоуга мои бУдеть (Мар. 368, Остр. 266).

Наличие соотносительного слова **тоу** способствует более тесной связи частей предложения. При этом зависимая часть не

столько поясняет глагол, сколько уточняет обстоятельство места-соотносительное слово⁸.

Анализ сложных предложений со значением места позволяет сделать следующие выводы:

1. В сложных предложениях со значением места по степени употребительности первое место занимает относительное наречие **идеже**, за ним следует **Еможе**. В двух случаях отмечено наречие **Юдоуже** и в одном — **оть нУдоуже**.

В Мариинском евангелии засвидетельствована более древняя форма — относительное наречие **иде**, в то время как в Остромировом употребляется форма **идеже**.

2. Относительное наречие **идеже** используется не только в значении «где совершается действие», но и «куда оно направлено», то есть употребляется вместо наречия **Еможе**.

3. Бросается в глаза тот факт, что в предложениях места встречается вопросительное наречие «идеже», в то время как в вопросительных предложениях только «къде». Это, вероятно, объясняется тем, что в наречии «идеже», в составе которого находится указательное местоимение **и**, можно видеть ту же нерасчлененность, наречие **идеже** значит не просто «где», а «там, где». Поэтому оно и используется в предложениях места, где необходимо указание на место, о котором идет речь.

4. Место зависимой части в строе сложного предложения различно: возможна его постановка перед господствующей, после нее и в середине. Препозиция и постпозиция представлены примерно одинаковым количеством примеров. Включение зависимой части в середину господствующей наблюдается в шести случаях.

5. Среди сложных предложений со значением места отмечена структура предложения, когда перед господствующей частью стоит сочинительный союз **и**. Такая структура предложения является переходной от сочинения к подчинению и свидетельствует о недостаточной связи частей сложного предложения.

6. В рассматриваемых предложениях зависимая часть может относиться как непосредственно к сказуемому, так и через посредство обстоятельства места, выраженного именем существительным или наречием.

7. Выражение форм глаголов-сказуемых господствующей и зависимой частей весьма разнообразно. Преобладают формы изъявительного наклонения, изредка встречаются в господствующей части формы повелительного наклонения.

⁸ См. В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, АН СССР, М., 1963, стр. 496.

8. Среди сложных предложений со значением места выделяется группа предложений, в которых встречаются соотносительные слова. Соотносительные слова засвидетельствованы только в предложениях с препозицией зависимой части, соединяющейся с господствующей при помощи относительного наречия *идеже*. В качестве соотносительного слова используется наречие *тоу*, которое стоит в начале господствующей части. Соотносительное слово увеличивает связь частей сложного предложения.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О КАТЕГОРИИ ВИДА В РУССКОМ ГОВОРЕ ИЙЗАКУ В ЭССР

Х. И. Хейтер

В говоре Ийзаку большинство глаголов имеет определенное видовое значение и образует соотносительные пары глагольных форм — несовершенного и совершенного вида. Способы образования видовых противопоставлений те же, что и в литературном языке.

Имперфективация в говоре осуществляется при помощи суффиксов *-ива-*, *-а-*, *-ва-*, *-ева-*.

Продуктивным средством имперфективаций в говоре является образование с суффиксом *-ива-*¹; *сваратйт* — *сварáчиват* (ой йа так *сварáчивала*); *намалатйт* — *намалáчиват* (*стáли хлéба свайóва намалáчиват*); *вискачит* — *вискáкиват* (*жéнчини с винтóвками вискáкивайут*); аналогией с-глаголами с чередованиями согласных в основах можно объяснить форму несовершенного вида в коррелятивной паре *зарабóтат* — *зарабáчиват* (*рáн'ше са старáни зарабáчивали*); *наказáт* — *накáзиват* (*накáживали бауавникá стэранйцами*); *угаварйт* — *угавáриват* (*угавáривайу*) *захадйт в казáрми*); *наварйт* — *навáриват* (*на свáдби сунй навáривали*); *сварйт* — *свáриват*. По аналогии с приведенными формами образуются *акружйт* — *акрúживат* (*нас акрúживали крúгэм*), *сменйт* — *смéниват* (*нескэл'ки раз смéнивайу вадý*), *закáлит* — *закáливат*.

Большей степенью продуктивности для образования формы несовершенного вида в говоре характеризуется суффикс *-а-*. Он используется в тех же группах видовых пар, которые известны в литературном языке, но иногда и шире. Значительную группу составляют пары глаголов, образуемые корреляцией суффикса *-и-* в глаголах совершенного вида и суффикса *-а-* в глаголах несовершенного вида: *купйт* — *купл'áт*; *пустйт* — *пушáт*; *кóнчит* — *кончáт*; *палучйт* — *палукáт*; *встрéтит* — *встречáт*; *астáвит* —

¹ Ввиду того, что в говоре Ийзаку *и* и *ы* не различаются, совпадая в одном звуке *и*, мы можем говорить лишь об употреблении суффикса *-ива-*.

а^аста^авл'а́т; па^аса^аб'и́т — па^аса^абл'а́т; ат^апу^асти́т — ат^апу^аша́т (ха^аро́ший ро^ай и в^ат^аро́й ро^ай ат^апу^аша́йе). По аналогии с этой группой глаголов образуют видовую пару глаголы *с^агра́бит — с^аграба́т, сла́жит — скла́да́т* (на́да бу́ла с^аграба́т, в к'у́чу скла́да́т); па^ада^ари́т — па^ада^ар'а́т (не^аве́сти мно́га на́да бу́ла па^ада^ар'а́т).

Видовые пары образуют и глаголы совершенного вида с суффиксом -ну- и глаголы несовершенного вида с суффиксом -а-. Например: пра^ат'а^ану́т — пра^ат'а^ага́т (ке^аре́нский га^ава^ари́л, что на́да ва^айну́ пра^ат'а^ага́т да́л'ше); ви́т'а^анут — ви^ат'а^ага́т (с ва^ади ви^ат'а^ага́ли (лен) и сла́ли на земл'и).

Отдельную группу, как и в литературном языке, составляют бессуффиксные глаголы совершенного вида, от которых образуются формы несовершенного вида с чередованием корневых гласных. Например: при^ан'а́т — при^анима́т (ни́чо^ава бо́л'ше не при^анима́йе в се^ар'о́дку); на^ан'а́т — на^анима́т (в э́тат де^ан все на^анима́лис на ра^або́ту); на^ажа́т — на^ажима́т (не́мец ста^ал на^ажима́т); пра^аг'а́т — пра^аган'а́т (в йо^ай му^аж бу^ал хо^аро́ший, не пра^аган'а́л ме^ан'а́); за^абра́т — за^абира́т (маши́на за^абира́йе ка^ажи́нн'ый де^ан); вз'а́т — взима́т (ка^ато^ари бо́л'ше, э́ти па^ахи́тр'ей, ло́жку се^абе^а взима́ли); са^абра́т — сби^ара́т' собира́ть' (дл'а не^аве́сти на п'а^ар'о́дни^ак сби^ара́ли); ви́жеч — ви^ажи^ага́т (в су^ахо вре́м'а ле^ас ви^ажи^ага́ли).

Отдельную группу составляют также приставочные глаголы совершенного вида с основой на согласный, образующие форму несовершенного вида при помощи суффикса -а-: на^апа́ст — на^апа^ада́т (йа^ани ни́чо^ава не де́ла^айу, не на^апа^ада́йу); аб'й'е́ст — аб'й'а^ада́т (де^аре^ава́ аб'й'а^ада́йу). Средством различения совершенного и несовершенного видов в говоре может служить также изменение места ударения: на^ама́зат — намаза́т (ну́жна пи́вам намаза́т).

В говоре Ийзаку известно также образование несовершенного вида с суффиксом -ва от основ совершенного вида: та^апе́р па^аста́йа́на ма́ску на^аде^ава́йу (на^аде^ать — на^аде^ава^ать); на ру^аба́шку на^аде^ава́ли йу́бки; та́ну (повойник) не^аве́сти а^аде^ава́ли (оде^ать — оде^ава^ать) на сва́дби; ка^ада́ же^ани́х йе́де за не^аве́ст'ей, да^аро́гу за^акри^ава́йу (за^акры^ать — за^акры^ава^ать); па^акри^ава́йу гла́зи; ки^ап'атко́м аб^али^ава́йу (об^алить — об^али^ава^ать); ви^апи^ава́т л'у́бит; и^ату^аки́ да^ава́ли ' за^ада^ава^али вы^аучи́ть'; до́ма ви^ау^ачи^али в ба^ашку, ско́л'ка па^ала^ага́т'с'а учи́телем; в ма́йом д'а^ади 25 ро́з'е^ав да^ава́ли; л'о^ан на фа́бри^ак пр'е^ада^ава́ли (про^ада^ать — про^ада^ава^ать); ка^ада́ да^ажи́ лет'а́, на́да да^ава́т па^ад'мо́ги; на аб'е́д ви^ада^ава́ли (вы^ада^ать — вы^ада^ава^ать) су^ап на п'ате^ари́х; та^ада́ ша́шк'ей че^аст ат^ада^ава́ли (от^ада^ать — от^ада^ава^ать); па^али^аце́йски не с^ада^ава́лис (сда^аться — сда^ава^аться); вс'о за^абу^ава́йу (за^абы^ать — за^абы^ава^ать); с п'ати́ часо́в ви^айе^ажа́ли на по́ле, со́лнце йе^ашо в^аста^ава́ла (вста^ать — вста^ава^ать); ста́ри л'у́ди па п'ату́нам вре́м'а зна^ава́ли (узна^ать — узна^ава^ать); вс'о йе^ашо и не ус^апе́йеш (успе^ать — успе^ава^ать); с кле́вера ма́ла да^аста́йу́т, це^авет гла́бо^ак (доста^ать — доста^ава^ать)

В настоящем времени, как и в литературном языке, указанные глаголы несовершенного вида (за некоторыми исключениями) не имеют суффикса *-ва-*: *сдайу, продайу, выдайу, атдайу, встайу, узнайу, дастайу*.

Основным средством перфективации, как и в литературном языке, является присоединение приставок к бесприставочным глаголам, в результате чего «образуются новые лексемы, пары разных слов, создаются слова с новым конкретным лексическим значением или новым значением способа действия».²

Приставка *по-*, например, присоединяясь к глаголу несовершенного вида, может придать значение начала действия: *пай-дй, пасмóтру свойх; как тóл'ка мáтка папад'ó, тода йанй вси пайдй; кудй прид'óтса, тудй и пайд'ó, палетй; óсен'йу и зимой пайд'óш в лес, дровá и пáл'ки пилйт, чтоб хлéба зарабатáт, веснá прид'ó, ап'áт в пóле пайд'óш*.

Приставка *-по-* может внести также значение ограничительного и общерезультативного способа действия: *йешó малénка пáдержйте; нáда йавó пасушйт; с малакóм пакип'атй, тадá атайд'ó; пýгавци мёлъм пачйстиш, чтоб блéстёл би; ничóва не делайу, нáда падури́т, патанцевáт; тадá нáда бýла пасади́т в рой; стáра мáтка патер'áлас'а; в'асной пасади́ли картóшку дл'а бór'ъвки; мно́га трудá павидáл; пастро́ил анбáр; синав'йá паги́бли в вайну́; тр'ох дете́й пахарани́т не шýтка, аднавó и то гру́зна; вайну́ нам скаре́й би пакóнчит*.

Приставка *вы* — (*ви-*), помимо значения направления движения изнутри наружу, может обозначать общерезультативный способ действия: *ви́ткат тапёр йа слáба, и си́ли нет и тóлка нет, не ви́ткат так; ви́страили дом себе́; нáда бýла в рой пасади́т, ви́сушиш; (грибы) ви́варим, см'атáни палóжим и добра йест. не ви́ткат так; ви́страил дом себе́; нáда бýла в рой пасади́т*,

Приставка *за-*, соответствуя предлогу *за* и обозначая направление действия, может выразить начинательный и общерезультативный способы действия: *кадá в сер'óдке рой нет, тадá ни-кто́ не запайóт; закалати́ли лóжкам аб стол как пул'ам'óт; ап'áт наш полк замехáлся: гдé-та дéла замехáльс'а; он заревéл здравствуйте; вс'о засóхла; кадá вада астанетса нáдълга, заплéснетса свёрха; хлеб раствóриш, чéрез ден заква́сиш йавó, ўтрам замéсиш и в печ пастáвиш; дражéй как мно́га пастáвиш тада как зап'áнитса (пиво); тепёр не дадй без труби́ пастро́ит (баню), загарéтса маг'ó; скóл'ки запла́тил атéц, этá йа не знайу; чинъм он цар палкóвникъм бул, генерáла видна йешó не заслужй́л*.

Приставка *на-*, близкая по значению предлогу *на*, может обозначать также интенсивный и общерезультативный способы действия: *сáми накар́зим, натк'óm; хто пабагáче, наб'ару́ баб бóл'ше намагáт; сóли в сер'óдку, хлéба накрóша, в пец пастáв'а*

² А. В. Бондарко, Л. Л. Буланн, Русский глагол, Л., 1967, стр. 41.

и наїед'атса как барава; там паставиш кусок (мяса) в кат'ол да вад'и навэрх да картóшки да, навариш и гатова; накапали п'ат телэг картóшки, што эта йе; нарежеш такі куск'и и гатова; капейки кидайу, набрана эт'их мед'них капейек, трикапейешних, п'атикапейешних, п'аст харóша накоплена; на́да пригатовит де́ничек (перчатки), наскóв да, може ти мне нав'аз'ош; п'ираг'и п'ак'ли; йайц наб'ош в сер'одку да смет'ани да и ап'ат ск'уснай пирог; ка́да навешена вс'аких раз'ных л'апаткóв, та́да свекрóва при-нимайе сунду́к.

Приставка -от- — часто обозначает финитивный и общерезультативный способы действия: *йа дэв'ат лет отработал; з'иму атж'ил, са́ми не ви́дали са́хара, атэ́ц прив'ад'о дэс'ат ф'унтэв с го-рада, год атж'ит с'ам'йой; неде́ли две йа атбу́л; в бал'ни́ци ме-с'ак вре́м'а атлежа́у; м'асник'и цéл'нава атк'уп'а бо́рава; зéмл'у атбер'ом, фабрики наро́ду атдади́м, вс'о гасударству атдади́м; сол' атп'аше, гарóх с'йе́ст'а.*

Глаголы с приставками *при-*, *про-*, *раз-*, *с-* часто выражают общерезультативный способ действия. Например: *ну вóт керенски приступи́л; йа пристро́илса в бал'ни́ци; друго́й раз ка́да призе́миш адну́, две, три, шту́ки, та́да расер'д'атса; неде́л'у праучи́лис; пракéдиш ' процеди́ш' и дл'а себ'а пал'учи́ш малако́; каманди́р гавари́т, что нас приказ растрел'а́т; каде́тэв сразу разби́ли ве́черэм; йа йево́ би́стра там распра́вили; там нас раскалати́ли ма-ментал'на, в сер'одку, вдари́ла и распу́хла вс'о; йана́ разбудила́ их до́ма; та́да сн'али́ и разгл'аде́ли; клевер'а йешо́ не расцвेलи́; ста́ра шко́ла развали́лас'а; в пра́шедшим го́ди свали́ла кр'ажу на́ руку; йа сича́с сд'ала малако́; афице́р ади́н сб'ил каманди́ра ша́шкэ́й; во́лки бу́ли, ско́л'ка аве́ц сарва́ли; сол' атп'аше, гарóх с'йе́ст'а; а́на нагу́ сла́мала; са све́жэва то́же саби́ом (масло), да до́лга гнат на́да.*

Следует отметить, что по сравнению с литературным языком Ийзаку знает меньше средств для передачи нового лексического значения и образования видового противопоставления. Ограничен круг употребляемых приставок, иногда новое лексическое значение передается при помощи дополнительных средств, например, различных наречий: *на́да скрóз йэхат ' надо проехать ';* *весной палз'ут атт'уда вон ' весной выползают оттуда ';* *в'йотса кру́гэм ' обовьется, обвивается ';* *л'он валачи́ли-вон; навэрх л'у этава кип'атк'а 'наливаю кипяток ';* *впер'од йой ид'о́' мимо нее пройдет вперед '.*

Глаголы движения — определенные и неопределенные, противопоставляясь в рамках несовершенного вида, используя приставочное словообразование, превращаются или в глаголы совершенного вида (*иду́ — уйду́, йеду́ — пайеду́*), или же сохраняют значение несовершенного вида (*хажу́ — ухажу́, йеэжу́ — уйеэжа́йу*), так же, как и в русском литературном языке. Таким образом создается видовое противопоставление глаголов *уйду́ —*

ухажу́, уйеду́ — уйезжа́ю и пр. Например: а) со значением несовершенного вида употребляются глаголы движения в следующих сочетаниях: с п'ати́ часо́в ви́езжа́ли на по́ле, со́лнце йе́шб встава́ла, уха́дили с по́ла, со́лнце уже́ захади́ла; с йауо́р'а весно́й уха́дили, все на́нима́лис на рабо́ту; йон ча́ста при́язжа́л туди́; с фа́брики привази́ли жи́цу 'пряжу́', а па́том са́ми тка́ли; ла́шаде́й вивади́ли на доро́гу; сказа́л, за́втра уйезжа́й; б) со значением совершенного вида: с'йеду́ в го́рад, да́стану де́н'ги; пайеду́, па-смо́тр'у сва́их; как то́лка ма́тка пападо́, тада́ йа́ни вси пайдо́, за кл'у́квэ́й придо́тса зайти́т; вор не сме́й прити́т бли́зка; то́лка му́ж ви́шел, пришо́л, же́нй не́ту; раз па́дашли́ к пази́ции савсе́м бли́зка; ста́ра ма́тка па́тер'а́лэс'а, те́пэр с ма́лодэ́й ма́ткэ́й ви́лети; не́л'з'а́ ви́нести, сне́га мно́га; ате́ц го́лэву́ (сахара) с го́ра-да прив'адо́; на ло́шади св'ол в та́рту; ма́сла за ле́та нако́п'а, на ри́нак о́сен'йу́ св'адо́; учи́тел' св'адо́ впе́р'од, сто́й на ка́лэшках.

Следует отметить, что круг глаголов, противопоставляющих направленное и ненаправленное движение, ограничивается, в основном, глаголами, обозначающими самые элементарные способы перемещения: *ити́т — хади́т, йе́хат — йе́здит, летéт — ле-та́т, нест — на́сит, вест 'вести' — вади́т, бежа́т — бе́гат, гнат — ган'а́т, таска́т — та́иши́т.*

Глаголы *везти* — *возить* встречаются очень редко, чаще в этом же значении можно услышать соотносительную по признаку направленности (ненаправленности) глагольную пару *вести* — *водить*. Например: *дача́ по́шту во́ди* 'дочка почту возит'; *те́пэр в ка́во каро́ва забале́е, фа́ршел'а́ приве́д'а́; ка́да невестина ба́у́ства в'адо́, по́пробу́йу, грузно́й ли сунду́к; ма́сла за ле́та нако́п'а, на ри́нак о́сен'йу́ св'адо́; че́рез ма́ла вре́м'а прив'али́ ишо́ винто́к; сна́й в ки́лэс ло́жут, та́да в ри́ги вади́ли, ста́вили на гр'а́дки, чтоб ви́суша; на ло́шади на́да бу́ла свест в та́рту, так на ло́шади и св'ол.*

Видовую корреляцию могут составлять и слова разных корней, создавая т. н. супплетивные видовые пары, например: *брат — вз'а́т, кла́ст — пала́жи́т, гавари́т — сказа́т, лави́т — пай-ма́т, леч — ла́жи́тса, сест — сади́тса, ста́т — стана́ви́тса.*

Из двувидовых глаголов в говоре распространены такие, как *ре́мэнтава́т, фэ́рмирава́т, ма́близава́т, (ап'а́т си́л'на па́шла вай-на́, ста́ли нас ма́близава́т; ма́близава́ли нас бе́ли), же́ни́тса, ра́-нит, ве́лэ́т.*

Как показывает материал, видовые формы образуются и употребляются в основном в соответствии с нормой русского языка. Однако имеются отклонения от общих закономерностей оформления видовой корреляции. Часто встречаются примеры, указывающие на употребление совершенного вида вместо несовершенного для изображения повторяющегося действия. Такая замена несовершенного вида его коррелятом наблюдается

при глаголах с наглядно-примерным и потенциальным значением, представляющих собой способ изображения типичного через единичное или действие, которое может осуществиться всегда, в любой момент.³ Особенно характерно такое употребление для форм настоящего совершенного. Например: *сыйку 'булку' как пек'ош — на малакэ раствóриш да замéсиш да т'анетса и п'акú; тудá и из'ýмен пастáвиш, тапéр йе. рáзни дл'а вку́са кла-дú; хлеб сáми пеклú, раствóр'а в адýн ден, на другóй ден закú-сне, замéсиш, сп'ак'ош; что рáн'ше кúшали, сýпи навáр'а, мала-кá навáл'а и сýти 'сытые' бúли, м'áса нé була лéтам; как вáр'а авс'áнть кисéл', раствóр'а йавó т'óплть вадóй и пастáв'а в т'óпла мéста кúснут, працéдиш йавó на рашетú; пастáвиш тадá уста-йтса, эту вадú сал'ош свéрха, другóй вадí нал'ош, ап'át йон стаí, будéш варít пакá густóй бúде; к лéту вс'оквас дéлайу, пíва вип'-иши, халóднть вадóй нал'йóш навéрх, закúсне и бúде квас; как пíва дéлают — сóлад памóчиш, з'арнó нáда вúрастит, тадá ви-сушиш, смéлеш, рáн'ше рука́м малóли, тепéр на мёл'ницú све-д'ош, кип'яткóм абвáриш да; рáн'ше картóвки мáла растúли, ме-шкá три накóпл'у нá год, нáда йест аттúдава и пасади́т тóже; малóди на рабóту хóд'а, утрóм уйдú, вéчеръм придú; журавíц 'клюквы' наб'арú осен'йу, вúсушиш на палú, патом в анбáр, па-рóй йани зам'óрзну, парóй расстайú, кисéл'али что сдéлаш; сем год бúла как в поле пашóл, с карóвам в' асно́й в пóле уйд'ош, осен'йу тóл'ка дамой прив'адú, спервá сем карóв бúла, пуд хлéба с карóви дадú; дачкá кáжну недéл'у приёзжайё — в п'áтницу прийёде и в васкресéн'йе уйёде; сáми не видáли сáхара, атéц прив'ад'ó дéс'ат фúнтв с гóрьда нá год, áтживáли.*

В приведенных примерах формы настоящего совершенного вида (перфективного презенса) выделяет один из актов повторяющегося, постоянного или привычного действия, как будто оно конкретно и единично, подчеркивают факт в его целостности.⁴ Характер протекания действия, повторяемости всей ситуации создается или средствами лексической актуальности — обстоятельными словами, наречиями: *парóй, кáжну недéл'у, рáн'ше и пр.*, или широко планом контекста. Подобная замена одного вида (несов. в.) другим (сов. в.), называемая конкуренцией видов⁵, применяется в говоре широко для большей выразительности и наглядности речи.

Настоящее совершенного вида в наглядно-примерном значении допускает, хотя в меньшей мере, и литературный язык, гораздо шире оно применялось в русском языке XVIII века.⁶

³ А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Русский глагол, стр. 53.

⁴ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, Морфология, II, Братислава, 1960, стр. 451. А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Русский глагол, стр. 60.

⁵ Там же, стр. 59, 61.

⁶ А. В. Исаченко, Указ. раб., стр. 455.

Однако, в говоре встречаются примеры, свидетельствующие об употреблении формы совершенного вида вместо несовершенного не только для выражения наглядно-примерного или потенциального значения. Так, форма совершенного вида вместо несовершенного выступает при повторяющихся глаголах общезначительного и эволютивного способа действия. Например: на сүпертку хаді́ли, малад'о́ж сабра́лся (вместо собиралась) дл'а рабо́ти; в йау́брэй ден мужи́ки ви́п'іу (вм. выпивают); (сено) ско́с'а (косят), варо́г'а (ворошат), сгра́б'а, кладу́ в кучу; вчера хаді́ла, ві́рвала (вырвала вм. вырывала) траву́ с карто́вки; кто мі́знику рабо́тал, тот палу́чл (вм. получал) с мі́зи пшени́цу; памале́н'ку вс'у свайу́ жизн научи́лся (учился); ра́н'ши капу́сти да рисне́й суп да пригато́вили (приготовляли), сне́тов вари́ли; шерст сама́ стира́ла, чу́лкi и камзо́ни 'вязанки' св'а́зла (вязала), де́нички 'варежки' в'а́злi, кра́сили са́ми; зи́мо́й на неде́л'у на́ две ушлі́ (уходили) в лес; ра́н'ше ри́бай и жи́ли, там ри́би бу́ла вдо́вэл', вади́ли, ско́л'ка ви́лтв'ат (вылавливали), прада́т (продавать) не́куда; ра́н'ше л'он расті́ли, пасе́яли (сеяли); ра́н'ше пастухі́ изме́рили (измеряли) па́сден 'тень'; л'о́н вала́чили, в кўбуши́ св'а́зали, ма́чили в вади, тада́ ви́вели (вывозили), расасла́ли (растилали) на пако́си, ка́да ви́стх (высыхал), м'а́ли, ви́чесали (чесали); драва́ ре́зала и саби́рала в ле́си, зимо́й мужика́м б'ал'йо́ ви́ткала (ткала) и спр'а́ла (пряла).

В приведенных примерах формы совершенного вида (сабра́лся, ви́п'іу, ско́п'атса, ско́с'а, сгра́б'а, варо́г'а, ві́рвала и т. д.) противоречат основному смыслу предложения, выраженному средствами лексической аспектуальности или самим контекстом. Приставки, присоединяющиеся к глаголу несовершенного вида, в первую очередь изменяют его лексическое значение, а вид глагола перестает как будто характеризовать протекание действия. Как известно, возможны ситуации, когда невидовые факторы получают некоторое преобладание над системой видов и вызывают то или иное отклонение от принципиальной нормы их употребления. Как показывает материал, в говоре Ийзаку немало таких случаев, когда на первый план выдвигается лексическое значение глагола. Часто для обозначения того или иного лексического значения наряду с глагольной приставкой, а иногда и вместо нее, используется наречие. Например: ра́н'ше и дама́ без тру́би стро́или, вс'о в сер'о́дку тапи́ли, дете́й на́зен ат дима́, с шуб́ей сверх аде́ну — л'ажі́те па́ка изба́ то́пится, дим' ввер'о́х пади́метса, дере́в'анна акно́ аткро́йу, атту́дава дим' вон; ра́н'ше на́да бу́ла вс'а́ких л'апатко́в 'лент' пра́меж крі́шки па́ста́вит, тада́ св'акро́ва уви́ди, что там йе и прим'о́ сунду́к; на́да дро́жжи в сер'о́дку (в пиво) пала́жит; вади́ л'ош на́вэрх 'воды налье́шь'; скроз' ді́рки праби́л 'дырки пробивал'; ва́да аста́нетса на́вэрх, а гу́ста аста́нетса вниз; пол' ви́пашем' чі́ста; йа́йц на́б'йош в сер'о́дку, па́ста́виш из'у́ма в сер'о́дку.

Как показывают приведенные примеры, для говорящего важно передать не характер протекания действия, показателем которого выступают различные дополнительные средства и сам контекст, а подчеркнуть лексическое значение одного или другого единичного акта действия.

Отклонением от нормы литературного языка представляется также употребление форм настоящего совершенного вида вместо настоящего несовершенного там, где характеру протекания действия больше соответствовало бы настоящее несовершенного вида. Например: *тепёр (бани) не дадү* (вм. не дают) *без труби пастроит, загарётса маг'б; тепёр на машин'яа цёл'ни дэрэв'яа наклады* (вм. накладывают) *и в йзаки рёжу; йа сейчяс не магү в лес хадит, устану* (вм. устаю); *кнйгу читат мбгу, тёл'ки глази устану* (вм. устают); *а йа тепёр напйшу* (вм. пишу) *то сама лүчше как втарой, трёт'ей атделении; йа сичяс напйшу па-русьски, напйшу* (вм. пишу) *па-эстонски; када с дёма уйдү* (вм. уйду), *двер замикайу*.

Приведенные примеры также указывают на слабость выражения видовой оппозиции, на несоответствие между характером действия и видовым значением глагола. В приведенных примерах действию, выраженному в этих предложениях, соответствовал бы глагол с конкретно-процессным или постоянно-непрерывным значением в форме настоящего несовершенного вида. Употребление совершенного вида не оправдывается и временным планом контекста.

Факты неразличения видовых функций и другие отклонения в употреблении видов двузязычных представителей говора Ийзаку в большинстве случаев являются результатом влияния системы глагола эстонского языка, не знающей ни самой категории вида, ни средств для ее образования. Такими же причинами объясняется нейтрализация видового противопоставления в русском говоре Мехикоорма на территории Эстонии, в котором «средства, характеризующие протекание глагольного действия ... стали уподобляться средствам эстонского языка».⁷

Однако, несмотря на особые условия существования языка этой местности (интенсивное языковое контактирование, изолированное от других русских говоров существование, отсутствие влияния литературного языка), говор Ийзаку продолжает сохранять одну из основных категорий русского глагола — наличие коррелятивных пар глаголов несовершенного и совершенного вида.

⁷ В. Мюркхейн, Влияние эстонского языка на развитие видовых отношений в русском говоре с. Мехикоорма Эстонской ССР. — Советское финно-угроведение, 1968, № 3, стр. 180.

ФОРМЫ ПРИЧАСТИЙ И ДЕЕПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ ГОВОРЕ ИЙЗАКУ НА ТЕРРИТОРИИ ЭССР

Х. И. Хейтер

Категория причастий в говоре Ийзаку, как и в других русских говорах, представлена лишь одной группой — причастиями страдательного залога прошедшего времени. Действительные причастия, а также страдательные причастия настоящего времени не свойственны диалектной речи.¹

Страдательные причастия прошедшего времени в говоре Ийзаку образуются, в основном, от переходных глаголов совершенного вида при помощи суффиксов *-ен-*, *-н-*, *-т-*. Особо широкое употребление имеют краткие формы страдательных причастий прошедшего времени для выражения сказуемого.

Краткие страдательные причастия в говоре Ийзаку утратили склонение, но сохранили изменение по родам и числам. Полные формы, встречающиеся иногда для обозначения сказуемого, представляют собой те же краткие формы с окончаниями прилагательных мужского, женского и среднего рода. Например: а) образование с суффиксом *-н-*, *-ен-*: *маладой в ревел' бул атправленъй*; *старъй дом в нас разборънъй*; *бал'шой ахлэв мен'а собствена самйм пастройенъй*; *сумма була аб'йавлена*, *кто вловит или уб'йот*; *в ман'а набрана*; *картофка выбрана*; *в каво шерстан'а лавъшна куплена*; *хароша рама, катбра напечатана*; *здесь жолта трава була пасейана*; *трава там не аткошена*; *пришедшим годъм була пасейана*; *и шас там салашка устроена в лесу, где он жил*; *и так пак'а поле убрана*; *целъй мешок бул прив'аз'он*; *вс'о була закружона*; *жиц'а мной спр'адена*; *авц'а первъй раз вистрижена*; *в ман'а и кофта була накрашена*; *земл'а на шест була разделена*; *була бан'а куплена*; *грэхъти були павешъни*; *влас'а подрезани*; *тепер другй названийа паставлени*; *ахлэви бал'шийе тепер пастройени*; *були вси акружени*.

¹ Об этом см.: Русская диалектология, М., 1965, стр. 169; С. И. Котков, К изучению орловских говоров, Орел, 1952, стр. 147—148; С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, М., 1953, стр. 194—200.

Иногда возможно образование кратких страдательных причастий и от переходных и непереходных глаголов несовершенного вида: *детейна клáдена, даро́га давнó стáвлена*; *йой пала-викí и ко́фтгъчки ткáни*; *йешó л'он не м'áтгý как салóма*; *никудá не схади́ла и па сичáшингý ден не хóжена*; *мáла хóжена*. В последнем случае мы имеем дело с безличными предикативными формами, образование которых возможно так от переходных глаголов совершенного вида, так и от непереходных несовершенного вида. Приведем еще примеры: *эта са лна́ и сдéлана*; *красíва саткáна*; *на трéт'ийм этажé харашó вíна*; *тадá дамá бýли блýзка у хл'а-вáх*, *п'атýн запайó*, так *слýшна бýла*; *ск'ол'ка вýработана*; *эта на во́куши (на прялке) спр'áдена*; *вс'о в свайó вре́м'а далгжнó бут'ýбрана*; *запр'ашóна*; *мóже прайд'ó п'адис'ат лет*, *тадá эта сдéлана бýде*, *тут рáзна ко́плена*; *дамóй нé була писана*; *барáни бýли принес'они*.

б) образование страдательных причастий с суффиксом -т-: *дал'ний пакóс не трóнути*; *йешó л'он не м'áтгý*; *ба́ба с вáйкли бýла вз'ата*, *бýла да смéрти бита скóл'ка раз*; *жалéзна даро́га бýла зán'ата*; *вс'о бýла навýшита*; *жйц'а (пряжа) мной кáрзебита (начесана) смал'анí бóчки на кол зди́нути*, *тадá видáт бóл'ше*; *пагóнушки прии́ти палýчше*; *сундуки набýти ужé пéред свáдбгý*; *а дéнек аткул' вз'ат*; *дén'ги та прапýти*; *дén'ги бýли вз'ати*, *сéна бýла дáта*; *вси адéти и абýти*; *бумáги бýли проч вз'ати*, *вс'о забýта жení нéту вз'ата*.

В изучаемом говоре, помимо указанных форм страдательных причастий, можно встретить обороты т. н. посессивного перфекта: *в м'ан'á набрана*, *в м'ан'á пражита*, *в самíх ткáна*, *в йой бýла рóжена*, *в йой мáла хóжена*. Эти конструкции, состоящие из родительного субъекта с предлогом *в* (в соответствии с *у*) и безличной формы страдательного причастия, широко известны в русских народных говорах как на крайнем Севере, так и на северо-западных и среднерусских территориях. Об этом свидетельствуют данные, которые приводят исследователи С. П. Обнорский², П. С. Кузнецов³, Ф. П. Филин⁴, З. М. Петрова⁵ и другие. В русском говоре Ийзаку, в отличие от севернорусских говоров, посессивный перфект возможен как в безличных, так и в личных предложениях. Например: *в самíх ткáна бýла*; *в мен'á вз'ата*, *в нас бýла кáрзебита 'начесана'*; *в нас набрана*; *йа па-*

² С. П. Обнорский, Очерки по морфологии, стр. 159.

³ П. С. Кузнецов, К вопросу о сказуемости употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. — Материалы и исследования по русской диалектологии, т. III, М.-Л., 1949, стр. 77—79.

⁴ Ф. П. Филин, Заметки о записях материалов по синтаксису. — Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка, М.-Л., 1949, вып. 4, стр. 42—47.

⁵ З. М. Петрова, Посессивный перфект в псковских говорах, — Псковские говоры II, Псков, 1968, стр. 118—126.

кажу, што в менé тка́на; в теб'а́ бу́ла завед'о́на; а что в менé не про́жита; в йой ма́ла хо́жена; йой вс'о пр'а́жена; э́та вс'о в йой каро́ва; вс'о в са́мих бу́ла сде́лана; п'сл'то́ в м'ан'а́ тка́на; в наш да́та мен'а́ пано́шена; йой пала́вико́у и ко́фты́чки и же́нны́и тка́ни; ба́льшой ахле́в в мен'а́ собствена, са́ми́м па́стро́йны́й; в ка́во шерст'а́на ла́вэ́шна ку́плена; йей вс'о кра́шэ́на и ви́ткэ́на; в йой пала́вико́у и ко́фты́чки тка́ни; тка́н'йо́ йей тка́на, пр'а́дена; тут ра́зна ко́плена; асно́ва в са́мих спр'а́дена; пла́т'я́ шерст'а́ны́ в са́мих тка́ни бу́ли.

Такие же посессивные конструкции отмечены в псковских говорах⁶. Но реже, чем в псковских говорах⁷, в изучаемом диалекте наблюдается утрата страдательными причастиями форм словоизменения. Нами зафиксированы лишь единичные случаи употребления застывшего причастия на -но, -то (у нас, как и в других акающих говорах -на, -та) или на -н, -т независимо от рода и числа существительного. Ср.: *с гни́ли пол слі́та бу́л; а тапе́р мо́же бу́т вс'о сме́нэ́т: тапе́р он сме́нэ́та; парас'о́нак не́ту вз'а́та; в наш парас'о́нак с д'аре́вни прине́с'о́на.*

В отличие от севернорусских говоров, страдательное причастие в нашем говоре не употребляется в возвратной форме.

В говоре Ийзаку, в отличие от русского литературного языка, распространены деепричастия, образованные от основы прошедшего времени глаголов совершенного вида. Совсем редкими по употреблению являются деепричастия настоящего времени (образованные от основы настоящего времени глаголов несовершенного вида). Из деепричастий настоящего времени можно отметить лишь некоторые образования с суффиксом -уци-: *э́тат (улей) пайд'у́чи да́чкино́му си́ну; э́тат (улей) пайд'у́чи на адно́ва да на друго́ва; па́то́м гавари́л об адно́м (улье), пада́р'о́ны́чи да́чкино́му си́ну.*

Образования с суффиксом -уци- в большей мере свойственны говорам северного наречия.⁸

Наиболее продуктивным в говоре Ийзаку являются формы деепричастия прош. времени, выполняющие функцию предиката т. е. так называемые предикативные деепричастия или отпричастные формы (отпричастный перфект)⁹.

Вопрос о морфологических особенностях и синтаксической функции предикативного деепричастия освещался в работах многих исследователей.¹⁰ Подчеркивается, что формы на -вши,

⁶ З. М. Петрова, Указ. соч., стр. 122.

⁷ Там же, стр. 122.

⁸ С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, М., 1953, стр. 217.

⁹ Все эти термины, употребляемые различными авторами, обозначают деепричастные формы на -вши в функции предиката.

¹⁰ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, Москва, 1958, стр. 186—190; П. Ф. Филин, Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 26—39; С. П. Обнорский, Очерки по морфологии, стр. 153—

употребляемые в качестве предиката, отличаются от параллельных форм прошедшего времени с суффиксом -л по значению. Сказуемое, выраженное предикативным деепричастием, может обозначать такое прошедшее действие, результат которого сохраняется и в момент высказывания.¹¹ По мнению Ф. П. Филина, «отпричастная форма означает актуальное прошедшее действие, имеющее непосредственное отношение к моменту говорения, иначе, выражает категорию типичного перфекта, достаточно хорошо известного в древнерусском языке.¹² И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко рассматривают предикативное деепричастие как новую форму прошедшего времени, возникшую в ряде диалектов древнерусского языка в связи с трансформацией второстепенного сказуемого. Она не совпала по своему значению древнерусского перфекта, т. е. значение состояния, отнесенного к настоящему времени, но возникшего в результате действия, законченного в прошлом.¹³

В. И. Трубинский связывает значение перфективности предикативного деепричастия с такими свойствами глаголов, от которых эти конструкции образованы, как «мутативность» — способность обозначения изменение в общем состоянии или пространственном положении субъекта, и результатов в отношении субъекта действия.¹⁴

Однако, значение перфекта свойственно и глаголам прошедшего времени совершенного вида в современном литературном языке и не является спецификой только перфекта на -вши. В. И. Трубинский подчеркивает, что отличительной чертой перфекта на -вши на Северо-Западе является его свойство выражать состояние, включающее и результат действия, наличествующий в настоящем (т. е. значение перфекта).¹⁵

157; П. С. Кузнецов, К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. — Материалы и исследования по русской диалектологии, т. III, 1949; В. И. Трубинский, К вопросу о русском северо-западном перфекте, Л., 1958; И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко, О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, № 10, М., 1956, стр. 107—130; Л. К. Дмитриев, К вопросу о значении и генезисе отпричастных форм. — Псковские говоры I, Псков, 1962, стр. 143—161. В. И. Трубинский, О лексической базе предикативного деепричастия в псковских говорах. — Псковские говоры I, Псков, 1962, стр. 162—178.

¹¹ П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, М., 1954, стр. 242.

¹² П. Ф. Филин, Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 30.

¹³ И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко, О некоторых синтаксических явлениях ..., стр. 114.

¹⁴ В. И. Трубинский, К вопросу о русском северо-западном перфекте, стр. 8.

¹⁵ В. И. Трубинский, К вопросу о русском северо-западном перфекте, стр. 10.

Относительно распространенности и продуктивности предикативного деепричастия соотносительно с формами прошедшего времени на -л в той же роли следует отметить, что подавляющее большинство глаголов, как совершенного, так и несовершенного вида, как непереходных, так и переходных, для выражения сказуемого в прошедшем времени используется форма на -л. Случаи образования предикативного деепричастия в нашем говоре составляют ничтожную долю.

Формы на -л в исследуемом говоре определяют не только действие, близкое к аористическому по своему значению, но и состояние, наличествующее в настоящем, т. е. указывают на перфектное значение его. Таким образом встречаются факты параллельного употребления в одинаковых случаях как отпричастной формы, так и формы прошедшего времени на -л. Например: *аона маладўха астаўши тепёр: то́л'ки два стрика́ аста́лис'а; хутора́ вси развали́вши — ста́ра шко́ла развали́лс'а; кто мале́нка падн'а́ўши, тот пашо́л слуши́т в поле; кто мале́нка падро́с, падн'а́ўса кве́рху, тот на рабо́ту, служи́т; в нас бу́ла три бра́та, два бра́та, два пам'о́рши; йда́ — майа́ радн'а́, ўмерла, часо́в двена́цат улегла́ и часо́в во́сем бу́ла уже ўмерла; син ўмер, аста́лас'а адна́ дачка́; хаз'а́йка уйёхачи́ вйё́ве' в Йыхви́; а́на уйёхала́ в го́рад иска́т печника́; бу́ла три реб'о́нка, вси ўмерли, ни адно́вава не оста́лс'а; в нас бу́ла три бра́та, два пам'о́рши.*

Как показывает материал, в исследуемом говоре идет семантическое сближение аористических и перфектных форм на -л с отпричастными формами. В настоящее время можно говорить о преобладании первых над вторыми в функции сказуемого, даже для выражения значения отпричастной формы.

Деепричастия, образованные от основы прошедшего времени, в исследуемом говоре могут выступать и для выражения второстепенного действия, например: *ска́пўши пѣгавар'а́ да пѣтанцўйу́ да; так смо́тра'а, сабра́вши, не танцева́ли; нанўвши́ на́да де́лат; со́нца не́ту' вста́вши на рабо́ту ушли.*

СЛАВЯНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ВЕНГЕРСКИХ ГОВОРОВ РАЙОНА ВЕРХНЕЙ ТИСЫ

Ш. Фодо

В лингвистической литературе за последнее время значительно усилился интерес к проблемам изучения географических названий в целом и географической терминологии, в частности. Этот интерес обусловлен несколькими причинами. Во-первых, малоизученностью вопроса, во-вторых, осознанием того факта, что географические названия содержат ценнейшую информацию не только для лингвистов, но для историков и этнографов.¹ Топонимический материал имеет большое значение для восстановления древней истории изучаемого края и заселявших его народов, т. е., используя лингвистически проверенный топонимический материал, мы сможем получить ценные данные и для изучения этнической истории исследуемой территории.²

При этом нельзя забывать и то, что в образовании географических названий очень большую роль играют и нарицательные местные географические термины. Поэтому знание этой категории лексики является необходимым условием правильного анализа топонимического материала. Без знания местной географической терминологии правильный анализ топонимов вообще невозможен.³

С другой стороны, в географической терминологии отражаются вековые наблюдения народа над природой, которая окружает его.

В географической терминологии отражаются также исторические связи народов, заселяющих данную территорию. Анализ географической терминологии позволяет уточнить характер и степень взаимодействия, направление и интенсивность внутренней миграции населения, а также направление и интенсивность колонизации данной территории. Всем этим и обусловлен тот интерес, который уделен в лингвистической литературе последнего времени вопросам изучения топонимики и местной географической терминологии.

Л. К. Дмитриева на первый план выдвигает не результативное перфектное значение, а принадлежность предикативного деепричастия на *-вши* к категории состояния.¹⁶ На значение состояния предикативных форм деепричастий указывают такие дополнительные факторы, как употребление различных обстоятельств (место, меры и степени) и частиц (уже, еще, все), лексическое значение состояния отпричастных форм, слабое проявление залогового противопоставления, отсутствие частицы *-ся* в образованиях от возвратных глаголов и др.¹⁷

Как свидетельствует фактический материал, функциональная дифференциация отпричастных форм в исследуемом говоре представлена почти что с такой же последовательностью, как это наблюдается в северо-западных говорах.

В русском говоре Ийзаку деепричастия прошедшего времени используются главным образом в функции предиката. Они образуются от основы прошедшего времени, преимущественно от непереходных глаголов совершенного вида¹⁸ при помощи суффиксов *-ши* (от основ на согласный), *-вши*, реже *-миши*, *-лиши*, обозначая наличествующее в момент высказывания общее состояние (или изменение в общем состоянии) субъекта, явившееся результатом свершения в прошлом сосредоточенного в субъекте действия.¹⁹

Примеры: *женá дэс'ат год пам'орши; а эта, катора рáн'ше вйшедши, пастáрше; трóйе детей бýла, а адíн аста́вши; брат ўмерши бóль'ше двадцатíх лет; хутарá вси развалíвши; в нас бýла, три брáта, два пам'орши; тут мно́га их нарóсши; там то́л'ка адíн дом аста́вши; тут адна́ рýс'ка прийéхачши; адна́ маладýха аста́вши тепёр; йанí врёде цепíвши вси; сестра ўмерши давнó; три дóма развалíвши (в нашй деревне); сказа́ли, что пóчка та прóста распúхши; женá ушóци в ййзаку (ее нет дома сейчас); син спустíвши; глаз напóртивши; дéти умирали, аста́вши три; ац'овский дом разарíвши; винóй фáбрик аста́вши; йон здесь радíвши и срóши; ста́вши найдíт рабóту себе́; хутарá развалíмши вси; ми эсто́нци, с расéй пришóци.*

Подобная же соотносительность двух действий может переноситься и на прошедшие события. Такое соотношение двух прошедших действий может быть выражено предикативным деепричастием на *-вши* и прошедшем временем вспомогательного глагола быть. В таком случае деепричастная форма в роли сказуемого обозначает предпрошедшее действие²⁰ (плюсквамперфект), предшествующее последующему прошедшему, выражающее

¹⁶ Л. К. Дмитриева, Указ. соч., стр. 147 и след.

¹⁷ Л. К. Дмитриева, Указ. соч., стр. 148—155, В. И. Трубинский, ук. соч., стр. 11.

¹⁸ На преимущественное образование отпричастных форм от непереходных глаголов сов. вида в северо-западных говорах указывает и В. И. Трубинский.

¹⁹ В. И. Трубинский, Ук. соч., стр. 15.

²⁰ Ф. П. Филин, Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 31.

значение состояния, отнесенного в прошлое. Например: *зимой бѹли вси зам'орши; в мен'а нѣкатѣри бѹли вишедши; дѣти бѹли с мамкѣй астаѹши; четѹри раз бѹла к дѡхтеру сашѡдши; хаз'айка бѹла в ййзаку ушѡци; ужѣ сдѡхши л'агѹха бѹла; чѣрез ѡзера итѹ нел'з'а бѹла, растайавши бѹла; в м'ан'а атѣц ѹмериши бул ужѣ; вот, зимой ушѡци бѹли; йон бул адѣвши савсѣм слѣба как деревенский мужичѡк; засѡхши такой бул; йанѡ бѹла с'йехатиши, кадѡ в бал'ниѹи бѹла; бул прастудѣвши; бѹли привѣкши; ѡзера бѹла зам'орши.*

Такое же соотношение двух прошедших действий может быть выражено предикативным деепричастием при глагольном сказуемом на -л. Например: *радѣвши йа здес, а жѣла в кѹру; кто малѣн'ка падн'аѹши, тот пашѡл сам служѣт в пѡле; тѡл'ка л'ѹпки как вишедши красили.*

От глаголов *идти* в говоре Ййзаку известны деепричастия типа *ушѡци, ушѡдши*. Например: *вот зимой ушѡци бѹли; хаз'айка бѹла в ййзаку ушѡци; лет тридцать прашѡци; другѹе ушѡци впер'ѡд; син ушѡци в ййзаку; навѣрна пршѡци с расѣи; пришѡци с'удѣ; мужикѹ бѹли пришѡци; ви тут все прошѡци; бегл'аѹи бѹли пришѡци; ми эстѡнци, с расѣй пришѡци; спат ушѡци; в мен'а нѣкатѣри бѹли вишедши; а ѣта, катѡра рѡн'ше вишедши, пастѡрше; четѹре раз бѹла к дѡхтеру сашѡдши; тут анѡ служѣла и тудѡ и вишедши; йанѡ замѹж вишедши с им; аткѹли нашѡдши; в с'ѡлика радѣвши, в кѹру замѹж вишедши.*

Изредка в исследуемом говоре встречаются случаи образования предикативного деепричастия и от переходных глаголов как совершенного, так и несовершенного вида. Например: *в кнѣжку йон запѣсши там; бул на мѣзе в памѣшика работникѣм вз'аѹши; йон слихѡвши мнѡга; не йѣмши, не пѣмши*. Зафиксирован пример употребления отпричастной формы от непереходных глаголов несовершенного вида: *йа никудѣ ни хадѣмши, ни шатѡмши*.

Нет данных по употреблению деепричастий, образованных от переходных глаголов и имеющих при себе прямой объект, как это наблюдается в некоторых русских говорах, знающих предикативное деепричастие.²¹

Крайне редкими представляются образования деепричастий с частицей -ся: *спрастѣѹши, уѹболиѹши'а в майѹ*. В основном предикативные деепричастия, образованные от возвратных глаголов, употребляются без -ся.

Такая же картина образования отпричастных форм без частицы -ся наблюдается в большинстве северо-западных говоров²², в том числе в новгородских и псковских²³.

²¹ И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко, О некоторых синтаксических явлениях ...

²² Ф. П. Филин, Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 37.

²³ С. П. Обнорский, Очерки по морфологии, стр. 156, Л. К. Дмитриева, К вопросу о значении и генезисе отпричастных форм, стр. 155.

В славянском языкознании в этой области уже достигнуты определенные успехи,⁴ но в венгерском языкознании, к сожалению, сделано очень мало,⁵ а говоры Закарпатья (как украинские, так и венгерские) в этом отношении почти совсем не изучены.⁶ Можно только сожалеть о таком положении дел, поскольку изучение топонимики и географической терминологии в украинских, венгерских и румынских говорах могло бы дать много ценных данных о прошлом Закарпатья — одной из самых интересных в языковом и этническом отношении территорий, о древней истории которой науке известно еще очень мало.

В данной статье мы рассмотрим несколько географических терминов в венгерских говорах района Верхней Тисы, являющихся славянизмами по своему происхождению. Большинство рассмотренных нами слов — диалектизмы, неизвестные венгерскому литературному языку. Из слов литературного языка мы анализируем только те, которые употребляются в исследуемых говорах в отличном от литературного языка значении.

Среди приведенных ниже слов встречаются и такие, которые в настоящее время как нарицательные термины в живой речи уже не употребляются, но они сохранились в топонимических названиях (здесь мы имеем в виду только те топонимические названия, которые несомненно образованы на венгерской почве).

* *
*

baŋya «стоячий невысыхающий водоем, небольшое озеро с грязной, поросшей водорослями водой». Термин зафиксирован только в говоре Вышкова,⁷ но сюда же относятся, вероятно, и топонимы: *Bonyá* — совр. название водоема со стоячей водой в с. Новое Село; *Bonnya* — ороним из с. Федорово, ороним фиксирован уже в 1854 г. (Szabó, Ugocsa, 285); *Bónya* mocsaga — ист. название болота с 1544 г. в окрестностях с. Тростник (Szabó, Ugocsa, прилож. № 4).

Этимология интересующего нас термина не совсем ясна, и поэтому трудно с достоверностью приводить родственный материал. Обращает на себя внимание близость *baŋya* как в лексеме, так и в семемном плане с венг. диал. *bánya* «место для купания»; «большая яма с водой, из которой добывают глину или песок, где можно купаться»; «большая яма, овраг», который на исследуемой территории встречается повсеместно, за исключением крайних восточных говоров, в которых *bánya* употребляется в значении «рудник, шахта, каменоломня», как слово литературного языка, отношение которого к диал. *bánya* спорно. (Kniezsa, SzlJsz, 1/1, 76).

Известен термин и другим венгерским говорам, обычно в значении «место для купания с теплой водой» (MTsz).

Диал. *bánya* заимст. из юж.-слав. *banja* «горячий источник, в котором можно купаться» (См.: Kniezsa, SzlJsz, 1/1, 76; TESz, 1, 241).

Следует, однако, обратить внимание на некоторые моменты, препятствующие сравнению *banja* с *bánya*. Во-первых, при таком сравнении мы должны отказаться от рассмотрения в одном ряду *banja* с *Bonyu* и *Bonnyu*, поскольку венг. — *o* на месте славянского — *a* невозможен, а сдвиг венг. — *a* > — *o* на венгерской почве трудно объяснить. С другой стороны, нельзя не обратить внимания на близость *banja* к укр. *боня* «бездна»; «глубокая яма с нечистой водой» (Грицак); «глубокая яма на болоте, наполненная грязной водой»; «большая стоячая вода» (карт. КДА). Связь между этими терминами очевидна. Учитывая географию венг. и укр. слов (венг. *banja* употребляется только в говоре Вышкова, а укр. *боня* встречается по обе стороны Карпат (см. карт. КДА), возможность заимствования укр. *боня* из венг. *banja* маловероятна. Из сказанного следует, что интересующий нас термин заимствован из украинских карпатских говоров. Правда, венг. — *a* на месте укр. — *o* требует объяснения, поскольку обычно в славянских заимствованиях на месте слав. — *o* находим венг. — *o*. Поэтому можно предположить, что первичной формой венг. слова была *bonya*, что и отражается в топонимах *Bonyu*, *Bonnyu*, а переход — *o* > — *a* в говоре Вышкова вполне закономерен, поскольку говор Вышкова — единственный акающий говор в Закарпатье.

Этимология укр. *боня* еще не решена с достоверностью во всех деталях. Н. И. Толстой сравнивает *боня* и тождественное ему в семантическом плане *боніще* с зафиксированным в Восточном Полесье термином *бон* «выгоревшая глубокая яма в торфяном болоте, заполненная водой», «глубокая яма в реке», а также с кашуб. *bonawa*, *bonawka* «дерн, трава» и н.-луж. *bón*, *bonk* «луг, поляна», заимствованных в конечном итоге из нем. *Bonn* «мокрая луговая трава» (см. Толстой СГТ, 202). Правда, по отношению к *боня* и *боніще* он вслед за Р. В. Кравчуком допускает и возможность происхождения от *кав-боня*, *бул-боня* или *бодня* (Толстой СГТ, там же). В. В. Нимчук сравнивает укр. *боня* «глубокая яма в реке» со слвн. *bedenj* «то же», рассматривая их как пример развития в одном направлении западноукраинских и южнославянских слов, имеющих общеславянский корень (Нимчук, Тези, 93). О соотношении укр. *бодня* и слвн. *bedenj* см.: Толстой, СГТ, 227 и Трубачев, РТСЯ, 301. Ср. также рум. диал. *bonja* «рукав реки со стоячей водой» (ср. Водяное. Карт. КДА). *săgîna* «пахотная земля». Фиксирован только в говоре Солотвина.

В этом же значении *cărîna* известен и в некоторых трансильванских венгерских говорах (Márton, Román, 102).

Заимствован из укр. *цáрина* «пахотная земля»; «огороженное поле»; «застава в селе»; «ворота при входе в село» (Гринч.); «возвышенное и открытое место» (Мар. МСУГТ, 253); русск. *цáрина* «пахотная степь»; «поле» (Даль). Ср. также рум. *farinǎ* «пахотная земля» (Tiktin).

Д. Мартон считает, что венг. диал. *cárina* заимствовано трансильванскими говорами из румынского языка (Márton, Román 102), но в пользу этого мнения, по крайней мере, для нашего говора нет убедительных аргументов.

В отношении этимологии слов существуют различные мнения: Преображенский и Бернекер сравнивают их с *царь* (Преобр., П. 183; Berneker, EW, I, 127); Фасмер выводит *царина* из рум. *farinǎ* (Vasm. III, 282).

+ *deber* Термин зафиксирован нами только в двух топонимических названиях из с. Поповое: *Kisdeber, Nagydeber*. Оба топонима являются названиями участков горы, расположенной в окрестностях села.

Рассматривая словообразовательную модель и характер первого компонента топонимов, устанавливаем их венгерское происхождение, несмотря на то, что *deber* как нарицательный термин в совр. говоре не употребляется.

В некоторых говорах за пределами исследуемой территории известны фонетические варианты интересующего нас термина: *debre, deprő, debra* «яма, вымоины» (MTsz).

Славянское происхождение терминов несомненно. Ср. укр. *дéбер* «густой лес» (Мар. МСУГТ); *дéбр* «глубокий овраг, заросший лесом» (Желех., Мар. МСУГТ); «глубокий овраг», «густой лес» (Мар. МСУГТ). В укр. говорах р-на Карпат известен еще целый ряд фонетических вариантов этого термина в таком или близком значении: *дéбра, дéбря, дéбрі, дэбро, дэбре* и т. д. (Мар. МСУГТ); русск. *дэбрь* «овраг; логовина, долина» (Даль); чеш. *debř* «овраг» (SSJC); слов. *debra* «вымоина» (Czambel Reč); слов. *deber* «овраг» (Pleteršnik).

Перечисленные выше варианты венгерского слова заимствованы, видимо, не из одного источника: *debre, deprő, debra* заимствованы из слов. *debra* (Kniezsa, SzlJsz, I/1 (148), а интересующий нас вариант *deber* заимствован из укр. или слов. языка. Заимствование из слов., несмотря на фонетическое тождество венг. и слов. слова, по лингвогеографическим соображениям маловероятно.

Этимологию слов см.: Фасм., I, 490; Machek 82.

горс «горная вершина» (Тячево); «вершина, хребет чего-то: горы, холма, насыпи и т. д.» (Бегань); «груда соли или пустой породы, добытой из рудника» (Солотвино). Сюда же относится, видимо, и *Görce* — название горки в с. Вышкове.

Слово известно и в других венгерских говорах в таком или близком значении (MTsz).

Займств. из с.-хорв. *горица* «маленькая гора» (РСХКНЈ). Ср. также болг. *горица* «то же» (Преобр., I, 145); укр. *гірця* «возвышенность, холм» (Врх. Бат). — Производное от общеславянского **gora* с помощью уменьш. суфф. *-ica*. Эта этимология была теоретически высказана ранее И. Книежей, но из-за отсутствия фактически засвидетельствованных образований на *-ica*, он этимологию считал сомнительной (Kniezsa, SzlJsz, 1/2, 643, 648).

К этимологии гора см. Фасм., I, 438; Machek 138.

gogond «возвышенность среди болота». Распространен в говорах центральной части исследуемой территории.

Изоглосса слова в различных фонетических вариантах продолжается далее в глубь венгерской языковой территории (MTsz; SzamSz). Первая фиксация слова в 1330 г. (TESz со ссылкой на OklSz).

И. Книежа считает заимствованием из польск. *grąd* (подробнее см.: Kniezsa, SzlJsz, 1/2, 646, 647), а авторы нового историко-этимологического словаря венгерского языка считают старым заимствованием (до X в.) из **grodъ* (из северославянских языков) (TESz, I, 1019).

Этимологию слав. слова см.: Фасм., I, 466, 467; Sławski I, 342, 371; Толстой, СГТ, 121 и след.

grуny «хребет, вершина горы». Термин употребляется только в говоре Тячева. Носителями говора осознается как украинизм. Этому способствует, видимо, украинский характер первого компонента единственного топонима, в состав которого входит *gruny*: *Dóhij-gruny*.

Займств. из укр. *grунь* «хребет горы» (Гринч.; архивная карта № 8 КДА; Мар. МСУГТ, 225); «горный хребет» (Шух.); «холм» (Желех., Граб.). Ср.: слов. *gruň* «горный хребет» (SSJ); польск. *gruń*, *gruń* «то же» (SJP).

Укр. слов. < польск., это подтверждается наличием взрывного *g* в этих словах. Этимологию см.: Sławski, I, 340, 361; Фасм., I, 464.

+ *jáma*. Термин зафиксирован только как компонент географического названия: *Zsigójáma* — название фруктового сада, расположенного в котловине в окрестностях Тячева. Учитывая, что характер словообразовательной модели названия — личное имя в именительном падеже + нарицательный географ. термин — сугубо венгерский, мы считаем, что название образовалось на венгерской почве и слово *jáma* употреблялось ранее в качестве нарицательного географ. термина.

Займств. из укр. *яма* «углубление в почве неопределенной формы» (Гринч., Мар. МСУГТ); «долина, котловина» (Грабец). Общеславянское слово. Ср. русск. *яма* «впадина, овраг, всякое углубление» (Даль); болг. *яма* (БТР); с.-хорв. *jáma* (RHSJ); слов. *jáma* (Pleteršnik); слов. *jama* (SSJ); чеш. *jama* (SSJC); польск. *jama* «то же» (SJP).

Этимологию см.: Vasm., III, 489; Sławski I, 497; Machek 170. *j á g o k* «канавка». Узкодиалектное слово, на исследуемой территории фиксировано только в говоре Солотвина.

В венг. диалектных словарях слово не фиксировано.

Займств. из укр. *я́ро́к* «канавка»; «ручей»; «кровельный желоб» (Гринч.); «водоворот», «углубление неопределенной формы» (Мар. МСУГТ, 254). Ср. также слвц. *járook* «канавка, ручей» (SSJ) чеш. *jarek* «ручей» (SSJC); слвн. *jarek* «ров» (Преобр., II, 1279); с.-хорв. *járák* «глубокий овраг, ров» (RHSJ). — уменьш. от *яр* «овраг» (Гринч.); русск. *яр* «то же» (Даль); болг. *яр* «крутой берег, пропасть» (БТР) и т. д. В славянских является тюркизмом (Vasm. III, 492; Преобр., II, 1219). Польск. *jar* из укр. (Sławski I, 601). Махек считает, что слвц. *járook* и чеш. *járek* из венг. *árok* «канавка» (Machek, 170), что сомнительно. — Венг. лит. *árok* сюда не относится и является непосредственным заимствованием из тюрк. *áriq* «канавка» (TECz, I, 179).

k a l a b á n y a «ухаб на дороге с водой и грязью», «лужа», перен. «беспорядок» (Вышково); *k a l a b á n* «глубокие места в реке, где можно купаться» (обычно в местах пересечения реки дорожкой) (Тячево). Термин на исследуемой территории употребляется только в указанных выше двух говорах. В литературе фиксируется впервые.

Займств. из укр. «калаба́ня», «лужа» (Гринч.); «глубокое место в реке» (Онышк.); «углубление на месте водоема»; «углубление на дороге» (Мар. МСУГТ, 230). В р-не Карпат интересующий нас термин встречается повсеместно (см.: карт. КДА).

Этимология слова не совсем ясна. Фасмер и Славский возводят к *колоб* «круглый хлеб» (Фасм., II, 292; Sławski, II, 365). Юрковский сопоставляет колубана с **kadǫlb + суфф. -anja* (Jurk, 70). Н. И. Толстой обращает внимание на идентичность словообразовательных моделей терминов видов хлеба в русск. и ям с водой в укр. говорах (руссск. *колоба́н* «толстая лепешка»: укр. *колоба́ня* «яма с водой»), а также названий кусков дерева и деревянной посуды (укр. *ковба́н* «короткий толстый обрубок дерева», русск. *калба́н* «толстый обрубок бревна»; *калаба́шка* «деревянная чашка» и т. п.) и высказывает предположение о возможности семантического развития: «деревяшка» → «деревянная чаша» → «яма» (Подробнее см.: Толстой, СГТ, 231 и след.).

k a r á n y a «вскопанный вручную участок земли, где выкорчеваны кусты». Употребляется только в говоре Вышково и фиксирован нами впервые.

Займств. из укр. *копа́ня* «участок земли, где выкорчеваны кусты» (Грицак); «пастбище в лесу на месте рубки» (Онышк.); «поле на месте вырубленного леса» (Карта № 141 КДА). Ср. также русск. *копа́нь* «яма, вырытая для скопления дождевой воды»; «расчищенное под полем место в лесу» (Даль); с.-хорв.

kōranja долбленное деревянное корыто (RHSJ); слavn. *kōranja* «корыто однодеревка» (Glonar); болг. *kopānja* «то же» (PCBKE); польск. *kōranina* «копание, рытье»; «выкорчеванный участок»; «изрытое место» (SJP); чеш. *kōranice* «выкорчеванный участок» (PSJC); словц. *kōranica* «то же» (SSJ).

Этимологию см.: Фасм., II, 317; Machek, 219, Brückner 255.

Лапка «фруктовый сад на холмах» (Вышково); «холмистая местность»; «пологий склон». В 1 значении слово употребляется только в говоре Вышкова, во 2 и 3 значениях употребляется повсеместно на исследуемой территории.

Термин известен на обширной части венгерской языковой территории, являясь одновременно и словом литературного языка. В говорах слово, кроме перечисленных значений, имеет еще значения «место у реки», «место, где медленно течет вода» (MTsz).

Займств. из слав. **lóka*. По мнению И. Книежи перечисленные выше значения происходят не из одного источника. Значение с обязательным признаком «у реки» заимствовано, видимо, через румынское посредничество (ср. рум. *lîncă* «низина у проточной воды»). В пользу этого мнения может свидетельствовать и география слова в этом значении. Значение «холмистая местность» заимствовано непосредственно из слав. языков, причем из такого слав. языка, в котором термин имеет значение «изгиб реки», из которого могло развиваться венг. значение «холмистая местность» (Kniezsa, SzlJsz, 1/1, 304, 304). Непосредственный источник венг. слова Книежа не смог определить.

Нам кажется, что источник венгерского слова нужно искать на южнославянской языковой территории. Как показал Н. И. Толстой, на с.-хорв. территории в прошлом были зафиксированы значения терминов *luka* «лес, роща»; «долина» (Толстой, СГТ, 115 со ссылкой на RHSJ). На словенской языковой территории зафиксирован *lóka* в значении «горный луг, горное пастбище» (Толстой, СГТ, 116 со ссылкой на Badj. Ljg, 256, 276). Венгерский *lanka* в значении «пологий склон», «фруктовый сад на холмах», «холмистая местность», по всей вероятности, того же характера и происхождения.

В пользу словенского происхождения термина говорит и качество гласной в сочетании *-an* на месте древней носовой о.

На исследуемой территории известен и денализированный вариант этого термина. В говоре с. Соломоново зафиксированы нами целый ряд топонимов с компонентом + *luka*: *Lukapart*, *Lukahát*, *Kisluka*, *Nagy luka*, *Csapiluka*, *Paplukája*.

Несмотря на то, что **luka* как нарицательный термин в совр. говоре не употребляется, анализ этих топонимов позволяет реконструировать первоначальное значение термина. Топоним *Lukapart* (досл. берег луки) говорит о том, что первичным значением слова было «изгиб реки», а отсюда «луг на изгибе реки».

Это предположение подтверждается и тем фактом, что все перечисленные выше топонимы называют участки поля у реки или же у старого русла реки. Следовательно, источником термина должен быть язык, в котором сохраняется значение «луг» с обязательным признаком «у реки». Такими языками являются восточно- и южнославянские языки. Ср. укр. *лукá* «луг поемный»; «крутой изгиб реки, образующий мыс» (Гринч.); «низменность, поросшая травой» (Мар. МСУГТ, 236), русск. *лука* «изгиб, кривизна, излучина реки» (Даль); болг. *лъка* «низинное место у реки с лугами или пашнями» (РСБКЕ) с.-хорв. *luka* «луг у реки» (RHSJ). В западнославянских языках *loka* обозначает «луг»; чеш. *louka, luka* «луг» (SSJC); слвц. *luka* «обширная площадь, поросшая травой» (SSJ); польск. *łaka* луг (SJP).

Источником венгерского слова является укр. *лукá* — поскольку заимствование из ю.-слав. языков из-за невозможности непосредственного контактирования исследуемого говора с ю.-слав. языками в период после падения носовых гласных в слав. языках (т. е. после X—XI вв.) маловероятно.

Этимологию см.: Фасм., II, 531, Machek 277.

láz «лесная поляна в горах» (Вышково); «болотистое ровное место» (Батево, Боржава, Ривне, В. Бегань, Дедово и др.); «равнинный луг» (Заболотье).

Термин широко известен и за пределами исследуемой территории (SzamSz, MTsz, OrmSz).

Заимств. из слав. **lazъ*. Непосредственный источник определить трудно. (Подробнее см.: Kniezsa, SzJsz, 1/1, 307).

láz в значении «лесная поляна в горах» в говоре Вышково, вероятно, является отдельным заимствованием из укр. *лáz* «лесная поляна» (Гринч, Желех.). О распространении укр. *лáz* в р-не Карпат см.: карт. КДА).

Этимологию см.: Фасм., II, 448; Machek, 260.

motótvá «заболоченный водоем (обычно старое русло реки)». На исследуемой территории термин распространен в говорах на юг от р. Латорицы. На этой территории термин фиксирован впервые.

Изоглосса слова продолжается далеко на юг и выходит за пределы северо-восточного диалекта венг. языка (MTsz). Впервые зафиксирован как топоним в 1113 г., а как нарицательный термин в 1211 г. (Kniezsa, SzJsz, 1/1, 343 со ссылкой на OklSz).

Заимств. из слав. *mьrtva (voda)*. Непосредственный источник венг. слова неизвестен (Kniezsa, SzJsz, там же).

Общеславянское слово. Этимологию см.: Фасм., II, 606.

palaj «песчаное место, берег реки». На исследуемой территории зафиксирован только в говорах с. Заболотье и В. Паладь и Затисье. Спорадически выступает и в других говорах как компонент топонимических названий. Напр. *Palajszeg* из с. Деренковец. В значении «болотистая местность», «болото»; «песчаный

берег реки» употребляется повсеместно в соседних венг. говорах (MTsz, SzamSz).

Заимств. из юж.-слав. * *položь*. Ср.: с-хорв. *polōj* «поемное место, луг» (RHSJ); слов. *polòj* «песчаная отмель» Kniezsa (SzlJsz, 1/1, 375). Произв. от *lejo~liti*.

Этимологию *liti* см. Фасм., II, 504.

priszlor «скалистый хребет, вершина горы». Узкодиалектное слово, зафиксировано нами только в говоре Тячева.

Заимств. из укр. *пріслоп* «долина между двумя горами или возвышенностями» (Шух., Гринч.). См. также карт. КДА. Ср. слов. диал. *prishlor* «горная седловина» (SSJ), чеш. *přislop* «то же» (Ил.-Св., Лекс., 226); с-хорв. *préslap* «седловина» (RHSJ); болг. *прѣслан* «седловина» (БТР).

Префиксальное образование от **slopъ* (Ил.-Св., Лекс., 226).

rika «горная речка». Употребляется только в говоре Тячева для обозначения рек, текущих с гор.

Заимств. из укр. *ріка* «река» (Грицак).

Общеславянское слово. Этимологию см.: Vasm., II, 507; Machek, 433.

Ср. также венг. диал. *réka* «ручей» (OrmSz) из с-хорв. диал. *rijeke* «ручей» (Kniezsa, SzlJsz, 1/1, 460).

terplice «стоячая вода, озеро» (Солотвино); *Terplice* — топоним в окрестностях Виноградова (по словам информантов, здесь когда-то был горячий источник).

В других венг. говорах термин не зафиксирован.

Заимств. из укр. *теплиця* «место, где вода зимой не замерзает» (Вх. Зн.). Ср. также русск. *теплиця* «теплый ключ, родник, горячий источник» (Даль); польск. *cieplica* «теплый ключ, родник» (SJP); слов. *terpica* «то же» (SSJ), чеш. *terplice* «то же» (SSJC); с-хорв. *tòplice tǒplicē*, «то же» (RHSJ); болг. *топлик* «то же» (БТР).

Несмотря на то, что чеш. *terplice* фонетически ближе к венг. слову, нет оснований сомневаться в укр. происхождении термина, поскольку заимствование из чеш. маловероятно по лингво-географическим соображениям, а с другой стороны, венг. *-e* на месте укр. *-я* вполне объяснимо на основе закона гармонии гласных в венг. языке.

Этимологию слов см.: Machek 526; Vasm., III, 94; Sławski 1, 101.

vár а «углубленное место в поле, впадина» (Вышково, Тячево). На остальной части исследуемой территории слово не употребляется. В этих говорах термин фиксирован впервые.

В восточной части венг. языковой территории, особенно в Трансильвании, термин употребляется повсеместно (MTsz). Первая фиксация термина в 1263 г. (Kniezsa, SzlJsz, 1/1, 541 со ссылкой на OklSz).

Заимств. из слав. **zapa* (Подробнее см. Kniezsa, SzlJsz, там же).

Этимологию слав. термина см.: Фасм., I, 272.

zátony «речной залив, мертвое русло реки, связанное с одной стороны с основным руслом» (Вышково); «насыпь» (Боржава, М. Добронь, Ривне). Сюда же относится, видимо, и топоним *Zátony* — название болотистой местности в окрестностях Солотвина.

В этих значениях термин не фиксирован в других венгерских говорах, а в значении «мель» является словом венг. литературного языка (ÉrtSz).

Заимств. из слав. **zatonъ*; ср. с.-хорв. *záton* «залив»; «завод»; «затон» (RHSJ); слвн. *zatòn* «остров», «залив» (Pleteršnik); слвц. *záton*, *zátoň* «мель» (SSJ); укр. *затон* «водоворот» (Грицак), *зато́на* «бездонное болото, пропасть, бездна» (Желех); др.-русск. *затонъ* «место, затопляемое в половодье» (Срезн., I, 954); русск. *затон* «речной залив» (Даль).

Венг. лит. *zátony* «мель» заимствован из слвц. (Kniezsa, SzlJsz I/1, 570), а диал. *zátony* «речной залив» из с.-хорв. Значение «насыпь», видимо, развилось на венгерской почве.

Этимологию слав. слов см. Фасм., II, 83; Machek 583.

Распределение рассмотренных выше терминов по языкам-источникам неравномерно. Большинство из них, прежде всего узкодиалектные термины, украинского происхождения, что вполне понятно, поскольку украинское и венгерское население Закарпатья на протяжении многих столетий непосредственно контактирует и это, естественно, отразилось в лексике, а в частности, географической терминологии, как украинских, так и венгерских говоров Закарпатья.

Особого внимания заслуживает тот факт, что среди рассмотренных выше терминов имеются термины южнославянского происхождения, что может свидетельствовать о возможности древних контактов венгерского населения этого района с южнославянскими языками. Подход к вопросу о южнославянизмах в венгерских говорах Закарпатья должен быть очень осторожным и критичным, поскольку нельзя забывать о возможности румынского влияния (а следовательно, посредничества), в этом районе, что связано с так называемой «валашской колонизацией Карпат»⁸.

Необходим прежде всего дальнейший сбор и тщательный анализ фактических данных о славянских заимствованиях венгерских говоров исследуемого района. Исследования в этом направлении должны помочь решению многих спорных вопросов, связанных с заселением этой территории и этногенезом современного населения этого района.

Примечания

1. А. И. Попов, Топонимика как историческая наука. — Мовознавство, т. XIV, К., 1957, стр. 3.
2. Н. П. Милонов, Значение топонимики для изучения истории края. — Питання топоніміки та ономастики. К., 1962, стр. 25.
3. На опасности, которые таит в себе незнание местной терминологии при этимологизировании топонимов обращает внимание и С. Роспонд (*S. Rospond, Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych. Wrocław, 1957, стр. 40*).
4. См.: *T. Schütz, Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957*; *K. Moszyński, Uwagi o słowiańskiej terminologii topograficznej oparte przeważnie na materiale białorusko-poleskim. Lwów-Warszawa, 1921*; *P. Nitsche, Geographische Terminologie des Polnischen. Köln, 1964*; Э. и В. Мурзаевы, Словарь местных географических терминов. 1959; Н. А. Марусенко, Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). — Полесье, М., 1968, стр. 206—255; Н. И. Толстой, Славянская географическая терминология. М., 1969. Здесь указаны только важнейшие работы, посвященные изучению славянской географической терминологии. В этих работах читатель найдет обширную библиографию этого вопроса.
5. См.: *Hefty Gyula Andor, A térszini formák nevei a magyar népnyelvben — Nyr. XL (1911)*; *Árva József, A térszini formák nevei a barcasági Hétfalu helyneveiben. — MNy. III (1941), стр. 39—56; он же, A térszini formák nevei Kalotaszegen. — MNy, IV, (1942), стр. 3—50*. После появления этих работ в венгерском языкознании почти ничего не предпринято.
6. По нашим сведениям, географическая терминология Закарпатья еще не изучалась. Отдельных вопросов этой проблемы касались: В. М. Иллич-Свитыч, Лексический комментарий к карпатской миграции славян. — Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. XIX, выпуск 3, стр. 222—232; И. О. Дзензелівський, Практичний словник семантичних діалектизмів Закарпаття. Ужгород, 1966; он же, Українські назви для «острова на річці». — *Studia Slavica*, т. XII, *Budapest*, 1966, стр. 103—113.
7. См.: список населенных пунктов.
8. Об этом см. подробнее: *D. Cránjalá, Rumunské vlivy v Karpatech se zvláštním zretelem k moravskému Valašsku. Praha, 1938*.

Список населенных пунктов

1. Батево (<i>Bátvu</i>)	— Береговский р-н
2. Боржава (<i>Borzsava</i>)	— „—
3. Великая Бегань (<i>Nagybégány</i>)	— „—
4. Великая Паладь (<i>Nagypalád</i>)	— Виноградовский р-н
5. Виноградово (<i>Szőlős</i>)	— р-ный центр
6. Вышково (<i>Visk</i>)	— Хустский р-н
7. Дедово (<i>Déda</i>)	— Береговский р-н
8. Деренковец (<i>Beregsom</i>)	— „—
9. Заболотье (<i>Fertőszalmás</i>)	— Виноградовский р-н
10. Новое Село (<i>Tiszaújfalv</i>)	— „—
11. Поповое (<i>Papi</i>)	— Береговский р-н

12. Ривне (<i>Szernye</i>)	— Мукачевский р-н
13. Солотвино (<i>Szlatina</i>)	— Тячевский р-н
14. Среднее Водяное (<i>Kőzéppasa</i>)	— Раховский р-н
15. Тросник (<i>Sásvár</i>)	— Виноградовский р-н
16. Тячево (<i>Técső</i>)	— районный центр
17. Федорово (<i>Tivadar</i>)	— Виноградовский р-н

Список сокращений

а) языков

болг. — болгарский	с.хорв. — сербскохорватский
венг. — венгерский	слав. — славянский
др. — древне-	слвн. — словенский
кашуб. — кашубский	слвц. — словацкий
нем. — немецкий	тюрк. — турецкий
н.-луж. ниже-лужицкий	укр. — украинский
польск. — польский	чеш. — чешский
рум. — румынский	юж.-слав. — южнославянский
русс. — русский	

б) источников

БТР — Андрейчин Л. и др., Български тълковен речник. 2-ое изд., София, 1963.

Врх. Бат. — І. Верхратський. Говір батюків. — Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, ч. III. Львів, 1894.

Врх. Зн. — І. Верхратський, Знадоба для пізнання угорськоруских говорів. — Записки Наукового Товариства імені Шевченка, XLV. Львів, 1902.

Граб., — S. Hrabec, *Nazwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1950.*

Грицак — М. А. Грицак, Словник українських говорів Закарпатської області. Ужгород (рукопись).

Гринч. — Б. Д. Гринченко, Словарь української мови. Т. I—IV. Київ, 1907—1909.

Даль — В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка. Том I—IV. Изд. 4. СПб., — М., 1904—1912.

Желех. — Е. Желеховский, С. Недільский, Малорусско-німецкий словарь. Львів, 1886.

Ил.-Св., Лекс. — В. М. Иллич-Свитыч, Лексический комментарий к карпатской миграции славян. — Известия АН СССР, Отд. лит. и яз., том XIX, выпуск 3, стр. 322—332.

КДА — Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.

Карт.КДА — Картотека «Карпатского диалектического атласа» (хранится в секторе славянского языкознания Ин-та славяноведения АН СССР. Москва).

Мар. МСУГТ — Т. А. Марусенко, Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). — Полесье, М., 1968, стр. 206—255.

Німчук, Тези — В. В. Німчук, Питання про зв'язки закарпатських українських говорів з південнослов'янськими мовами. — Тези доповідей У міжвузівської республіканської славістичної конференції. Ужгород, 1962.

Онышк. — М. О. Онышкевич, Словник бойківського діалекту. Львів (рукопись) — Часть словаря (буква «Б») напечатана, см.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, стр. 61—105.

Преобр. — А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914; М.—Л., 1949.

Срезн. — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1—3, СПб., 1893—1912.

РСКБЕ — Речник на съвременния български книжовен език, I—III. София, 1955—1959.

- РСХКН — Речник српскохрватског книжевног и народног езика. I—III. Београд, 1959.
- Толстой, СГТ — Н. И. Толстой, Славянская географическая терминология, М., 1969.
- Фасм. — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I—II. Перев. с нем. М., 1964—1967.
- Шух. — В. Шухевич, Гуцульщина. Львів, 1908.
- Badj. Lgj. — R. Badjura, Ljudska geografija. Terensko izrazoslovoje. Ljubljana, 1953.
- Berneker — E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1913.
- Brückner — A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków, 1927 (Wyd. 2 — 1957).
- Czambel — Samo Czambel, Slovenska reč a jej mesto v rodine slovanských jazykov. I. Turč. Svätý Martin, 1906.
- ErtSz — A Magyar Nyelv Ertelmező Szótára. I—VII, Bp., 1959—1962.
- Glonar — J. Glonar, Slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1936.
- Jurk — M. Jurkowski, Terminy na określenie źródła, ujścia i głębi w języku ukraińskim. — "Slavia Orientalis", XIII, N-1. Warszawa, 1964, стр. 63—72.
- Kniezsa, SzlIsz — Kniezsa István, A magyar nyelv szláv jövevényszava, I/1, 2., Bp., 1955.
- Machek — V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Márton, Román — Márton Gyula, A moldvai csángó nyelvjárás román kölcsönzavai. — Nyelvtudományi Értekezések, 66. sz., Bp., 1969.
- MNy — Magyar Népnyelv (журнал)
- Mny — Magyar Nyelv (журнал)
- MTsz — Magyar Tájszótár, szerk. Szerk. Szinnyi József, I—II, Bp., 1893.
- OkISz — Szamota S. — Zolnai Gy., Magyar Oklevélszótár, Bp., 1902—6.
- OrmSz — Ormánysága Szótár. Kiss Géza hagyatékából szerkesztette Keresztes Kálmán, Bp., 1952.
- Pleteršnik — Slovensko-němski slovar, ured. M. Pleteršnik, t. I—II, Ljubljana, 1894.
- PSJČ — Priručni slovník jazyka českého. Praha, 1935.
- RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. d. I—XV, Zagreb, 1884.
- Szabó, Ugocsa — Szabó István, Ugocsa megye. Bp., 1937.
- SzamSz — Csüry Bálint, Szamosháti szótár. Bp., I—II, 1935—6.
- SJP — J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedzwiedzki, Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900.
- Slawski — M. Slawski, Słownik etymologiczny języka polskiego. t. I—II. Kraków, 1952—1965.
- SSJ — Slovník slovenského jazyka. t. I—V. Bratislava, 1959—1965.
- SSJČ — Slovník spisovného jazyka českého, I—II. Praha, 1960—1964.
- Tiktin — H. Tiktin, Rumänisch-deutsches Wörterbuch, I—III, Bukarest, 1903—1925.
- TESz — A magyar nyelv történeti etimológiai szótára. I, Bp., 1967.
- Vasm. — M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950—1958.

в) прочие сокращения

диал. — диалектное
досл. — дословно
географ. — географический
заимств. — заимствовано
истор. — исторический
лит. — литературное
перен. — переносное

произв. — производное
след. — следующий
см. — смотри
совр. — современный
ср. — сравнивать
суфф. — суффикс
уменьш. — уменьшительное

СТРУКТУРА СРАВНЕНИЙ В ПРОЗЕ МАРЛИНСКОГО

Х. Д. Лезметс

Богатство тропов в прозе А. Бестужева-Марлинского общезвестно. Повести его насыщены метафорами, перифразами, аллегориями, гиперболами, простыми и развернутыми сравнениями и т. п. Яркий, искрящийся стиль, вдохновенность и живость его повестей привлекали внимание читающей публики первой половины XIX века. Современники Марлинского зачитывались его произведениями.

Однако, уже во второй половине прошлого века Марлинский был забыт. После резкой критики его творчества Белинским, во многом справедливой, обусловленной идейными позициями критика, к повестям Марлинского установилось отношение как к надуманному, далекому от реальности, а потому не заслуживающим пристального изучения. Такое отношение распространилось и на стиль его прозы. Стилистические приемы Марлинского получили много названий: «бестужевские капли», «блестки», «вычурные перифразы», «фейерверк гипербол», «словесный орнамент», «эффекты», «кудреватая манера», «ходульный стиль» и др. О стиле Марлинского стало принято говорить с легкой иронией, как о явлении весьма ярком, заметном, достойном того, чтобы быть замеченным, но поверхностным.

С учетом сложности такого явления, каким был русский романтизм, и интереса к поэтике романтизма, представляется необходимым изучение стилистической системы романтика Марлинского, оказавшего столь сильное влияние на современников.

В качестве составного компонента системы тропов подробного описания заслуживают, на наш взгляд, сравнения, которые занимают в стилистической системе Марлинского не последнее место. Функции сравнений в стиле писателя могут быть рассмотрены лишь с учетом функционирования всей системы тропов.

Поэтика сравнений теоретически мало разработана. Сравнение называют обычно начальным тропом, из которого в дальнейшем развивается метафора. Различие между этими двумя близкими тропами состоит в том, что в метафоре признак, на

основании которого сближаются два предмета, не назван прямо. Метафора содержит «скрытое» сравнение. Опускание признака сравнения в метафоре **создает новое структурное единство**, которое отличается от сравнения **не только** отсутствием названия признака.

Б. В. Томашевский выделил в сравнении три элемента: предмет (то, что сравнивается), образ (то, с чем сравнивается) и признак, на основании которого первые два сравниваются. «При этом, — говорит он, — вся структура сравнения служит для того, чтобы этот признак усилить»¹. В дальнейшем изложении мы будем пользоваться для обозначения названных трех элементов терминологией Томашевского.

В работе В. Б. Шкловского «Тетива. О несходстве сходного» есть не лишённые интереса высказывания о художественном сравнении. В ней говорится: «Сравнение всегда совпадает одной только частью. Причем в художественном сравнении и в метафоре сравниваются вещи несходные, то есть такие, сравнение которых является неожиданным».²

Здесь подчеркнуто самое важное, то, что сравниваются предметы не обязательно сходные, напротив, часто очень несходные. Существенно то, что у этих несходных предметов есть общий признак. У Марлинского встречаем, например, такое сравнение: «солнце на закате было красно, как лицо английского пивовара» (Фр. Н., 31). Сходство солнца с лицом английского пивовара более чем отдаленное, но подчеркивание признака красноты в обоих, причем такого необычного его оттенка, позволяет автору добиться желаемого результата — неожиданности. Неожиданность усилена здесь стилистически: предмет из сферы высокого, образ из сферы сниженной.

Прежде чем приступить к описанию семантической структуры сравнений в прозе Марлинского, скажем несколько слов об их грамматической структуре.

Грамматические способы построения рассмотренных сравнений³ варьируются от простого соединения сравниваемых частей при помощи союзов *как*, *как будто*, *подобно*, *словно* (*как*) до конструкций *не лучше (чем)*; *не хуже (как)*; *я, ты, такой-то сравнил бы это с ...* и др. Например: «передний занавес, бледный, как туман германской поэзии, таинственно колебался между зрителями и сценою» (Фр. Н., 142); «тучки, *будто* шпионы, выглядывали из-за горизонта» (Фр. Н., 31); «*послышался* ропот приboя, *словно* шум толпы народной» (Л. Бел., 335); «постепенно загора-

¹ Б. В. Томашевский, Стилистика и стихосложение. Л., 1959, стр. 209.

² В. Б. Шкловский, Тетива. О несходстве сходного. М., 1970, стр. 83.

³ Нами рассмотрено около 700 сравнений (повести: «Испытание», «Лейтенант Белозер», «Мореход Никитин», «Мулла-Нур», «Фрегат «Надежда»).

лась иллюминация: *казалось, огненный перст чертил пышные узоры на черном покрывале ночи*» (Фр. Н., 6).

Большей частью сравнения у Марлинского развернуты, они могут быть выражены в форме сложных синтаксических конструкций, охватывающих одно или даже несколько предложений: «Только переклик часовых обвивает дряхлые стены звеньями звука, да море мерною зыбью ходит по берегу ... *Вы бы сказали — это души покойников беседуют с вечностью: так все кругом сходно с кладбищем!*» (М.-Нур, 4); или: «*вообразите себе барашка, сделанного из масла, которого произвела рука домашнего ваятеля для увенчания кулича о Светлой, и вы схватите нечто похожее на фроу <...> Саарвайерзен, прибавя, разумеется, к этому целые пуки брабантских кружев, ключей и приседаний*» (Л. Бел., 347).

Предметы сравниваются при помощи глаголов *походить, подобиться*: «Мулла-Нур с жаром рассказывал мне свою повесть, и речь его *походила* на бушевание горного потока, на крик пустынного орла при добыче ...» (М.-Нур, 189); «длинная вереница шлюпок, из коих каждая *подобилась* пловучей корзине с цветами» (Фр. Н., 13).

Используются конструкции, когда образ выражен существительным в творительном падеже: «*зверем* ревели море» (Фр. Н., 122), «*вереницей диких голубей, обгоняя друг друга, понеслась шайка разбойников*» (М.-Нур, 106); существительным-приложением: «*век наш — истинный Диоген: над всем издевается*» (Фр. Н., 54) и др.

Встречаются сравнения по схеме: *такой же как и еще более*, например, «дуло моего пистолета показалось ему *шире кремлевской пушки*» (Фр. Н., 47); «*запад голубее глаз моей сестрицы*» (М.-Нур, 4).

Иногда сравнения переданы посредством условных придаточных предложений: «*Если б граната лопнула в его кармане, он бы менее был испуган, чем такую неожиданную строгостью*» (Л. Бел., 355); предложений, содержащих эллипсис, с пропуском образа: «*туман клубился — хоть на хлеб намазывай*» (М. Н., 411). Реже предложения могут не содержать специального сравнительного оборота: «*Жанни с кофейником в руке олицетворяла для него Гебею, разливающую нектар небожителям <...>*» (Л. Бел., 343).

На основании сказанного можно сделать вывод, что Марлинский использует самые разные грамматические структуры, возможные в русском языке для выражения сравнений в прозаическом тексте.

Сравнениями у Марлинского насыщены как авторская речь, так и речь героев. При чтении его повестей поражает 1) количество сравнений 2) их развернутый характер.

Текст Марлинского как бы распадается на два пласта: пласт прямого повествования, раскрытия сюжета и пласт сравнения. Эти пласты наложены друг на друга, переплетены, создают сложные взаимосвязи. Пласт сравнения эмоционален, он притягивает опосредованно то семантическое поле, к которому сам принадлежит. Сюжетный пласт нейтрален, если не содержит метафоры. У Марлинского метафоричен уже начальный, сюжетный пласт. Постараемся проиллюстрировать сказанное на примере, взятом из повести «Мулла-Нур»: «Кругом дремал лес, облитый, переви-тый южною зеленью; перед очами в вышине горел и дымился снежный *Шах-даг*, как серебряное кадило; перед очами внизу катился бешеный *Самбур*, то разбрызгивая влажным вихрем, то судорожно свивая в кольца волны свои, точно змей, ущемленный между скалами» (М. Нур, 75). Герой повести находится в южном лесу, впереди вверху видна гора *Шах-даг*, впереди внизу течет река *Самбур* — так можно передать содержание приведенного отрывка. Но у Марлинского снежный *Шах-даг* дымится, как серебряное кадило, *Самбур* — бешеный, он то как влажный вихрь, то как змей, ущемленный между скалами. Это картина, наложенная на сюжетный отрывок, который сам по себе уже метафоричен.

Большинство описаний природы в произведениях Марлинского носит именно такой, «картинный» (в прямом смысле) характер, где в метафорическое повествование вплетена картина, которую видит автор. Приведем лишь несколько примеров: «Дивная игра природы дала все цвета призм порослям, детям влаги, оживляющим скалу, так что *ручей*, играя светом солнца, *переливался, как прозрачная радуга накрест другой окаменелой радуги*» (М. Нур, 84). Ручей как радуга. Следующий отрывок повествует о море в момент утихания бури. Это монументальная картина, распадающаяся на ряд более мелких картинок: беглецы-облака, валы-ратники, полосы пены — следы поколений на океане жизни, утихающее море, как умирающий. Основное повествование метафорично. «Буря издохла с последним ударом своей ярости. Ветер упал вдруг. *Природа, как человек*, или, лучше сказать, *человек, как природа в свое лето, вспыхив и бурен на миг*. Облака как будто растопились молниею в дождь, и месяц, выкупавшись в туче, весело блеснул в тьме неба; лишь на краю горизонта толпились беглецы-облака. Они улетали, ропща, огрызаясь, и порой вспыхивали их выстрелы зарницею; валы смывали остальных; валы еще ходили и сшибались грозно между собою, как ратники иных народов после войны со врагами заводят междоусобия в отчизне, чтобы утолить свою кровавую жажду хоть из жил братий и дотратить на них боевой огонь, раздутый привычкою. Но скоро волны разлились в широкую зыбь, и по ней зазмеились белые полосы пены, недавно венчавшей гребни валов. Они тянулись подобно строкам на мрачной бесконечной стра-

нице моря, подобно следам поколений на океане жизни. Исчезла самая пена, и синева бездействия подернула лицо моря. Оно дышало уже тяжело и прерывисто, подобно умирающему, и наконец к утру душа его излетела туманом, как будто преображая тем, что все великое на земле дышит только бурями и что кончина всего великого повита в саван тумана, непроницаемый равно для деятеля, как для зрителя» (М. Н., 410).

С авторским замечанием о том, что «все великое на земле дышит бурями», семантически созвучны картины-сравнения из других произведений писателя. К описанию грозы в «Мулла-Нуре» относятся слова: «Львиной страстью любит небо землю нашу: поцелуй его всепронзающая молния, его ласки развевает в прах утесы, плавят металлы как воск. Но разве не такова любовь всего великого, всего сильного на земле?» (М.-Нур, 176). Эти высказывания можно считать программными для Марлинского. Бурные явления природы часто сравниваются у него со страстями человеческими и, наоборот, высокие человеческие страсти параллельны грандиозным явлениям природы. В этом Марлинский не противоречит поэтике XVIII века и поэтике романтизма. Традиционно также сравнение течения жизни с бегом волн в океане, оно встречается у Державина, Пушкина и других поэтов, восходя к общеевропейской традиции.

В исследовательской литературе неоднократно подчеркивалось необычайно быстрое развитие Пушкина-писателя, развитие его художественных воззрений, приведшие, в частности, к отрицанию им тропов в прозе. Но на определенном этапе Пушкин в поэзии не чуждался монументальных картин-сравнений в описаниях природных явлений, где сравниваемое так же переплетено с образом, как и у Марлинского. В качестве примера приводим отрывки из поэмы «Медный всадник», содержащие описание различных этапов невского наводнения:

*Нева металась, как больной,
В своей постеле беспокойной*

(П., III, 288);

*Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась.
Осада! Приступ! злые волны,
Как воры лезут в окна*

(П., III, 290);

*И вот, насытившись разрушеньем
И наглым буйством утешась,
Нева обратно вовлеклась,
Своим любясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,*

*Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой! ...
И грабежом отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.
Еще кипели злобно волны,
Как бы под ними тлел огонь,
Еще их пена покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь*

(П., III, 293).

Вначале Нева мечется; как больной, затем, как зверь, кидается на город; волны, как воры, лезут в окна; Нева, как злодей, утомленный буйством и, наконец, дышащая тяжело, как конь, прибежавший с битвы. Мы взяли общеизвестные и часто цитируемые примеры из «Медного всадника», где говорится о необычном состоянии природы, так как для нас важно, что предметом сравнения здесь являются река и волны в непогоду. Те же реалии часто бывают предметами сравнений у Марлинского. У Пушкина это отнюдь не единственное развернутое сравнение, рисующее большую двуплановую картину; в данном случае: с одной стороны, Нева — наводнение; с другой — разъяренный зверь, воры, грабеж. Прав В. Б. Шкловский, который пишет: «Пушкин любил и образы и сравнения, но он презирал и пародировал тривиальность, внося в произведение новый смысл».⁴

У Гоголя сравнения приведенного типа встречаются реже, его картины природы строятся несколько иначе: несмотря на насыщенность метафорами, они меньше содержат сравнений. В них, как правило, много риторических вопросов и восклицаний: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятьях своих! На нем ни облака. В поле ни речи. *Все как будто умерло*; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий крик перепела отдается в степи. *Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подобные дубы*, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие *темную, как ночь, тень*, по которой только при сильном ветре прыщет золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнув-

⁴ В. Б. Шкловский. Ук. соч., стр. 244.

шиеся от тяжести плодов, широкие ветви черешен, слив, яблонь груш; небо, его чистое зеркало — река в зеленых, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!» (Г., I, 14). При множестве метафор, при изобилии изумрудов, топазов, яхонтов и золота в цветах, сравнений совсем немного и они скромно будничны. Ср. описание ночи у Марлинского: «О, какая тихая, прелестная *ночь* растекалась тогда по Дагестану! Тихая, как чистая совесть, прелестная, как сама молодость, томлящаяся в таинственном огне своих желаний, в радужных парах мечты своей!» (М.-Нур, 100).

Распространенным приемом в стиле художественной литературы XIX века были сравнения-параллели, так называемые уподобления: явления природы сравниваются здесь с целыми эпизодами из жизни человека или животных. Кроме приведенного уподобления утомленной буйством Невы усталым разбойникам, назовем, не перечисляя, общеизвестные уподобления у Пушкина: бегство Фарлафа — бегство зайца («Руслан и Людмила»), похищение Людмилы колдуном — похищение курицы коршуном (там же), уходит табор, оставляя Алеко — улетают журавли, оставляя одного, раненного («Цыганы») и др.

У Гоголя в рассказе «Страшная месть» после известного отрывка: «Чуден Днепр при тихой погоде <...>», который кончается описанием Днепра в бурю, дано уподобление: «Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до корня, дубы трещат и молния, взламываясь между туч, разом осветит целый мир — страшен тогда Днепр! Водяные холмы гремят, ударяясь о горы, и с блеском и стоном отбегают назад, и плачут, и заливаются вдали. *Так убивается старая мать козака, выпроваживая своего сына в войско. Разгульный и бодрый, едет он на вороном коне, подбоченившись и молодецки заломив шапку; а она рыдая бежит за ним, хватая его за стремя, ловит удила, и ломает над ним руки, и заливаются горячими слезами*» (Г., I, 176).

У Марлинского уподобления такого рода весьма часты и еще более пространны. Приводим в качестве примера два отрывка, содержащие наиболее широкие уподобления. И первая и вторая части уподоблений, в свою очередь, насыщены сравнениями.

«Злая филиппика Викторова кончилась тем, что он решился писать к жестокой. <...>

Изъяснение это было вкратце, — и на третьем листе он дописывал начало, как вдруг ему показалось, будто *буквы* растут, растут перед пером его, что *они, свившись хвостами и усами, начинают извиваться и прыгать, как змеи*. Изумленный таким явлением, Виктор снял со свечи; протер отяжелевшие глаза — не тут-то было! — дети азбуки не унимались: строчки бежали вкось и вдоль и словно дрались между собою, *запятые и многоточия* (вещь необходимая в любовном письме, как *дробь* в охотничьем *заряде*) летели со стороны на сторону, целые фразы кружились,

смешивались, перескакивали бог весть куда, до того, что у Виктора зарябило в глазах. Неодолимый зевот, как очарованием, разверз его челюсти, и голова тихо, тихо скатилась на неоконченное письмо.

В младенчестве слышал я сказку о добром молодце, который, украв у соседа петуха, набрел, пробираясь через кладбище, на толпу мертвецов. Забавники того света, покинув могилы, чтоб погреть свои кости на месяце, играли, перекидывая своими головами, как мячом; гробовые одежды лежали рассеяны. Испуганный вор, зная, что оборотни так же боятся пения петуха, как мы стихов Котова, так давнул несчастного вестника зари, что он закричал кукареку благим матом. Смутились пляски покойников; каждый, надевая голову, какую послал ему случай, и одежду, какая попалась под руку, швырком и кувырком кидался в могилу. Наутро любопытные нашли весь гробовой мир вверх дном: известный красавец лежал с беззубою головой старухи, у старика профессора философии накинута была набекрень детская головка, отставной солдат с деревянною ногою лежал в душегрейке, а кирасирские ботфорты красовались на маленькой ноге танцовщицы.

Проснувшись на заре, точно в таком же беспорядке нашел письмо свое Виктор.» (Л. Бел., 359).

«<...> женщина — творение домоседное; она призвана природой для украшения внутренней жизни, очаг ее солнце. Вы бы не усомнились в этой истине, видя, как госпожа Саарвайерзен, подобно увесистой планете, кружилась около огня, заимствуя от него свет и румянец. Как философ-путешественник, возметающий стопами властительный прах Рима и внимающий голосу гробов, вещаниям истуканов, изуверченных веками, казалось вслушивалась она в знакомый, хотя немой язык разбитой, но склеенной посуды, на которой видны были печати всех периодов просвещения. Там чайник без носу, там безухая чашка напоминали ей урок Экклезиаста о суете мира, там несколько поколений различных рюмок живописали в лицах историю Нидерландов. Как романтик нашего времени, одержимый бесом бесконечности, бродит по горам и по долам, вызывает с Манфредом или Фаустом гениев стихий и разгадывает говор листьев, шум водопада, рев моря, — она пристально внимала ропоту кастрюль, шипению теста, и тайны варенья и печенья открывались пред ней в тишине и уединении. Наконец, не так старательно слагает начальник какого-нибудь отделения бумагу, за которую ожидает креста, не так лепит дипломат из форменных фраз ноту в надежде быть кавалером посольства, не так рачительно выкрадывает модный стихотворец эпитеты в нелепое стихотворение, которое назовет он поэмою, как внимательно готовила она вафли, и правду сказать, из всех упомянутых дел едва ли ее было не самое трудное и, без сомнения, гораздо полезнее для человечества» (Л. Бел.,

349). В последнем отрывке несколько уподоблений, связанных общей первой частью или предметом. Оба отрывка ироничны.

По степени развернутости сравнения Марлинского образуют широкую шкалу от самых простых типов («море сверкает, будто зеркало» (М.-Нур, 5) до уподоблений приведенного выше типа: письмо Белозора — происшествие на кладбище. Развернутыми у Марлинского могут быть все члены сравнения, чаще это признак либо образ: «жизнь, подобно удаву, *наводит на меня свои обаяющие глаза*, и я, как жаворонок, *падаю в пасть ее с неба!*» (Фр. Н., 104); «чистое сердце — точно волшебная прялка: она *выпрядает золото поэзии из самой грубой пеньки вещественности*» (Фр. Н., 108) (развернут признак); «*пять часов пути и шестьдесят верст расстояния* прокрались мимо, как беглецы» (М. Н., 402) (развернут предмет); «капитан с значительным видом приблизился к хозяину, прокашлялся, *как проповедник, который собирается говорить поучение*» (Л. Бел., 370); «небо нахмурилось, *как скупец на разстаньях с деньгами*» (М.-Нур, 11) (развернут образ).

Тропы («блестки») и авторские отступления создают в повестях Марлинского второй план, о котором говорилось выше. Принимая во внимание слова Марлинского о том, что «блестки» — это «я живой», мы считаем, что представляет интерес выяснение системы этого второго плана, его закономерностей. Сам писатель часто пытается натолкнуть читателей на эту мысль; в одной из самых поздних (1834 год) и самых лучших своих повестей «Мореход Никитин» он пишет: «У нас печатная сторона человека всегда будет походить на подкладку из одних афиш комедианта Цапата в Жильблазе; и вот почему, милостивый государь, если вы хотите узнать меня, то узнавайте кусочками, угадывайте меня в стружках; в насечке, в сплавке. Не мешайте ж мне разводить собою рассказы о других: право не останетесь в накладе» (М. Н., 406); и там же: «Но кто вам сказал, что сам я менее занимателен, чем Савелий Никитин? Знаете ли, сколько страстей я перемолол своим сердцем? Какие чудные узоры начеканил я на моем воображении?» (М. Н., 406).

Сравнения являются важным элементом в системе авторского самовыражения. Предметом сравнения у Марлинского может быть человек, его внешность, чувства, действия; природа, отдельные явления природы; предметы, включая бытовые, и их части. Животный мир у Марлинского предметом сравнения бывает редко, зато из этой области берется много образов. В этом нет ничего особенного, отличающего данного писателя. Истоки сопоставлений человек-природа заложены в глубокой древности.

А. А. Веселовский писал, что «параллелизм покоится на сопоставлении субъекта и объекта по категории движения, действия как признака волевой жизнедеятельности. Объектами, естественно, являлись животные; они всего более напоминали чело-

века: здесь далекие психологические основы животного аналога; но и растения указывали на такое же сходство: и они рождались и отцветали, зеленели и клонились от силы ветра. Солнце, казалось, также двигалось, восходило, садилось; ветер гнал тучи, молния мчалась, огонь охватывал, пожирал сучья и т. п. Неорганический недвижущий мир невольно втягивался в эту вереницу параллелизмов: он также жил». ⁵

Признаками, на основе которых автор ставит предметы в соответствии друг с другом, могут быть действия и качества предметов, их внешнее сходство.

Наибольший интерес представляет выяснение соотношения системы образов с миром предметов посредством выявления единых признаков. С этой целью мы прибегнем к некоторым классификациям.

Все рассмотренные сравнительные обороты мы делим по предметам сравнения, т. е. по тому, что сравнивается, на четыре семантических класса: 1 класс — «природа», 2 класс — «человек»; 3 класс — «вещи»; 4 класс — «животный мир».

Несколько иной характер имеет классификация по признакам, лежащим в основе сравнений. Основных признаков, как указывалось, три: действие, качество, внешнее сходство. В соответствии с этим все рассмотренные сравнения можно разделить на три формальных типа: 1. X действует как У. Признаком сравнения является действие, выраженное глаголом, причастием, деепричастием. 2. X и У обладают общим качеством N. Признак — качество, выраженное полным или кратким прилагательным. 3. X похож на У; признак — внешнее сходство. Первый формальный тип (X действует как У) по своей численности намного превышает второй и третий, ⁶ что подтверждает мысль, высказанную Аристотелем ⁷ и развитую Веселовским, что главной при сопоставлении является категория движения. Море, например, не просто сравнивается со зверем, оно ревет как зверь.

В первом формальном типе необходимо выделить ряд подтипов. Подтип 1.0. — «чистый» выразитель типа, X действует как У; подтип 1.1. А относится к X также как к У, напримр, «*как на перст судьбы, глядела она на тихо переступающую стрелку*» (Исп., 320); подтип 1.2. X действует так, как действовал бы он же в какой-то другой ситуации: «*Мулла-Садек приехал к нам, будто из Ноева потопы выплыл*» (М.-Нур, 152); и, наконец, подтип 1.3. А относится к В, как X к У, например, «*посмотри на небо и на море: они хмурятся на нас, будто судья на уго-*

⁵ А. А. Веселовский, Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. «Историческая поэтика», Л., 1940, стр. 126.

⁶ См. Приложение к данной статье, стр. 125—169.

⁷ Аристотель. Реторика. Сб. «Античные теории языка и стиля». М.—Л., 1936, стр. 186.

ловного преступника» (Фр. Н., 117). Сравнения подтипа 1.3., так называемые сравнения, основанные на пропорции, могут встретиться у разных писателей, однако количество таких оборотов в повестях Марлинского (около 50 в пяти повестях) указывает на наличие закреплённой модели.

В целях более детального исследования мы делим сравниваемые предметы, относящиеся к первому семантическому классу («природа»), на ряд семантических подгрупп: 1) вода (море, река, ручей, поток, волны, валы и т. д.); 2) воздух (атмосферные явления); 3) свет (солнце, лучи, зарево и т. д.); 4) растительность (деревья, зелень) и 5) земля (горы, скалы и прочее). Образы к ним могут быть взяты из мира одушевленного или зрительные, из мира неживого, чаще всего предметно-бытового. Если же, в редких случаях, образ, как и сравниваемый предмет, относится к миру природы, то и образ и предмет принадлежат к разным семантическим подгруппам: «И ночь задвинула небо тяжкими тучами, и тучи всплескались, как волны, и море забушевало, как небо» (М. Н., 409). Такие случаи, как правило, очень редки.

Зрительно предметы первой подгруппы (море, река, волны и др.) обычно сравниваются с предметами прозрачными (стекло, хрусталь, стеклянная бахрома), блестящими (зеркало, серебро, сталь), а по цвету с радужной цветовой гаммой. Примеры: «На востоке, перед очами Искендера, море, подобно хрустальной стене, возникало гранью небосклона с золотой трещиной посередине» (М.-Нур, 101); «дробные струйки, как стеклянная бахрома, вились через плиты» (М.-Нур, 95); «они [волны] рассыпались о грудь его серебряными колосьями» (М.Н., 418); «он [вал] сквозил, как стекло» (М. Н., 408); «на востоке, будто стальной повороненный щит, окованный горизонтом, сверкало море под огневою насечкой лучей» (М.-Нур, 114); «[волны] при солнце рассыпались радужными снопами, при луне растопленным серебром; в темную ночь сверкали фосфорною пеною <...>» (Фр. Н., 106); «ручей, играя светом солнца, переливался как прозрачная радуга накрест другой окаменелой радуги» (М.-Нур, 84). Радуга — частый образ в сравнениях Марлинского, относящихся не только к данной семантической группе. Ср. «ленты и перья, шарфы и шали веяли радугую» (Л. Бел., 392). Параллели из одушевленного мира довольно традиционны: море, ручей, бездна сравниваются по силе и хищности со зверем, тигром, ручей по виду со змеей. Выше уже говорилось о традиционности сравнения бега времени с течением воды: «Сизые волны океана, как столетия, с ропотом расширяются о твои [утеса] стопы» (Фр. Н., 85). Метафора «море кипит» вызывала традиционный образ: кубок, чашу, котел: «закипел восточный край моря, подобно заздравному кубку» (М.-Нур, 105).

Значимость тропа, в том числе и сравнения, возрастает в зависимости от усиления степени индивидуализации. Очень живо и

неожиданно впечатление от нетрадиционных сравнений: «Волны, как друзья, то улыбались им, то хмурились на них, и мерно поражая фрегат, звучали, как стихи Пушкина» (Фр. Н., 105); «белая гряда бурунов, как рубеж смерти и жизни, кипела перед нами» (Л. Бел., 335). Подобные сравнения придают определенную тональность повествованию. Образом для движущихся по морю валов, а иногда и судов могут быть киты: «Огромные валы, словно стада китов, рыскали и плескались в пространстве» (Фр. Н., 126); однако (после стакана грогу) «на валы смотришь, как на стадо барашков» (Л. Бел., 331). Состояние природы бывает созвучно состоянию души: «оно [море] было мрачно и пусто, подобно его душе» (Фр. Н., 126).

Тучи, облака перед грозой сравниваются с недобрыми людьми, с разбойниками, после грозы с победителями, стадом диких коней. Например: «Посмотри на облака: словно недобрые люди бродят вокруг да около и промеж собой перемолвливают, куда бы на разбой стрекнуть» (М. Н., 409). В повести «Мореход Никитин» сделана попытка отделить речь автора от речи героев, как видно и в приведенном примере, это выражается в лексике, но не в самом строе речи.

Одним из примеров сравнения, характерных для Марлинского, является перечисление многих признаков одного предмета и привлечение к каждому из них соответствующего образа, как бы «нанизывание сравнений»: «Черное облако вдруг, как ворон, слетает на море, свертывается воронкой, то вытягивается ниткою на вихре, то бежит столбом» (Л. Бел., 330). Интересно сравнение туч, облаков с людьми в зависимости от их намерений: «тучки, будто шпионы, выглядывали из-за горизонта» (Фр. Н., 31); «черные тучи ходили еще по небосклону взад и вперед, как победители, которые считают трупы убитых» (Фр. Н., 126). При характеристике облаков отмечается легкость их движения «легкие облачка неслись по небу, и подобно стаду диких коней, прыдали через огонь месяца» (М.-Нур, 116); «или вы [облака], как разбойники Лезгины, любите рыскать по утесам и дремать на острие вершин?» (М.-Нур, 5). Зрительные сравнения в этой подгруппе более редки, тучи после бури походят на изорванные знамена.

Ветер, смерчи по их подвижности и проказливости часто сравниваются с бесами, а бури похожи на беспорядки в аду. «Бывало, эти смерчи, как бесы перед заутреней, выются около носу» (Л. Бел., 330); «ветер вчера <...> вертелся как бес перед заутреней, и перетасовал все румбы и умы наших пловцов в такой баламут, что сам Бюффон со своею теориею ветров проиграл бы свое красноречие» (М. Н., 411); «не ждал я никак такого шторма: все ветры и все черти спущены, кажется, теперь со своры» (Фр. Н., 31). Неустойчивость ветра вызвала меткую параллель с жизнью общества: «Вот потянул ветерочек слева; но он

был неверен, как светская женщина, колебался туда и сюда, как нынешняя литература, и чуть бороздил воду, будто на цыпочках бегая вокруг судна, чтоб не разбудить мореходцев» (М. Н., 411).

Солнце, свет, заря притягивают в качестве параллелей золото и огонь. «Солнце упало ярко, словно «золотой цвет» на ее [сестры] груди» (М.-Нур, 4). Но: «луч солнца посыпался на него [жадного и лживого муллу] как червонцы, которых ждал он в Шамахе» (М.-Нур, 165). То же золото, но в ином виде.

Теми основными признаками, на основе которых Марлинский «придвигает миры», в описаниях природы являются прозрачность, сверкание, цвет и звучание для воды или доброжелательность-недоброжелательность ее разных состояний. Признаками, которые необходимо усилить сравнением, для облаков и туч писатель считает их подвижность и групповой характер, для ветра его подвижность и непостоянство.

Традиционным можно считать частое сравнение картин природы с определенным рода изделиями из ткани (покрывало, шарф, фата, плащ и т. д.). Марлинский отличается большой изобретательностью в подновлении их образности: «разноцветный мох подернут был оранжевою ягодой морошки ... <...> ... Морошки, раскинутой причудливыми узорами, подобно фате северной красавицы ...» (М. Н., 398); «луч потока, разлетевшийся в глубине в дым и пену, будто газовый шарф, затканый в узор битью и шелками по кайме своей» (М.-Нур, 84); «еще растительная черта была выше их [путников], но она змеилась уже не краем зеленого покрывала, а подобно городкам ковра, изорванного по камешкам» (М.-Нур, 86). То же сравнение в устах отрицательного персонажа несколько конкретизировано: «зелень манила его, как покрывало красавицы, которую купит он на эти червонцы» (М.-Нур, 165). В картинах ночи, как правило, много сравнений и метафор: «молодой месяц всплыл золотою рыбкой над голубым океаном неба, и плескал бледным светом в лицо заснувшей красавицы земли, полуодетой сотканием теней и туманов» (М.-Нур, 100); «не прячется ли он [месяц] в ночную радугу, как жемчужина в перламутровую раковину» (М.-Нур, 4); «одна за одной облетали с неба звездочки, как поблеклые блески с темноглубой чадры ночи» (М.-Нур, 105).

Ночь для юноши «кратка и освежающая, словно глоток sherbeta» (М.-Нур, 40). Интересными и оригинальными являются в семантической группе «природа» сравнения, основанные на пропорции (подтип 1.3): «скалы, обросшие многовечными деревьями, пробивались сквозь лесную зелень все острее и обнаженнее, точно кости сквозь кожу старика» (М.-Нур, 83); «из трещины протягивало руку чахлое деревцо, будто узник из оконца тюрьмы» (М.-Нур, 86); «на крутизне груди [горы] не могли держаться они [снега], как беды на высокой душе» (М.-Нур, 95).

Марлинский был деистом. Величие картин природы напоминает ему величие творца: «другие *хребты* слева, справа, отовсюду *вздвигались великанскими головами* один над другим, один за другим, все выше, и синее, и мрачнее, *подобно чудовищным валам, вздутым Божиим гневом в страшный день потопа*» (М.-Нур, 175); «все это *смешение света и теней, зелени и буризы камня*, переливающихся дивными узорами и кой-где затканых золотой ниткой вод, *волновалось перед очами, как покрывало, накинутое рукою Аллаха на тайны земли*» (М.-Нур, 114).

Природа для Марлинского — область высокого; сравнения в этой семантической группе не могут быть смешными, ироническими или сниженными. Исключения редки: сравнение красноты солнца с краснотой лица английского пивовара; тучек, выглядывающих из-за горизонта, с шпионами. Природа действует по своим вечным, неизменным законам, которые для человека навсегда останутся скрытыми. Человек может лишь склониться перед величием природы. «Можно ли нам, — спрашивает Марлинский, — обитателям одной точки пространства, одного мига времени, прочесть вполне смысл творения, разбросанный по тысячам миров?» (М.-Нур, 85).

Другое дело — сад. «Жанни предложила ему посмотреть сад, устроенный в настоящем голландском вкусе: дорожки, отбитые по тесме, *лужайки*, усыпанные разноцветным блестящим песком в виде звезд, кругов, многоугольников, *точь в точь блюдо винегрета, горки наподобие миндального пирога, деревья и кусты, обстриженные стенками, столбами, шарами*, так что вы можете *подумать, будто здесь природа сделана столяром*» (Л. Бел., 350). Здесь природа оформлена рукою человека, «и сад этот имеет неогромную выгоду быть летом, как зимой, неизменно скучным» (Л. Бел., 351).

Семантический класс «человек» мы делим в целях описания на следующие подгруппы: 1) внешность человека; 2) характер, сердце (душа), поведение человека; 3) чувства, психические состояния человека; 4) слова, речь; 5) абстракции человеческих состояний (жизнь, смерть), отрезки времени (век, час).

Внешность человека может быть либо прекрасной, либо смешной, притом первая — у героев романтических, вторая у персонажей второстепенных. К группе «внешность» мы относим и ее активные проявления: глаза — взоры, лицо — улыбка. Лицо юноши или молодой девушки прекрасно: «лицо [Белозера] *загорелось, как утреннее небо*» (Л. Бел., 343); «если б вы увидели тогда его прелестное лицо, покоящееся под улыбкой неги, вы бы сказали, что сами видите *гирлянду мечтаний, обвивающую беззаботное чело юноши*» (М.-Нур, 142); «*улыбка проглянула на милом лице ее [Жанни], словно луч солнца сквозь вешний дождь*» (Л. Бел., 364). Частой и традиционной является параллель румянец (на лице) — розы. Не выходя за пределы этого штампа

семантически, Марлинский пытается его индивидуализировать, привлечь к нему внимание: «вдохновенный фламандскою поэзией, я бы сказал, что *румянец на щечках ее подобился розам, плавающим на молоке*» (Л. Бел., 343). Следующие сравнения никогда не могут быть в характеристиках положительных героев: лицо Гензиуса (постоянного объекта иронических сравнений и метафор) «*походило на солнечные часы — так выставлялся вперед тонкий нос его*» (Л. Бел., 345); лицо Саарвайерзена «*полное, как месяц*» (Л. Бел., 340); слезы каплют с его лица, «*будто с молодого сыра*» (Л. Бел., 373); лицо Мир-Гаджи-Фетхали «*вытянулось длиннее осенней ночи*» и встал он «*с улыбкой, будто она хотела укусить*» (М.-Нур, 57)).

Глазам человека Марлинский отводит особое место: они — выразитель души. «Велико ли яблоко глаза? но в нем между тем раздольно трем мирам, т. е. чувству, мысли и свету видимому. *В глазе, как в яблоке познания добра и зла, таятся семена жизни и смерти.* Сладостно созерцать в любимых очах игру света и теней, т. е. чувства и мысли; замечать, как распускается и сжимается зрачок, на коем, как на гомеровском щите Ахиллеса, *рисуеться вся природа*; следить, угадывать, ловить искры страсти, пронизать туман грусти, и по складам читать в глубине души понятия, склонности, ненависти <...>. Но любопытен и глаз каждого человека: чудный, хотя и неизданный роман таится в нем; каждый *взор его есть уже глава то в роде Жильблaza, то в роде дон-Кихота или Роб-Роя.* <...> О! кто хочет изучить китайскую грамоту души человеческой, кто желает видеть ее нагою, тот изучай очи! Но знай тот, что берется за ремесло могильщика, что на каждый день он будет зарывать в прах по лестной мечте, по доброму мнению о людях, что он *схоронит, как родных своих, участие к ним и наконец собственное сердце* ...» (Фр. Н., 101—102). Глаза — выразители души, самого характера человека, оттого навевают много образов: «но глаза его — что это были за глаза, моя Софья! — *влажные, голубые, как волна моря: они сверкали и хмурились, подобно волне, готовой и лелеять и поглотить того, кто ей вверится*» (Фр. Н., 15); в гневе «*глаза Веры засверкали, как острия кинжалов*» (Фр. Н., 139); очи Правина в смятении «*подобно маятнику, ходили от фрегата к княгине, от моря к любовнице*» (Фр. Н., 127).

Взоры характеризуются их выразительностью, воздействием на других: «*мужские лорнеты, казалось, сожигали меня в пепел; дамские взгляды пронизывали наперекрест, будто Конгревовы ракеты*» (Фр. Н., 38); «*взоры ее пролились на мою душу, как масло, утишающее валы; в них, как в зеркале, отражались и гнев за мою обиду, и страх за мою жизнь* ...» (Фр. Н., 43). Если в этой группе признаки, на основе которых делаются сравнения, традиционны для своего времени, то в образах находим большое разнообразие. Уста характеризуются тою же оппозицией, что и

лицо: «низкое» — «высокое»; смешное — не смешное. С одной стороны: «благоуханные губки распустились, как заря» (Л. Бел., 355); «ротик так мал, как скважина жемчужины» (М.-Нур, 112); «губки раскрылись улыбкой, будто жемчужная раковина от солнечного луча» (Фр. Н., 144); и с другой стороны: «рот Гензиуса растворился, как шлюз» (Л. Бел., 345); «доселе безмолвные уста ее изливали поток любезностей, подобно Самсонову фонтану в Петергофе, который брызжет только для важных посетителей» (Исп., 287).

Не забыты у Марлинского также нос и усы. В отличие от глаз и лица описание их почти всегда иронично.

«Куда, подумаешь, прекрасная вещица — нос! Да и прекрасная какая! А ведь никто до сих пор не вздумал поднести ему ни похвальной оды, ни стихов поздравительных, ни даже какой-нибудь журнальной статейки хоть бы инвалидною прозой! Чего-то люди не выдумали для глаз! и песни-то, и комплименты, и очки, и калейдоскопы, и картины-то, и гармонику из цветов. Уши они увесили серьгами, угощают Гайденовым хаосом, Робертом-Дьяволом, Фра-Дьяволом и всеми сладкозвучными чертенятами музыки. Про лакомку-рот и говорить нечего: люди готовы бы жарить для него не только райских птиц, да самих чертей; скормить ему земной шар с подливкою знаменитого Карема. А что выдумали они для носа, позвольте спросить, для почтеннейшего носа? Ничего! положительно ничего, кроме розового масла и нюхального табаку, которыми развращают они носовую нравственность многих и казнят обоняние остальных. Неблагодарно это, господа, как вы хотите, неблагодарно! Он ли не служит вам верою и правдою? <...> Он вечно в авангарде. Испортятся глаза, — его седлают очками. Нашалили руки, — ему достаются щелчки. Ноги споткнулись, а он разбит! Господи, воля твоя за все про все, бедный нос в ответе <...>. Откинем пользу его, возьмем одну эстетическую сторону, красоту, — и кто против носа, кто против величия носинового? Кедр ливанский, он попирает стопой мураву усов и гордо раскидывается бровями. Под ним и окрест его цветут улыбки, на нем сидит орел — дума. И как величаво вздымается он к облакам, как бесстрашно кидается вперед, как пророчески помахивает ноздрями — будто вдыхает уже ветер бессмертия. <...> И если вы хотите полюбоваться на носы, во всей силе их растительности, в полном цвете их красоты, возьмите скорей подорожную с чином коллежского асессора, и поезжайте в Грузию. <...> И что там за носы, в самом деле, что за чудесные носы! Осанистые, высокие, колесом, а сами так и сияют, так и рдеют: ну, вот кажется, пальцем тронь, брызнут кахетинским» (М.-Нур, 59—61). Персонаж повести «Мулла-Нур» Гаджи-Юсуф, — хвастун и трус, у него «такой ветрорез, что конечно сделал бы честь любому носорогу. Нельзя мимо пройти без страха и умиления:

так, кажется, и рухнет этот эрратический утес на ноги» (М.-Нур, 61).

Усы заслуживают не меньшего внимания. У того же Гаджи-Юсуфа усы висят *«словно крылья огромного носа»* (М.-Нур, 106). Молодые усы «не чета <...> нашим заслуженным усам, подстриженным, как наши надежды, и колким, будто эпиграммы Пушкина, обожженным порохом и вином, измятым страстями» (М.-Нур, 35).

При сравнении героев по внешнему сходству с кем-либо или с чем-либо в основном сохраняется противопоставление «высокое» — «низкое». Сравнения выполняют функции своеобразной типизации. Сравняются все персонажи, в этом нет разграничения, но образ сравнения романтического героя или героини не может быть «низким» либо смешным. Сравнение героя (героини) может лишь содержать легкую авторскую иронию, обычно доброжелательную. Герой сам может быть ироничен к себе, либо выглядеть иногда смешным в представлении «не героя». Все персонажи, кроме романтического героя и героини, могут характеризоваться сравнениями смешными вплоть до сатирических. Каждый второстепенный персонаж является воплощенным носителем одного какого-либо признака, усилению которого служат все тропы, в том числе и сравнения. Сказанное относится ко всей характеристике человека, не только к изображению его внешности. Княгиня Вера, Белозор, Правин, Мулла-Нур отличаются благородством, высокими страстями. «Озаренный в тыл западающим солнцем, он [Мулла-Нур] чернел на снежной белизне, как вылитый из чугуна памятник; он был огромен и неподвижен как памятник» (М.-Нур, 96); «Вера была тогда прелестна, как страстное желание поэта, в котором более неба, чем земли; Правин со своими мутными очами походил на раскаяние, пробужденное страхом» (Фр. Н., 122). Лейтенант Кокорин, который не одобряет увлечения Правина, так характеризует княгиню Веру: «хороша собой, как царская яхта, вертява как люгер и, говорят, умна как бес» (Фр. Н., 24). Романтические герои прекрасны внешне и благородны по характеру; «ты сама прелестна, как жизнь, Вера! произнес он, обтекая ее взорами: ты божественна, как смерть, потому что заставляешь забывать все, потому что заключаешь в себе рай и ад» (Фр. Н., 123); Правин, по словам того же Кокорина, — «это душа в обществе, это голова в деле: добр как ангел, и смел как черт» (Фр. Н., 27). По-иному характеризуются остальные персонажи повестей: «Не раз обращался он к свидетельству своих товарищей, которые в самом деле составляли приличный пролог и эпилог его картинам: толстый и румяный Гуссейн, как настоящее довольство, сухопарый Ферзали, как будущий голод» (М.-Нур, 56); «госпожа Саарвайгерзен, подобно увесистой планете, кружилась около огня, заимствуя от него свет и румянец» (Л. Бел., 349); Монтань «подпирался шпажкою, ко-

торая, вместе с тонкими козыми ножками, делала его весьма похожим на треногую астролябию» (Л. Бел., 365); «сухощавый Гензиус и шаровидный хозяин, как постный сочельник и сытное Рождество, замкнули шествие» (Л. Бел., 367); Монтань на лошади «был точно миндаль на прянике» (Л. Бел., 374); «дородную Москвитянку нашу, княгиню Z, за огромный шлейф ее, сравнивали с зловещею кометой, и совершенно даром: она так ловко носила хвост свой, как лисица» (Фр. Н., 7).

Предметом самой злой сатиры и едких сравнений является у Марлинского светское общество. В нем «под улыбкой нет выражения, под словом не дороешься мысли, под орденами сердца» (Фр. Н., 8). Сравнения, характеризующие представителей света, не лестны: «и что такое были все эти собеседники, как не льдины: блестящие, но безжизненные, носимые ветром моды вместо своей воли, и порой зеленеющие чахлыми порослями, какие видел Парри в Баффиновом заливе! И это-то называют они цветами общества!» (Фр. Н., 39); «пускай же плетут пустые люди кружева из песку, называемые модой; пускай себе старушки в чепцах и фраках с важностью рассуждают о лучшем способе чихать за обедней и кланяться на выходах: без этих вздоров лучшее общество сгнило бы, как Пресненские пруды» (Фр. Н., 61); «я готова возненавидеть танцы из-за танцоров, которые, как деревянная кукушка в часах моей бабушки, вечно поют одно и то же, и наводят тоску своим кукованьем». (Фр. Н., 8). Если Вера была «прелестна, как страстное желание поэта», то «блестящие дамы Двора, которые унизывали их [колесницы], подобно ниткам жемчужным, могли издали показаться мечтой поэта — так блестящи и воздушны были они» (Фр. Н., 6).

Необходимо отметить, что именно в иронических сравнениях «не героев» Марлинский наиболее оригинален и выходит за рамки общепозитических штампов.

В свете «благодаря европейскому просвещению и столичному удобству <...> все репутации так же круглы и белы, как бильярдные шары — по какому бы сукну они ни катились» (Фр. Н., 61); ротмистр Границын, в общем, человек неплохой, «существо, которое в светской книге животных значится под именем: добрый малой и лихой малой ... название самого эластического достоинства, как резиновые корсеты: оно для неразборчивого нашего племени заключает в себе всякую всячину, начиная с людей истинно благородных и отличных, до игрока, поддергивающего карты, и виртуоза, подслушивающего у дверей» (Фр. Н., 53).

В работе А. Д. Григорьевой⁸ приведен круг сравнений-фразеологизмов у раннего Пушкина, представляющий собою факт общезыкового или общепозитического употребления. Часть сравнений, относящихся к этому кругу, у Марлинского и у Пушкина.

⁸ А. Д. Григорьева, Поэтическая фразеология Пушкина. Сб. «Поэтическая фразеология Пушкина», М., 1969, стр. 270—275.

совпадает. Круг подобных сравнений у Марлинского довольно широк: *словно ласточка весела, порхает; как серна, прыгать; как звезда с неба упасть, (внезапно появиться); как стрела лететь; как ветер порхнуть; как месяц в ночи, живет ясен и одинок (о юноше); как лист трепетать; отпрыгнуть как будто коснулся змия; как снег, чистый; как ангел, быть, петь; как сон исчезнуть; как тень бродить; как свинец, свинцом лежать на сердце; как амбра, как воск, как сахар таять; как змея, воспоминание вползает в развалины и т. п.* Некоторые из сравнений этого круга несколько видоизменяются, Марлинский обращает на них внимание читателя: «он не слышал, он стоял, как *алебастровый истукан*» (Фр. Н., 47); «грудь его вздымалась тяжело, *будто свинцовые валы обливали ее своею тяжестью, будто лежала на ней колоссальная рука судьбы*» (Фр. Н., 115); «разве хочешь ты, чтоб я истаял, как *воск под тропическим солнцем*» (Фр. Н., 87); «он был пойман, как *школьник, который выскочил вперед для объяснения с учителем, и оробел от его грозного взгляда*» (Фр. Н., 71); «бледный как *воск, трепетный как плат на ветре, стоял Мулла-Садек*» (М.-Нур, 167).

Аналогии с животным миром вызывают признаки: хищность, сильные страсти, легкость движений, иногда общие черты характера, но чаще всего именно движение: «*вереницей диких голубей, обгоняя друг друга, понеслась шайка разбойников к Тенгинскому ущелью*» (М.-Нур, 106); «*львицей, у которой уносят последнего детенка, вскочила Вера*» (Фр. Н., 127); «только увидеть, только поглядеть на меня, как на *ручного тигра*, желал ты, наравне со многими своими земляками» (М.-Нур, 184); «и он [Искендер-бек], запертый замком честного слова, *прыгал как тигр в своей клетке*» (М.-Нур, 156); Правин «*устремился как тигр на добычу, <...> возник перед ней, как призрак-укоритель*» (Фр., Н., 69); «теперь они [разбойники] *рыщут по дорогам, как голодные тигры*» (М.-Нур, 67); «если б мой племянник Искендер-бек услышал хоть за стеной твою песню, он бы разбил стену грудью, чтобы увидеть эту певицу, а если б увидал, то *похитил бы тебя, как лев серну*» (М.-Нур, 51); «отрадно ли, *подобаясь коршуну*, в каждом живом существе видеть только добычу» (М.-Нур, 103).

Рассерженный Белозор говорит о своей любимой: «*умна, как день, но зато уж зла, как медяница, как змея с погремушками*» (Л. Бел., 356).

Звери в функции образа служат, если нужно, средством подчеркивания комичности персонажей. Сравнение Гаджи-Юсуфа с барсом и со свирепым тигром призвано только подчеркнуть его трусость. На самом деле он вызывает другие ассоциации: Гаджи-Юсуф «казался не более ящерицы, и как *пестрая ящерица, полз на коне своем*» (М.-Нур, 88); «как *зарывает ноздри в песок верблюд, почуяв гибельный налет самума*, так пал ниц Гаджи-Юсуф от посева этого имени [Мулла-Нур], пал, *расплющенный*

страхом, тоньше турецкого шаура» (М.-Нур, 93); он грешит, отведывая запрещенное пророком вино, «как блудливая кошка».

Друзья Правина, которые досадуют на его влюбленность и не прочь все представить в смешном свете, говорят, что он «плавает, как ньюфундлендская собака», а после того, как княгиня Вера, боясь, что он утонет, упала в обморок, «был мокр как тюлень, а суетился будто муха над дорожными» (Фр. Н., 26). Княгиня Вера по слухам «самого любезного из моряков считала немного половче моржа, играющего на гитаре, которого показывали в кадке под качелями» (Фр. Н., 15). Монтань напоминает индейского петуха, так он надувается, Гензиус шагает как аист и т. п.

Специального рассмотрения заслуживает группа сравнений, где предметом сравнения является сердце. Правину незнакомы условности света, «океан взлелеял и сохранил его девственное сердце, как многоценный перл» (Фр. Н., 56); любовь врывается в него, и Правин пишет другу своему: «если б ты видел теперь мое сердце, и если б ты был способен к поэзии, ты бы сравнил его с Мильтоновым эмпиреем, оглашенным битвою ангелов с демонами!» (Фр. Н., 50); сердце Правина, как голубок, готово выпорхнуть, в разлуке оно пробуждается, «как младенец, подкинутый безжалостною матерью к чужим воротам, зимою» (Фр. Н., 114). «Чистое сердце — точно волшебная прялка: она выпрядает золото поэзии из самой грубой пеньки вещественности; любовь Правина и Веры была истинна: то была страсть, какой давно не видит и не верит свет» (Фр. Н., 108), сердце княгини Веры «жаждало любви, как сухая губка» (Фр. Н., 90). Сердце Жанни, любившей впервые, «кипящее юностью, легко приняло впечатление страсти, как плавкое стекло, и как со стекла, чтобы сгладить это впечатление, можно было не иначе, как разбив его» (Л. Бел., 382); «сильно билось сердце Искендера: если б насадить его на бревно тарана, оно бы само пробilo стену. Страх, сомнение, надежда то вздували, то стискивали его» (М.-Нур, 116). Сердце Савелия Никитина «то вздувалось, как парус, то опадало, как волна» (М. Н., 406). Встречаются сравнения: сердце, как цветок, как голубь, как шампанское; ходить с пустым сердцем, как с сумой по миру и др. У Гаджи-Юсуфа от страха «сердце так сжалось, что его можно было уложить в грецкий орех» (М.-Нур, 169).

Человек с его характером, поступками, действиями, чувствами привлекает в повестях самое большое количество сравнений. Марлинский неистощим в сравнениях. Кроме закрепленных поэтических образов, выразительность которых Марлинский часто пытался обновить неожиданным дополнением либо видоизменением, он создает неподражаемые образцы. Ср. примеры: княгиня Вера, пытаясь противостоять страсти Правина, «противилась, как порох, смоченный небесною росой, противится искрам огнива: сотни ударов напрасны, но каждый удар сушит зерна пороха, и близок миг, когда он вспыхнет» (Фр. Н., 88); Савелий

Никитин в мечтах видит своих детей и внуков, которых пока еще нет: *«он глядел на них нежно и любовно, как иной сочинитель на свое литературное потомство, — мал мала меньше, запеленанное в телячью кожу с золотым обрезаем, которое, мечтает он, грядущие веки будут нянчить наподхват»* (М. Н., 412); Правин, бродя по залам Эрмитажа, *«утихал, как дремучие болота Рюисдаля»* (Фр. Н., 73); княгиню Веру от страсти Правина не могла защитить любовь к мужу, *«человеку доброму, но пустому, но холодному, к которому тетушки и судьба приковали ее, как узника к колоде»* (Фр. Н., 90), сестра Стрелинского Ольга, только что вышедшая из монастыря, *«в мутном море светских предрассудков, позолоченной испорченности, суётного ничтожества, она возвышалась, — как зеленеющий свежий островок, где усталый пловец мог найти покой и доверие»* (Исп., 301). В повести «Мулла-Нур» с ярким восточным колоритом люди не менее интересны, чем природа. В сравнениях проскальзывают меткие наблюдения над местными нравами: *«Бога не обманешь поклонами да жалобным голосом, как русского коменданта: знает он вас [дербентцев] давно!»* М.-Нур, 17); авторское замечание: *«а вы сами знаете, что я скромнее мусульманской могилы, — про наши не говорю: они болтают такой вздор эпитафиями, проговариваются так неосторожно, что краснеешь за них»* (М.-Нур, 28). Печаль известна и богатым и бедным, *«печаль, как ханская жена, умеет ходить по бархатным коврам и, как серна, прядать на утесы»* (М.-Нур, 104); Искендер-бек, по словам Гаджи-Юсуфа, *«стал угрюм, как голодный кади в пост»* (М.-Нур, 115); «Мугаррам-бек вздрогнул (при виде Муллы-Нура), будто скорпион кольнул его ниже кушака» (М.-Нур, 154). Многое в человеческой природе неизменно, где бы ни жили люди: *«беда, как зараза, удаляла от него [Искендербека] всех»* (М.-Нур, 148); *«в одиночестве, — говорит Мулла-Нур, — Бог знает откуда, берутся чудные прихоти, странные мысли: они сыплются невольно на голову первого встречного, как осенние листья с дерева»* (М.-Нур, 184).

В семантическом классе «человек» мы остановимся еще на характеристике четвертой подгруппы «слово, речь». Марлинский — мастер диалога. Меткости слова, умению вести разговор он уделяет большое внимание: Правин замечает, что *«разговор, как вафли, хороши только прямо с огня»* (Фр. Н., 40). В минуту возбуждения слова вырываются из его уст, *«подобно ключьям паруса, изорванного бурей»* (Фр. Н., 42). Боясь наскучить другу описанием своих чувств, он оговаривается: *«очень знаю, что мое болтанье для тебя несноснее штиля, скучнее расходной тетради офицерского стола»* (Фр. Н., 50). Отдельные слова тоже имеют свою характеристику: слово «прощайте», *«как железный гвоздь, вытягивается в бесконечную проволоку, в струну, из которой каждый повев ветра извлекать будет звуки печали»* (Фр. Н., 111).

Романтические герои Марлинского мастерски вышучивают

свет, они, как правило, умны и остры на язык. Таковы княгиня Вера, Стрелинский, графиня Звездич, Белозор.

В повести «Мулла-Нур» отмечено своеобразие речи горца и восточного красноречия: *речь Мулла-Нура «походила на бушевание горного потока, на крик пустынного орла при добыче»* (М.-Нур, 189). Дербентские мудрецы «говорили много, спорили еще более, так что на потоке их пусторечья можно бы выстроить мельницу о четырех поставах, тем более кстати, что старые мельницы за безводьем не мололи уже неделю» (М.-Нур, 16); один из них, не отличающийся особой честностью, особенно красноречив: «И, правду сказать, лихой был низатель бисера этот Мир-Гаджи-Фетхали-Исмаил-оглы» Бывало, как *пустит дробь языком, — ну соловей, точно соловей!* Каждое слово, как *сахарный ногуль*,⁹ *катится, будто розовая вода на душу льется*; да и столько он набьет вам в уши фарсийских и арабских речений, что руки врознь: двух человек в целом Дагестане не найдешь, кто бы его понял хоть вполовину, — а в Дагестане, благодаря Аллаху, живут не собаки» (М.-Нур, 19); о нем же сказано: *кажется язык у него не во рту, а в сердце: так цветы и сыплет — успевай только загребать ушами*» (М.-Нур, 25). Речь Гаджи-Юсуфа пересыпана заклетами, и клянется он, «как ведьма на экзамене у сатаны» (М.-Нур, 91). Светская речь — это мишура, пена от шампанского, светское общество, как попугай, заучивает чужое.

Марлинскому как представителю эпохи не чужды аналогии с мифическими и библейскими персонажами, литературными героями и историческими лицами. Из последних он чаще всего упоминает Наполеона: «как ненасытен был он [Наполеон] — олицетворенное властолюбие — к завоеваниям: почти так же ненасытны все любовники ласками» (Фр. Н., 85); «ты пал, ты страшно пал, как Люцифер или Наполеон» (Исп., 277). Еще несколько примеров: «на границе между облаков и снегов возникла огромная скала, как наковальня Перуна» (М.-Нур, 81); «вы убиваете меня, как Авеля, — зачем я принесла одни чистые плоды на жертвенник любви!» (Фр. Н., 94); «опустошает, как Тимур-Ленг, душу разлука» (Фр. Н., 114); «я не могу понять, как, проповедуя против пороков не хуже Саллюстия, ты *плянешь по дудке*, не говорю уж как Саллюстий, но как Репетилов в «Горе от ума»» (Фр. Н., 62); «я [Границын], право, скоро стану язычником, как Иосиф Сенковский» (Фр. Н., 56); «у меня [автора] *страсть к философии*, как у Санхо-Пансы к пословицам» (Исп., 280). Сервантеса Марлинский, видимо, хорошо знал и ценил: он нередко апеллирует к нему, а толчком к написанию повести «Испытание» могло послужить примечание к одной из глав «Дон-Кихота».

В семантическом классе «вещь» больше всего сравнений связано с флотом (суда, их принадлежности). Часть из них может

⁹ Конфеты из обсахаренных орехов. (Примеч. автора. — Х. Л.).

быть перечислена: как *смоль*, *вороной*, карбас; как *прикованный великан*, стонет и дрожит корабль; как *подводный лес*, виднелись мачты кораблей; как *выстрел* грянул лопнувший парус; как *перья*, разлетелись паруса; как *испуганный лебедь*, ринулась с берега шлюпка; как *тихая тень*, понеслась шлюпка; как *станция лебедей*, приближался флот; как *быстрая касатка*, рассекала зыбь легкая гичка; *орлом* полетел катер; как *в лихорадке* бился фрегат под ударами валов; как *лист* задрожал фрегат; *словно крепость*, воздвигшаяся со дна, стоял флот; как *утка*, испуганная *ружьем охотника*, карбас кинулся по ветру; как *черепаха по камням*, ползет карбас по воде; как *щепку* взбросило ялик на бурун; как *щепку* забрасывали катер валы; как *спаржу* срезать брамстенги. Признаки быстроты и легкости передвижения судна и его неустойчивости перед силой моря вызывают образы испуганного лебедя, утки, касатки, а также бессилие щепки, листа перед силой природы. Эти образы не выходят из круга традиционных. Марлинский не ограничивается, однако, традиционными сравнениями, в его представлении возникают другие картины: «корабли то строились в две линии, то обращались в другую сторону, то прорезывали одну линию другою ... точно *шахматы Титанов*» (Фр. Н., 16); «два брига, как *спящие киты*, тихо зыбились на влажном поле» (М.-Нур, 63); «теперь *пузо наших парусов* как *передник десятилетней девочки*; зато взгляните, как надуло свое море! Этакая прожора! этакой *Фальстаф земного шара!* — оно готово скушать и нас без перцу и лимонного соку!» (Фр. Н., 113); «*фальшфейеры* искрились, как *блудящие огоньки над могилами*, — корабли ежеминутно были в опасности свалиться» (Л. Бел., 329); «корабль, *подобно коню, который дрожит от ярости, но покоряется воле всадника*, довершал оборот по слову 13-летнего мальчика» (Фр. Н., 104). Ср. характерный для Марлинского пример нанизывания сравнений: «помост чистый, *выложенный, как стол*; снасти, *закрученные завитками*, блоки, *сверкающие, как серьги*, сетки, *сплетенные фантастическими кружевами*, медь *горит, как золото*, чугун орудий *как сизое вороново крыло*» (Фр. Н., 14).

В рассматриваемой семантической группе, кроме предметов, связанных с морем, много сравнений посвящено театру. Приводим отрывок из повести «Фрегат «Надежда» об открытии Александринского театра в Петербурге: «В 7 часов вечера зала была уже полна. *Партер*, половина которого сходила к ломам амфитеатром, *алел, как заря, красными мундирами, отворотами, лентами*, — блистал, как еще *непотухший запад, звездами*. Пять поясов лож *пестрелись женскими уборами*; иной бы сказал: *то живые цветочные вязи, окропленные росой алмазов* — так *ярки, так блестящи были они*, и между них *веляли и склонялись перья над прелестными личиками, словно крылья херувимов*. Тысячи свеч *горели букетами* по раззолоченным стенам и поручням лож,

сливались в ослепительный метеор люстры. Гордо и легко смыкался потолок своими радужными облаками. Боги Олимпа с завистью смотрели на роскошь земную с высоты живописного неба. Богини, краснея от досады, чуть не прятались друг за друга, видя, что красота русских дам пересияла их. <...> *Три грации морщились на пetersбургских красавиц, будто хлебнули амброзии, которая скислась; <...> даже сова Минервы завистливо таращила глаза на ученых воротники. <...> Между тем передний занавес, бледный, как туман германской поэзии, таинственно колебался между зрителями и сценою, будто занавес судьбы, скрывающий от нас даль грядущего. <...> Самый воздух был упоен благовониями и дышал негою вздохов. Он оживлялся от малейшего трепетания райских птичек, отдохавших на головах красавиц; от волнения газа на грудях, от сладостного ропота их уст, от пылких взоров, летающих, крестящихся, словно падающие звезды, от звуков, возникающих порой из оркестра — звуков неясных, смешанных, чудных, как мысли поэта в просонках ... одним словом, вся зала Александринского театра и все, что в ней было, походили тогда на какой-то великолепный, волшебный сон юноши под жарким небом юга» (Фр. Н., 143). Примечательно описание Дербента и истории его построения: «Бог построил горы, человек города: так по крайней мере я думал, сравнивая шепетильность нашего зодчества с неподражаемым величием зодчества природы. Дербентцы судят свой город с гораздо большею справедливостью; они говорят, что их город построен чертом. <...> Черт строил впотемках и торопливо; <...> к рассвету Дербент поднялся на ноги, но заря ахнула от изумления, взглянувши на него впервые: это был поток камней и грязи, с трещинами вместо улиц, которых сам почтенный строитель не распутал бы среди белого дня. Все дома родились слепыми, все их черепа были расплюснуты под адскою пятой, все они пищали от тесноты, ущемленные между двух высоких, длинных-предлинных стен. Все вместе походило, одним словом, на огромного удава, который под чешуею домов растянулся с горы на солнышке и поднял свою зубчатую голову крепостью Нарын, а хвостом играет в Каспийском море. Затейник хотел и тут увековечить образ животного своего герба, — змея искусителя» (М.-Нур, 42). В описании театра и Дербента та же двуплановость, о которой говорилось выше.*

Довольно метки отдельные сравнения некоторых бытовых предметов: «высокие бокалы, как журавли, стояли на одной ноге» (Л. Бел., 338); «обходил каждую фарфоровую вазу, как подводный камень» (Л. Бел., 331); «шампанское выдыхается так же скоро, как и добродетель женщины» (Фр. Н., 57); «носки башмаков тупее ума графа Сивича» (Фр. Н., 59); «тусклый ночник едва мерцал в радужном кружке, будто глаз какого-то злого духа» (Фр. Н., 138); «свечи, тускло

свившей между бутылками, *как разум между страстями*» (Фр. Н., 19).

Единичными случаями представлен четвертый класс — «животный мир»: «только одинокий журавль, царь пустыни, бродил там, *как ученый по части зоологии*» (М. Н., 398); «ласточки реют под куполом и вылетают в поднебесье, *будто слова моления*» (М.-Нур, 13); «что это они [шакалы] распелись, *словно тавлинские девки на чикмасане*, на вечеринке Улу-бея?» (М.-Нур, 66); «какой-нибудь крот читает диссертацию о добре и зле *не хуже доктора философии*» (Исп., 283). Их особенностью является особая обратимость, в любом из этих сравнений можно образ поставить на место предмета сравнения, и семантика сравнения не будет нарушена, так что правильнее было бы отнести эти сравнения, несмотря на их форму, к группе «человек».

1. Наблюдения над широким кругом сравнений, которые конструирует писатель, позволяют говорить об определенной сумме особенностей в их построении, как формальном, так и семантическом. Каждая особенность, взятая сама по себе, может быть присущей любому другому писателю, но сумма особенностей и будет составлять одну из характерных черт стиля данного писателя; при этом сумма рассматривается нами как своего рода структура.

Таковыми структурными особенностями для сравнений Марлинского являются: 1) развернутость; 2) «нанизывание» сравнений при одном предмете путем сравнивания его различных качеств; 3) частое употребление сравнений, основанных на пропорции; 4) построение предмета сравнения из двух семантически разноплановых понятий, определенный признак которых может быть выражен одним и тем же словом, например: «я не принимаю к себе в родство молокососов, у которых *голова и киса* так же пусты, что дунь, улетят» (М.-Нур, 53); «ты мне *жизнь и квас* сделал хуже уксусу» (М. Н., 415) и др.; 5) употребление широких эпических сравнений, где образ (то, с чем сравнивается) разворачивается в самостоятельную картину; 6) двуплановость текста, наложение пласта сравнения на метафорический повествовательный пласт, особенно в описаниях картин природы.

Внутренние законы семантического сближения понятий могут быть выявлены лишь в результате исследования всей системы тропов.

2. Марлинский широко пользуется имеющимся запасом а) общепозитических сравнительных оборотов, с которыми он часто обращается произвольно, усиливая их выразительность, но не меняя их семантики; б) общеязыковых сравнительных оборотов, например: *как жар* сверкать; *как по маслу* скатить; *как тележок* расплакаться; *как с облаков* упасть; *словно каштан* облупить; *яблоком* подкатиться; *бисером* рассыпаться; *мелким бегом* рассыпаться; *словно медный грош* по белу свету кататься; *как маков*

цвет покраснеть; как селедок укладывать; словно заяц с капусты вспрыгнуть; как гриб из-под земли вырасти; словно куры раскудахтались; женихи, словно хмель, увиваются; такой крутой, что на козе не подъедешь; как утят в гнезде накрыть; нема как рыба; мокр как тюлень; стыдлив словно красная девушка; проголодался как морская собака (в матросском жаргоне).

Примечательно, что лишь единичные из общеязыковых сравнительных оборотов могут характеризовать романтического героя: Белозор упал как с облаков; Искендер-бек стыдлив как красная девушка; Правин был мокр как тюлень.

По впечатлению, должному быть произведенным на читателя, сравнения Марлинского можно разделить на три группы:

1) стертые сравнения, которые, в соответствии с установкой автора, так и должны восприниматься читателем как стертые;

2) видоизмененные стертые сравнения, стертость которых должна быть замечена читателем;

3) совершенно новые, индивидуально-авторские сравнения, создаваемые путем сближения семантически отдаленных понятий. Чем больше семантическая отдаленность предметов, тем неожиданнее сравнение.

3. Исследователями творчества А. Бестужева-Марлинского подчеркивалось, что речь героев его повестей не отличается от речи самого автора, что по языку персонажей трудно догадаться, кто говорит, мужчина или женщина, юноша или старик и т. п. Исследование сравнений как составной части стиля Марлинского открывает нам в этом плане ряд любопытных деталей. Центральными персонажами большинства повестей Марлинского являются романтический герой и героиня, неизменные по своим внутренним качествам: мужчина смел, благороден, женщина нежна, прекрасна лицом и душою, их связывает сильное чувство. Остальные персонажи повестей могут характеризоваться как «не герои». В кругу этих-то персонажей у Марлинского намечаются яркие типы, например: Гаджи-Юсуф, Мулла-Садек (повесть «Мулла-Нур»); г-н и г-жа Саарвайерзен, Гензиус, Монтань, («Лейтенант Белозор»); дядя Яков («Мореход Никитин») и др. Эти персонажи часто бывают предметами сравнений, часто сами прибегают к сравнениям, в этом все персонажи схожи с автором и друг с другом, но сравнения, которыми они пользуются или которые к ним относятся, отличаются от сравнений, характеризующих «героев». Последние редко содержат насмешку, и если содержат, то лишь снисходительную, добрую насмешку автора.

«Не герои» делятся по типам: умелый делец и заботливый отец Саарвайерзен, домовитая хозяйка Саарвайерзен, сухой чиновник Гензиус, хвастливый пройдоха Монтань, хвастливый и трусливый Гаджи-Юсуф, лживый и хищный Мулла-Садек, рисуемый самыми черными красками; смекалистый, умный, хотя и простой человек, дядя Яков. Каждый персонаж носитель в основ-

ном одной черты, и эта характерная черта подчеркнута сравнениями: Гензиус сухой, *как постный сочельник*; длинный и шагает *как аист*; рот его открывается *как шлюз*; запыхался он *как ветряная мельница*; г-н Саарвайерзен шарообразен, лицо полное *как луна*; занят делами и домой является по звону колокольчика, *как рыбы в пруду Марли*; когда он расчувствовался, слезы каплют с его лица, *как с молодого сыра*; у Гаджи-Юсуфа огромный нос (см. выше), усы, *как крылья огромного носа*; он постоянно хвастается, пьет вино, *как блудливая кошка*; клянется, *как ведьма на экзамене у сатаны*, а при опасности дрожит *как лист*. Подобным образом характеризуются «не герои».

Герои такими быть не могут. Жанни, Вера похожи на утро, розу, на страстное желание поэта, напоминают богинь и мифических красавиц (Гебея, Душенька) легки как серны. Правин добр *как ангел*, смел *как черт*, глаза его *как волна моря*, сердце, *как многоценный перл*, взлелеянный морем, жизнь свою готов он *слишком золота* бросить к ногам любимой.

Сравнениями наглядно иллюстрируется оппозиция «высокое — не высокое». Характер сравнений у Марлинского связан единством авторского отношения к своим персонажам.

Несколько иная картина наблюдается в одной из последних повестей Марлинского «Мореходе Никитине». В этой повести указанная оппозиция отсутствует. Меняется и характер сравнений, которые относятся к главному герою и его возлюбленной. Внешность невесты Савелия Никитина характеризуется одним единственным сравнением: «Дочь его соседа, также архангельского мещанина, как он сам, Катерина Петровна, *прелестная как все Катерины вместе, и миловидная, как ни одна из Катерин*, до сердца приглянулась нашему плователю» (М. Н., 400). Сам Савелий является объектом постоянной авторской иронии, несмотря на явную симпатию к нему автора.

4. Черными красками и язвительными сравнениями характеризует Марлинский светское общество в целом и его отдельных представителей, которые *как попугаи* выучивают все привозное, покупают свои фразы вместе с перчатками; надувают остроумием мыльные пузыри, занимаются умножением нуля, т. е. переливают из пустого в порожнее; это *образы без лиц, модные обезьяны*. Свет развратен, светская женщина — *хамелеон*; светская любовь — *пена от шампанского*; трюфели для модного света важнее чем любовные связи; верить недоступности светских дам — то же самое, что верить всякой эпитафии.

Характеристике света уделено особенно много внимания в повестях «Испытание» и «Фрегат «Надежда».

На балах три четверти общества занято ловлей выгодных женихов и невест, остальные зевают. «По виду их скорее заключить можно, что они в биржевой, а не в бальной зале. «Эта девушка прелестна, — думает один, — но отец ее молод, бог знает, сколь-

ко проживет он лет и денег. Эта умна и образованна, дядя ее на важном месте, но, говорят, он колеблется, — тут надобно подумать, то есть подождать. Вот эта, правда, не очень красива и очень недалека, зато как одушевлена! Чертовски одушевлена тремя тысячами душ <...>. Я невольник ее» (Исп., 287).

Танцоры на балах похожи на кукушек в старинных часах — всегда говорят одно и то же. Приводим один из многих отрывков, где характеризуются участники бала: *«Вот Уральский хребет в шитом златоносными песками мундире! Вот пещера с отголоском, повторяющим сто раз слово я. Далее в этом горбуне вы видите мост, который никуда не ведет; везде золотые ключи, которые ничего не отпирают; тут погребальную урну, хранящую французский табак, и девушек, бродящих окрест с невинными мечтами овечек. Даже <...> если позволено вздуть сравнение до гиперболы, мы можем найти здесь не одну живописную развалину, не один обломок китайской стены, не одну готическую башню, из которой предрассудки выглядывают как совы»*. (Фр. Н., 9).

Марлинского, как и многих его современников, возмущает то, что в Петербурге «ни русского мира, ни русского слова». «Провысший круг и говорить нечего: там от собачки до хозяина дома, от плиты тротуара до этрусской вазы — все не русское и в нарекании и в приемах. Бары наши преважно рассуждают, каково Брюно играл Жокрисса, как была одета любовница Ротшильда на последнем роуте в Лондоне; получают телеграфические депеши о привозе свежих устриц, а спросите-ка вы их, чем живет Вологодская губерния? Они скажут: *Je ne saurais vous le dire au juste*, т.е.: у меня нет там поместьев.

Впрочем, нравственность одна в обеих столицах: посредственность и эгоизм!» (Фр. Н., 89).

Отдельными счастливыми исключениями являются романтические герои и героини повестей. Лишь изредка Марлинский, ссыльный декабрист, полупроговаривается о своих идеалах: «Поколение наше бурная, мутная волна, но и в этой волне есть легкая пена, есть чистые капли, есть перлы, вымытые со дна морей. Сколько высоких душ знал я, сколько знаю доселе!» (Фр. Н., 103).

5. Природа в сознании романтика Марлинского вся относится к сфере возвышенного и не может быть смешной. Состояние природы часто гармонично переживаниям героев, они ее хорошо понимают, благоговейт перед нею, и прежде всего это относится к самому автору.

6. Для исчерпывающего описания образной системы Марлинского необходимо рассмотрение всей совокупности тропов, и, в первую очередь, метафор. Для выяснения своеобразия стиля Марлинского необходимо сопоставление со стилистическими системами других авторов, составляющих круг писателей-романтиков в русской литературе XIX века.

Приложение

В прилагаемый список включены сравнения, встретившиеся в названных выше пяти повестях А. Марлинского. В статье цитируется примерно треть из них.

Опубликование подобного списка кажется нам оправданным, поскольку данный материал может быть использован исследователями, интересующимися кругом поэтической фразеологии и стилем русских писателей-романтиков первой половины XIX века.

Сравнения в прилагаемом списке расположены в алфавитном порядке ключевых слов (предметов). Ключевые слова вынесены вперед и иногда объединяют целую группу сравнений, в которых ключевое слово заменено местоимением, перифразированным словом (выражением) или отсутствует вовсе. Замены, в свою очередь, расположены в алфавитном порядке в пределах группы, объединяемой одним ключевым словом. Если одинаковых замен несколько, то алфавитный порядок распространяется на действие, либо признак сравнения.

Иногда местоимение отсутствует, а ключевое слово отделено несущественным для данного сравнения текстом. В последнем случае мы приводим ключевое слово в скобках [...].

Приводимые сравнительные обороты могут быть меньше предложения, равны предложению или охватывать несколько предложений.

Список организован на основе классификации, описанной в статье. Шифры имеют следующие значения:

- 1.1.0. — семантический класс «природа», формальный тип X действует как У;
- 1.1.1. — семантический класс «природа», формальный тип: А относится к Х так же как к У;
- 1.1.2. — класс «природа», тип: Х действует в данной ситуации так же, как действовал бы в какой-либо другой;
- 1.1.3. — класс «природа», тип: А относится к В так же, как Х к У;
- 1.2 — класс «природа», тип: Х и У обладают общим количеством N;
- 1.3. — класс «природа», тип Х похож на У.

Далее шифр повторяется с заменой первого компонента: 2. — семантический класс «человек»; 3. — семантический класс «вещь»; 4. — семантический класс «животный мир».

список сравнений

1.1.0.

бездна

- 1 *бездна* глухо рычала, точно тигр, когда он пожрал свою жертву и шелкает языком, зарясь на новую, и лижет еще окровавленную морду (М.-Нур, 97);

буруны

- 2 на корабле, казалось, заметили всплески *бурунов*, которые, как печь, дымились прямо перед их водорезом (Л. Бел., 333);
- 3 *белая града бурунов*, как рубеж смерти и жизни, кипела перед ними (Л. Бел., 335);

вал, валы

- 4 *валы* еще ходили и сшибались грозно между собою, как ратники иных народов после войны со врагами заводят междоусобия в отчизне, чтобы утолить свою кровавую жажду хоть из жил братий и дотратить на них боевой огонь, раздутый привычкою (М. Н., 410);
- 5 огромные *валы*, словно стада китов, рыскали и плескались в пространстве (Фр. Н., 126);
- 6 он сквозил, как стекло, он вспыхивал, как туча, молниею (М. Н., 408);

ветер, ветерочек

- 7 *ветер* вчера гонял их то вправо, то влево, вертелся, как бес перед заутреней (М. Н., 410);
- 8 *ветер*, словно клад, не во всякую пору дается (М. Н., 403);
- 9 [*ветерочек*] колебался туда и сюда, как нынешняя литература (М. Н., 411);

воздух

- 10 воздух, казалось, напоен был дыханием цветов и пением птичек: он струился вдали как живой сафир (М.-Нур, 35);

волна, волнение, волны

- 11 ни одна *волна* не рассыплется жемчугом на берег (М.-Нур, 5);
- 12 *волнение* ходило горами (Л. Бел., 329);
- 13 куттер, склонясь набок, шибко резал волны, и они рассыпались о грудь его серебряными колосьями (М. Н., 418);
- 14 [*волны*] при солнце рассыпались радужными снопами,
- 15 при луне растопленным серебром;
- 16 в темную ночь сверкали фосфорною пеною (Фр. Н., 106);
- 17 сизые *волны океана*, как столетия, с ропотом расшибаются о твои утеса стопы (Фр. Н., 85);
- 18 *волны*, как друзья, то улыбались им, то хмурились на них, и
- 19 мерно поражая фрегат, звучали как стихи Пушкина (Фр. Н., 105);

гора

- 20 в вышине горел и дымился снежный *Шах-даг*, как серебряное кадило (М.-Нур, 75);

гранатники ...

- 21 по ним [холмам] плыли, как расцвеченные яхточки, *гранатники с огненными, миндальные деревья с белыми, персиковые с розовыми цветами* (М.-Нур, 35);

гром

- 22 *гром*, будто рокот бегущих с гор колесниц, гудя, исчезает в отдалении (М.-Нур, 178);

громады

- 23 *громады* скучивались над громадами, точно кристаллы аметиста, видимые сквозь микроскоп, увеличивающий до ста невероятий (М.-Нур, 86);

день

- 24 еще *день*, как усталый путник по знойной степи, жарко дыша прошел за горы (М.-Нур, 11);
25 *день* не хотел умирать, как богатый дядя (М.-Нур, 133);

дерево

- 26 несколько вековых *дерев*, посаженных тут рукой веры, как дань раскаяния за злое дело или залог надежды за доброе, расстилают свою прохладную тень усталому путнику (М.-Нур, 37);

дорога, дороги

- 27 *дорога* шумит и несется водопадом (М.-Нур, 175);
28 запорошенные инеем *дороги и плотины*, будто раскинутые холсты, тянулись вдаль (Л. Бел., 380);

заревое

- 29 летучее *заревое* от множества пламенников, подобно огненному змею, забагровело из тесных улиц, (М.-Нур, 171);

заря

- 30 см. 40, молния

зелень

- 31 *зелень* манила его, как покрывало красавицы, которую купит он на эти червонцы (М.-Нур, 165);

ключ

- 32 уследой журчал невдалеке горный *ключ*, летя падучею, но не гаснущую звездой с утеса (М.-Нур, 101);

край моря

- 33 см. 52, небо

- 34 *край моря* сквозит пожаром (М.-Нур, 4);

луч потока

- 35 *луч потока*, разлетевшийся в глубине в дым и в пену, будто газовый шарф, затканый в узор битью и шелками по кайме своей (М.-Нур, 84);

луч солнца

- 36 *луч солнца* посыпался на него, как червонцы, которых ждал он в Шамахе (М.-Нур, 165);

- 37 сладостно пробудиться от первого *луча солнца*, когда он, как резвун попугай, прокрадывается сквозь занавес в спальню и золотым клювом своим сбрасывает одеяло мрака с милого лица *жены*, покоящейся будто роса на листике (М.-Нур, 75);

лучи неба

- 38 небо прорвалось на западе, и разделенные *лучи* его просыпались, как огненные стрелы из колчана архангелов (М.-Нур, 176);

месяц

- 39 молодой *месяц* всплыл золотой рыбкой над голубым океаном неба (М.-Нур, 100);

молния

- 40 так все относительно в этом свете. Вожделенна *молния*, когда указывает она потерянную дорогу. Ужасна *заря*, открывающая осужденному эшафот. Для путника *первая* блистает, как свеча пиршества; для преступника *вторая*, как лезвие топора (Фр. Н., 107);

море

- 41 *море*, подобно хрустальной стене, возникало гранью небосклона с золотой трещиной посередине (М.-Нур, 101);
42 темно и тихо кругом ... только *море*, как любовник, грозит и ластится к камням Мон-плезира, в котором живем мы; только вдали повременно мелькают на яхтах *огоньки*, как неясные мысли (Фр. Н., 11);
43 [*море*] дышало уже тяжело и прерывисто, подобно умирающему (М. Н., 410);
44 см. 82, тучи
45 справа играло *море*, как оживленное серебро или глазетовая дымка. чуть струимая ветерком (М.-Нур, 63);
46 *море* с глухим гулом кипело и дымилось котлом (Фр. Н., 34);
47 *море* кипит, словно котел (Л. Бел., 330);
48 под скалой зверем ревело *море* (Фр. Н., 122);
49 *море* сверкает будто зеркало (М.-Нур, 5);
50 на востоке, будто стальной повороненный щит, окованный горизонтом, сверкало *море* под огневою насечкой лучей (М.-Нур, 114);

небо

- 51 *небо* нахмурилось, как скупец на расстаньях с деньгами (М.-Нур, 11);
52 просветлело *небо* как взор девственницы, и вот закипел восточный *край моря*, подобно заздравному кубку (М.-Нур, 105);
53 *небо* словно медное, так и тает лучами (М.-Нур, 10);

ночь

- 54 целая *ночь* испарилась как поцелуй (Фр. Н., 121);

облака, облако, облачка

- 55 посмотри на *облака*: словно недобрые люди бродят вокруг да около и промеж собой перемолвливают, куда бы на разбой стрекнуть (М. Н., 409);
56 багряные *облака*, точно огневые думы, толпятся вокруг чела твоего, неприступный утес св. Елены (Фр. Н., 85);
57 *вы* [облака вешние], как разбойники Лезгинны, любите рыскать по утесам и дремать на острие вершин (М.-Нур, 5);
58 черное *облако* вдруг, как ворон, слетает на море,
59 свертывается воронкой,
60 то вытягивается ниткою на вихре,
61 то бежит столбом (Л. Бел., 330);
62 легкие *облачка* неслись по небу, и подобно стаду диких коней прядали через огонь месяца (М.-Нур, 116);

огоньки

63 см. 42, море

перевязи плюща

64 великанские орешники, склонившись над ними, одевали их [дубы] ночью тенью, а широкие *перевязи плюща*, то перекидываясь по локтистым сучьям, то падая на землю, оплетали живыми кружевами подол этого плаща, будто сброшенного с плеч утеса (М.-Нур, 83);

полосы лены

65 они тянулись подобно строкам на мрачной бесконечной странице моря, подобно следам поколений на океане жизни (М. Н., 410);

поток

66 катится он, гневный и шумный; злобно грызет волнами ложе свое; как бешеный зверь, мечется на стены, хлещет пенною гривой, ревет громом и, наконец, разбив грудью свою темницу, весело скачет по Рустамской долине (М.-Нур, 159);

прибой

67 слышался *ропот прибоя*, словно шум толпы народной (Л. Бел., 335);

растительная черта

68 она змеилась уже не краем зеленого покрывала, а подобно городкам ковра, изорванного по камням (М.-Нур, 86);

ручей

69 *ручей*, играя светом солнца, переливался как прозрачная радуга. накрест другой окаменелой радуги (М.-Нур, 84);

Самбур

70 внизу катился бешеный *Самбур*, то разбрызгивая влажным вихрем, то судорожно свивая в кольца волны свои, точно змей, ущемленный между скалами (М.-Нур, 75);

смешение ...

71 *смешение света и теней, зелени и буризы камня*, переливающихся дивными узорами и кой-где затканых золотой ниткой вод, волновалось перед очами, как покрывало, накинутое рукою Аллаха на тайны земли (М.-Нур, 114);

скала

72 на границе между облаков и снегов возникала огромная *скала*, как наковальня Перуна (М.-Нур, 87);

смерчи

73 эти *смерчи*, как бесы перед заутреней, вьются около носу (Л. Бел., 330);
74 они очень заметны были во мраке, вздымаясь, белые, из валов, как дух бурь, описанный Камознсом (Фр. Н., 34);

солнце

- 75 *солнце* упало ярко, словно «золотой цвет»¹ на ее [сестры] груди (М.-Нур, 4);

струи

- 76 дробные *струи*, как стеклянная бахрома, вились через плиты (М.-Нур, 95);
77 *струи*, прядая через порог, белелись и веялись будто страусовое перо и, распыскиваясь о камни, играли снопами-павлиньих перьев (М.-Нур, 84);

темя Шах-дага

- 78 *его темя* блистало еще снегом, пылало огнем солнца; как душа поэта, как жерло вулкана (М.-Нур, 175);

тень

- 79 *тень*, как чужая собака, убежала прочь, поджавши хвостик (М.-Нур, 11);

теснина

- 80 сыро, душно, темно в теснине: *она* глядит полуразверзтою могилой; но есть и у могилы, как у всякой бездны, свое обаяние (М.-Нур, 179);

тучи, тучки

- 81 как изорванные знамена после боя, веют *тучи* (М.-Нур, 178);
82 и ночь задвинула небо тяжкими тучами, и *тучи* всплескались как волны, и *море* забушевало, как небо (М. Н., 409);
83 *тучи* плескались как волны по небу — грозили залить ледяной остров Шах-дага (М.-Нур, 175);
84 *черные тучи* ходили еще по небосклону взад и вперед, как победители, которые считают трупы убитых (Фр. Н., 126);
85 синие редкие *тучки*, будто шпионы, выглядывали из-за горизонта (Фр. Н., 31);

утро

- 86 *утро* раскрывалось, как цветок (М. Н., 411);

хребет, хребты

- 87 *хребет* Шах-дага не сахарной головой, а крутым порогом проникает в область холода (М.-Нур, 113);
88 другие *хребты* слева, справа, отовсюду вздымались великанскими головами один над другим, один за другим, все выше, и синее, и мрачнее, подобно чудовищным валам, вздутым Божиим гневом в страшный день потопа (М.-Нур, 175);

цветы

- 89 что касается до цветов, я покажу вам их царство, где цветут они, как ваши северные красавицы, в теплицах (Л. Бел., 351);

1.1.1.

бури...

- 90 урядник, который свyksа с *бурями и опасностями*, как с лишнею чаркой водки (Фр. Н., 129);

¹ Т. е. брошь.

валы

- 91 на *валы* смотришь как на стадо барашков (Л. Бел., 331);
92 сила ветра не позволяла валам подыматься высоко — он гнал их, рвал их — и со всего раската бил ими как тараном (Фр. Н., 29);

воды

- 93 то снова погружалась в *баденские воды*, будто в поток забвения (Исп., 293);

буря

- 94 люблю встретить бурю лицом к лицу; люблюсь ее гневом, как гневом красавицы (М.-Нур, 176);

картина утра

- 95 Искендер-бек потянулся с негою, медленно поднял веки, еще полные сновидений, и перед ним как их продолжение, открылась пышная *картина утра* (М.-Нур, 75);

луч

- 96 он, истомленный снами и бессонницею, с радостью протянул руку первому *лучу*, запавшему в его окно, как руке давно не виданного друга (М.-Нур, 40);

море

- 97 ты не моя, *прекрасная стихия*, но все еще я люблю тебя, как разлученного со мной брата, как потерянную для себя любовницу (Фр. Н., 105);

океан

- 98 скоро так приглядишься к страху, что в *океане* будешь, как в гостинной (Фр. Н., 12);

пасть теснины

- 99 он вздохнул отрадно и оглянулся на *пасть теснины*, как на страшный, на зловещий, но вздорный сон (М.-Нур, 165);

1.1.2.

бежать, бегать

- 100 прошлую ночь ветер *бежал* с берега, словно из острога с цепи сорвался (М. Н., 411);
101 ветерочек бороздил воду, будто на цыпочках *бегая* вокруг судна, чтоб не разбудить мореходцев (М. Н., 411);

знать дорогу, быть знакомым

- 102 ты уверял, что *знаешь дорогу* на Шах-даг, как на базар;
103 что скалы его тебе *знакомы*, как пять пальцев (М.-Нур, 85);

катиться

- 104 ниже, и ниже, и ниже *катились* тучи, будто готовясь задавить море (Фр. Н., 29);

метаться...

- 105 волны *мечутся, жмутся, толкуются*, будто со страху (Фр. Н., 33);

пасть ниц

- 106 ветер *пал ниц*, будто со страха (М.-Нур, 176);

подсекать

- 107 колоски дрожат и встречают луч, который *подсекает* их, словно раскаленной косой (М.-Нур, 6);

помчаться

- 108 черные тучи покатались с гор табасаранских, как будто в раздумье налегли на край Дербендского угорья, но вдруг широко взмахнув крылами, быстро *помчались* врознь по небу, словно спугнутые с утеса выстрелом бури (М.-Нур, 118);

порхнуть

- 109 ветер *порхнул*, будто дожидался приглашения (М. Н., 408);

1.1.3.

дерево

- 110 там и сям, на гранях скал, проседали цветные мхи, или *из трещины* протягивало руку чахлое *дерево*, будто узник из оконца тюрьмы (М.-Нур, 86);

звездочки

- 111 одна за одной облетали *с неба звездочки*, как поблеклые блестки с темно-голубой чадры ночи (М.-Нур, 105);

зелень

- 112 яркая *зелень* обнимала холмы, как фата грудь красавицы (М.-Нур, 63);

месяц

- 113 не прячется ли *он в ночную радугу*, как жемчужина в перламутровую раковину (М.-Нур, 4);

небо и море

- 114 посмотри на *небо и на море*: они хмурятся *на нас*, будто судья на уголовного преступника (Фр. Н., 117);

скалы

- 115 *скалы*, обросшие многовечными деревьями, пробивались *сквозь лесную зелень* все острее и обнаженнее, точно кости сквозь кожу старика (М.-Нур, 83);

снега

- 116 на *крутизне груди* [Шах-дага] не могли держаться *они*, как беды на высокой душе (М.-Нур, 85);

1.2.

ветер, ветерочек

- 117 подул *ветер* из Персии, жаркий словно лисья шуба (М.-Нур, 11);
118 *он* был неверен, как светская женщина (М. Н., 411);

гора, горы

- 119 тогда как-то *она* была совсем иначе, была глаже ладони (М.-Нур, 85);
120 *они* были безмолвны и чудны как сонные грезы, облегшие ложе дива — Шах-дага (М.-Нур, 101);

запад

121 *запад* голубее глаз моей сестрицы (М.-Нур, 4);

море

122 оно было мрачно и пусто, подобно его душе (Фр. Н., 126);

ночь

123 *ночь* для него была кратка и освежающа, словно глоток шербета (М.-Нур, 40);

124 [*ночь*] тихая, как чистая совесть, прелестная, как сама молодость, томящаяся в таинственном огне своих желаний, в радужных парах мечты своей (М.-Нур, 100);

плита

126 конь скользил по гладкой, подобно зеркалу, *плите* (М.-Нур, 164);

прилеп

127 узкий, как острие меча, *прилеп* не представлял места для поворота коня (М.-Нур, 95);

природа

128 *природа*, как человек, или, лучше сказать, человек, как природа в свое лето, вспыхив и бурен на миг (М. Н., 410);

солнце

129 *солнце* на закате было красно, как лицо английского пивовара (Фр. Н., 31);

темно

130 теперь так *темно*, <...> точно в преисподней (М.-Нур, 68);

туман

131 *туман* клубился, — хоть на хлеб намазывай (М. Н., 411);

шторм

132 не ждал я никак такого *шторма*: все ветры и все черти спущены, кажется, теперь со своры (Фр. Н., 31);

эхо

133 как ночевал [Гаджи-Юсуф] в пещерах, в которых такое сильное *эхо*, что чихни, оно — <...> здравия желаю! — отвечает (М.-Нур, 62);

13.

взрыв молнии

134 каждый *взрыв молнии* разверзал на миг в небе и в хляби огненную пасть и, казалось, пламенные змеи пробегали по пенистым гребням валов (Фр. Н., 29);

вид

135 *окрестный вид* был истинно фламандской школы: небо, подернутое байкою туманов, обстриженные деревья осыпаны пудрой инея; вдали фабрика, у которой длинные *трубы* торчали, как ослиные уши, и даже аист на башенке оранжереи — все напоминало картины Вувермана (Л. Бел., 359);

все кругом

- 136 только переклик часовых обвивает дряхлые стены звеньями звука, да море мерною зыбью ходит по берегу Вы бы сказали — это души покойников беседуют с вечностью: так *все кругом* сходно с кладбищем (М.-Нур, 4);

горки

- 137 *горки* наподобие миндального пирога (Л. Бел., 350);

морощка

- 138 *морощки*, раскинутой причудливыми узорами, подобно фате северной красавицы
139 — Лучше бы сказать, подобно русскому ситцу, — говорит один женатый помещик, — потому что русские ситцы-самodelки точь в точь морощка по болоту (М. Н., 398);

ураган

- 140 нет слов, нет звуков, чтоб выразить гуденье, и вой, и шорох, и свист *урагана*, встретившего препону; кажется весь ад пирует и хохочет с какою-то сатанинскою злобой (Фр. Н., 33);

2.1.0.

автор

- 141 *мы*, как пожигающая лава, гнали бегущих (М.-Нур, 33);
142 см. 216, жизнь
143 я хотел упорством победить упорство и, как бог Термин, прирос вблизи (Л. Бел., 393);

Алексей

- 144 *мы* бежали, как заяц от беркута (М. Н., 411);

армии

- 145 мир и твоим усам, наш доморощенный Жомини, у которого *армии летали*, как журавли, и *крепости* лопали, как бутылки с кислыми щами (Исп., 277);

Бренчинский

- 146 аппакатура V. С. Р. со звездочкой низвергла *тебя*, как прорванную волюнку (Исп., 277);

беда

- 147 *но беда*, как зараза, удаляла от него всех (М.-Нур, 148);

Белозор

- 148 дверь скрипнула, и *Белозор* упал, как звезда с неба (Л. Бел., 387);
149 *Виктор*, как подсудимый, явился в столовую (Л. Бел., 356);
150 *Виктор* очнулся наконец, как лунатик, пробужденный на колокольне (Л. Бел., 347);
151 *он*, как новый Эней, вел маленькую дружину куда глаза глядят (Л. Бел., 337);
152 можно представить ее отчаяние, когда *тот*, который, как светильник, озарил пред нею мир, <...> увлечен был от нее судьбою (Л. Бел., 382);

- 153 полагали, что [ты] тлеешь на дне морском, словно оторванный верп (Л. Бел., 389);
 154 [я] выброшен из кита, словно Иона (Л. Бел., 341);
 155 я готов охотно не только прилепиться к цветку, подобно пчеле,
 156 но прирасти к земле, как цветок, если вы сами посвятите меня в рыцари
 теплицы (Л. Бел., 352);
 157 я, как соловей персидских поэтов, обожаю розу, одну белую розу (Л. Бел., 352);
 158 вчерась я промок до самой души, проголодался, как морская собака (Л. Бел., 331);

благосклонность и ссора

- 159 что важнее для любовников: *первая ли благосклонность или первая ссора?*
 Беда вдвое, когда они приходят вдруг, подобно радуге в бурном дожде
 (Л. Бел., 357);

б о й [мальчик]

- 160 он взлетел по лестнице соколом (М. Н., 420);

б р о в и

- 161 брови Мулла-Нура сошлись как две тучи (М.-Нур, 92);

в з г л я д ы

- 162 мужские лорнеты, казалось, сожигали меня в пепел; дамские *взгляды* пронизывали наперекрест, будто Конгревовы ракеты (Фр. Н., 38);

в з о р, в з о р ы

- 163 каждый *взор* ее черных глаз блестит грустью, будто слеза (Фр. Н., 145);
 164 от пылких *взоров*, летающих, крестящихся, словно ладучие звезды (Фр. Н., 142);
 165 *взоры* его, как два сокола, стремились с подозрной башни, построенной природою перед замком Шах-дага, как два сокола играли сперва в поднебесье и потом, широкими кругами, низвергались на долину, жадные охоты и добычи (М.-Нур, 88);
 166 *взоры* ее пролились на мою душу, как масло, утишающее валы (Фр. Н., 43);

В е р а

- 167 львицей, у которой уносят последнего детенка, вскочила *Вера* (Фр. Н., 127);
 168 она противилась, как порох, смоченный небесною росой, противится искрам огнива: сотни ударов напрасны, но каждый удар сушит зерна пороха, и близок миг, когда он вспыхнет (Фр. Н., 88);
 169 она вся трепетала, как лист (Фр. Н., 81);

в е с т ь

- 170 *весть* о счастливом прибытии кувшина с священной водой из шах-дагского снегу электрической искрой промчалась по сердцам в Дербенде (М.-Нур, 117);

в о л о с ы

- 171 волной хлынули из-под нее [шапки] черные *волосы* (М.-Нур, 91);

воображение

- 172 романтическое *воображение*, которое, чуть бывало орошено ромом, пылало, как плум-пудинг (Исп., 276);

воспоминание

- 173 лишь одно *воспоминание* вползает в развалины, как змея (Фр. Н., 114);

восторг

- 174 тесно смежны в сердце женщины *восторг и отчаяние, смех и слезы*, — смежны, как две стороны червонца (Фр. Н., 138);

всадник

- 175 он чернел на снежной белизне как вылитый из чугуна памятник (М.-Нур, 96);

все

- 176 вокруг него все жужжали как пчелы <...>. И *все*, как пчелы, кормили его медом похвал (М.-Нур, 19);

Гаджи-Юсуф

- 177 он говорит: этот недоверок *Гаджи-Юсуф*, как свирепый тигр, дрался с моим другом, Кази-Магамма (М.-Нур, 107);
178 [*Гаджи-Юсуф*] клялся, как ведьма на экзамене у сатаны (М.-Нур, 91);
179 разодет был [*Гаджи-Юсуф*] как свежепривозный кашенг, франт из Тебриза (М.-Нур, 129);
180 тот казался не более ящерицы, и как пестрая ящерица, полз на коне своем (М.-Нур, 88);
181 мало тебе православных грехов, так ты, как блудливая кошка, из чужих отведываешь! Разве не знаешь, зачем пророк запретил вино? (М.-Нур, 86);
182 *Юсуф* захрапел, как лопнувший барабан (М.-Нур, 76);

Гензиус

- 183 долгоногого *Гензиуса*, который, как аист, шагал по кирпичной набережной (Л. Бел., 377);
184 я сам запыхался, как ветряная мельница (Л. Бел., 382);

глаза

- 185 *глаза* Веры засверкали, как острия кинжалов (Фр. Н., 139);
186 когда же <...> большие черные *глаза* ее засверкали на воле, ему показалось, что два пистолетных дула брызнули в грудь его молнию (М.-Нур, 50);
187 они сверкали и хмурились подобно волне, готовой и лелеять и поглотить того, кто ей вверится (Фр. Н., 15);

голос, голоса

- 188 сначала *голос* его дрожал, как металлическая струна цитры (Фр. Н., 15);
189 *голос предрассудков* звучал, как труба (Исп., 321);
190 сказала она [Вера] Правину *голосом*, который звучал сладостно, как весть прощения преступнику на плахе (Фр. Н., 96);
191 подобно жужжанию пчелиного роя струились в воздухе *голоса их* (М.-Нур, 150);

горе

192 с каждым глотком *горе* его таяло, как сахар в пунше (М. Н., 416);

Границы

193 я не могу понять, как, проповедуя против пороков не хуже Саллюстия, ты пляшешь по дудке, не говорю уж как Саллюстий, но как Репетиллов в «Горе от ума» (Фр. Н., 62);

194 я, право, скоро стану язычником, как Иосиф Сенковский (Фр. Н., 56);

грудь

195 и мало было воздуха целого света, и в первый еще день волновалась *грудь* его, — как покрывало женщины, — чуть завидя женщину в покрывале (М.-Нур, 35);

грусть

196 тогда-то овладевает человеком грусть неизъяснимая, *грусть* уже не земная, не земляная, но еще и не вовсе небесная, словно отклик двух миров, двух существований; развитие бесконечного из почек ограниченного; чувство не сжимающее, а расширяющее сердце, чувство разъединения с человечеством и слияния с природою. Я уверен, оно есть задаток перехода нашего из времени в вечность, диэз из октавы кончины (М. Н., 404);

губки

197 благоухающие *губки* распустились, как заря (Л. Бел., 355);

дама, дамы

198 она умеет спрягать глагол я *хочу*, не хуже г-жи Линьель (Фр. Н., 59);

199 *дамы* выпархивали из карет и, сбросив перед зеркалом аванзалы черные обертки свои, являлись подобны майским бабочкам (Исп., 286);

200 длинные колесницы понесли по саду и, право, блестящие *дамы Двора*, которые унизывали их, подобно ниткам жемчужным, могли издали показаться мечтой поэта — так блестящи и воздушны были они (Фр. Н., 6);

девицы

201 *девицы*, скользя по зеркальному паркету, как воздушные явления <...> (Исп., 286);

душа

202 *душа* его плавала, как индийская пери, в испарениях цветов (Л. Бел., 360);

естествоиспытатели

203 они подслушивают у дверей кабинетов, заползают под изголовья супружеские, втираются в сени палат, подкапываются под гробы,

204 проникают всюду, как золото, впииваются в душу, как лезвие, и потом, милости прошу! все ваши тайны вынесены уж на толкучий (М. Н., 405);

Жанни

205 *Жанни*, стоя на пороге спальни, пылая как роза, благодарила всех присутствующих (Л. Бел., 392);

- 206 *Жанни*, как ветер, порхнула в объятия своей матери (Л. Бел., 347);
 207 в нем [воротничке] вы покажетесь как персик между листьями (Л. Бел., 365);
 208 [она] как серна прыгнула за дверь теплицы (Л. Бел., 355);
 209 *она*, как ртуть, убегала от встречи (Л. Бел., 356);

желание, желания

- 210 новое *желание*, — темное, безотчетное, но тем не менее сладостное,носящее цвет и плод на одной ветке, подобно бразильским апельсинам (М.-Нур, 34);
 211 *они* будто волосатики вливаются в персты, разогревают кровь лучами взора (Фр. Н., 84);
 212 ночью *они* распускаются кактусом,
 213 днем избегают будто кресс-салат, проклевываются птичками... тормозят, щиплют, терзают бедное сердце (Фр. Н., 84);

жена

- 214 см. 37, луч солнца

женихи

- 215 вокруг Катеньки, сам ты известен, *женихи*, словно хмель, увиваются (М. Н., 401);

жизнь

- 216 *жизнь*, подобно удаву наводит на меня свои обаяющие глаза, и я, как жаворонок, падаю в пасть ее с неба (Фр. Н., 104);

загадка

- 217 это слово разрешило *загадку*, которая у всех свинцом лежала на сердце (М.-Нур, 20);

Звездич

- 218 *графиня* все вертелась еще перед трюмо в прелестном утреннем платье и, подобно поэту, который точит и гладит стихи свои, чтобы они по легкости казались прямо упавшими с пера, разбрасывала каштановые кудри по высокому челу с утонченной небрежностью (Исп., 295);
 219 *она* сверкает звездой на модном горизонте (Исп., 279);
 220 как дитя, я радовалась конфетам и нарядам (Исп., 306);

зевки

- 221 величественные *зевки* подобно электрической искре перелетали с уст на уста (Исп., 275);

имя

- 222 *имя* мое из уст официанта раздается словно боевая пушка (Фр. Н., 38);
 223 *я* бы хотел, чтобы мое *имя* могло смущать и страшить целые дружины, как пушка тревоги (М.-Нур, 182);

Искендер-бек

- 224 *он* горел и таял, как амбра (М.-Нур, 38);
 225 *он* живет тихо, как цветок цветет (М.-Нур, 23);
 226 *он*, как серна, прыгал между гробовых стоячих плит (М.-Нур, 33);
 227 *он*, запертый замком честного слова, прыгал как тигр в своей клетке (М.-Нур, 156);

искры

- 228 все это вместе заронило в грудь Жанни такие *искры*, которые не хуже греческого огня зажгли бы сердце в воде, не только во фламандском тумане (Л. Бел., 344);

клики

- 229 *клики торжества*, шипя как ракеты, крестились над Дербентом (М.-Нур, 11);

княгиня

- 230 *она* так ловко носила хвост свой, как лисица (Фр. Н., 7);

князь

- 231 *он*, как шампанская пробка, вспрыгнет до потолка (Исп., 290);

колокола Соловецкого монастыря

- 232 как благовестить в них станут, заслушанье: что твои райские птицы поют (М. Н., 408);

красавица

- 233 как маков цвет покраснела *красавица* (М.-Нур, 91);

кудри

- 234 светлые *кудри* и белокурые *усы* вьются колечками (Исп., 295);

купы матросов

- 235 подвижные *купы* их озарялись ярко и живописно — будто сей час из-под мрачной кисти Сальватора (Фр. Н., 30);

лекарь

- 236 полный винными парами, *он* может улететь вверх, будто аэростат (Фр. Н., 24);

Ленович

- 237 куда бы княгиня ни явилась, *он* как гриб из-под земли вырастает (Фр. Н., 64);

- 238 слепой разве не заметит, как увивается *он* около ней, как оборачивается следом за нею, будто подсолнечник (Фр. Н., 64);

лихорадка

- 239 *страстная лихорадка* пробегала по нем то ледяною, то пламенной шеткой (М.-Нур, 172);

лица, лицо

- 240 все *лица* были закрыты для него, подобно книге Семи печатей (М.-Нур, 36);

- 241 все *лица* вытянулись восклицательными знаками (М.-Нур, 9);

- 242 *лицо* вытянулось длиннее осенней ночи (М.-Нур, 57);

- 243 *лицо* загорелось, как утреннее небо (Л. Бел., 343);

ложи

- 244 *пять поясов лож* пестрелись женскими уборами; иной бы сказал: то живые цветочные вязи, окропленные росой алмазов — так ярки, так блестящи были они (Фр. Н., 141);

любовь

- 245 краткий миг дан любви на Востоке, но *она* как сновидение, умеет уместить в него тысячи оттенков, тысячи происшествий, всю долговременную борьбу европейской страсти (М.-Нур, 142);
246 глубоко лежат сердца их красавиц, <...> но *любовь* как воздух находит и к ним дорогу (М.-Нур, 119);

любовники

- 247 видали ль вы когда-нибудь две ясные капли росы рядом на листе винограда? Они долго дрожат, потрясаясь дуновением ветерка, и вдруг, как будто одушеваясь, сливаются воедино и крупной слезой ниспадают, сверкая.

Так точно слились устами наши *любовники*, забывая весь мир в упоении восторга (Л. Бел., 355);

люди

- 248 *люди* закипели на нем [корабле], как муравьи (Л. Бел., 333);

матросы

- 249 что *вы* тут болтаете, как сороки (Л. Бел., 389);
250 что *вы* раскудахтались, словно куры в корабельной клетке, не даёте доброму человеку заснуть (Л. Бел., 336);
251—252 выползли *мы*, как раки, чтоб не замерзнуть, как ужам после Воздвиженья (Л. Бел., 336);
253 [*ты*] гоголем вскочишь, когда закричат: марсовые, наверх! (Л. Бел., 380);
254 [*ты*] разом повиснешь на какой-нибудь скале устрицею (Л. Бел., 330);
255 показать только линек, [*ты*] и так благим матом вспрыгнешь, словно заяц с капусты (Л. Бел., 336);

мечта, мечтания, мечты

- 256 рука и уста и сердце встречают [в разлуке] лед, и *мечта* тонет в мерзлой реке, подобно голубку, опаленному пожаром (Фр. Н., 115);
257 пленный их красотой и величием, он не предчувствует, что эти великаны острят на его сердце топор, собираясь безжалостно казнить собственных детей или задушить, как Отелло, веру в высокое пуховую подушкой клеветы (М.-Нур, 31);
258 на кругу ее полога *мечты* проходили подобно фантазмагорическим теням (Исп., 294);

мозг

- 259 потом *мозг* его зачерствел хуже самой губки (М.-Нур, 170);

молодость

- 260—263 молодость, *молодость*! волшебный край жизни! прелестен ты, когда лежишь впереди, необозримый как надежда, а не назади, как воспоминание, когда развиваешься очам как панорама, а не как обнаженная карта (М.-Нур, 31);
264 стать может, *моя молодость* проспала бы, как чайка, на твоих бурунах (Фр. Н., 105);

Монтань

- 265 *капитан*, надувшись, как индейский петух, с гневным видом вышел оттуда (Л. Бел., 370);

- 266 капитан с значительным видом приблизился к хозяину, прокашлялся, как проповедник, который собирается говорить поучение (Л. Бел., 370);

Мулла - Нур

- 267 отраднo ли [мне], подобясь коршуну, в каждом живом существе видеть только добычу (М.-Нур, 103);
268 он летел, как стрела (М.-Нур, 173);

мысль, мысли

- 269 мысль, что ему еще куча дела <...> остановила его, будто камень преткновения (Л. Бел., 378);
270 подобно голубю, отпущенному с ковчега, она летела в край неведомый и возвратилась с веткою маслины (Л. Бел., 331);
271 мысли его, как улитковые линии, сходились всегда в одну точку — и эта точка была она (Фр. Н., 72);
272 в одиночестве, Бог знает откуда, берутся чудные прихоти, странные мысли: они сыплются невольно на голову первого встречного, как осенние листья с дерева (М.-Нур, 184);

намаз

- 273 грустно раздается намаз, будто поминка по ясном дне, отлетевшем в вечность (М.-Нур, 3);

незнакомец

- 274 незнакомец исчез, как сон (Исп., 292);

нелепости

- 275 пламенные нелепости текли струей на бумагу и, подобно ракете, рассыпались звездами слов (Л. Бел., 358);

носы

- 276 и что там за носы, в самом деле, что за чудесные носы! Осанистые, высокие, колесом, а сами так и сияют, так и рдеют: ну, вот кажется, пальцем тронь, брызнут кахетинским (М.-Нур. 61);

образы

- 277 в голове моей образы толкуются будто мошки (Фр. Н., 7);

общество

- 278 половина общества не понимает, что сама говорит <...>, поторопившись выучить привозное, как попугай (Исп., 307);
279 пускай же плетут пустые люди кружева из песку, называемые модой; пускай себе старушки в чепцах и фраках с важностью рассуждают о лучшем способе чихать за обедней и кланяться на выходах: без этих вздоров лучшее общество сгнило бы, как Пресненские пруды (Фр. Н., 61);

Ольга

- 280 вы поете, как ангел (Исп., 312);
281 далеко до зарн она была уже одета и бродила, как тень, по тихим и пустым комнатам (Исп., 316);
282 в мутном море светских предрассудков, позолоченной испорченности, суетного ничтожества — она возвышалась, как зеленеющий свежий островок, где усталый пловец мог найти покой и доверие (Исп., 301);

283 [она] порхала перед ним, как ласточка (Исп., 301);

остроты...

284 да где мне пересказать тебе все *остроты* или все *плоскости*, которые сыпались в толпе, как мишура с платьев (Фр. Н., 7);

офицер

285 ты пал, ты страшно пал, как Люцифер или Наполеон (Исп., 277);

очи

286 с *очами*, *кои*, подобно маятнику, ходили от фрегата к княгине, от моря к любовнице (Фр. Н., 127);

печаль

287—288 *печаль*, как ханская жена, умеет ходить по бархатным коврам и, как серна, прыгать на утесы (М.-Нур, 104);

писарь

289 что ты вытаращил глаза, как мерзлая щука (Исп., 281);

поцелуй

290 *поцелуй*, полуданный, полусорванный с уст Кичкени, как роскошное эхо, тысячу раз повторялся в его сердце (М.-Нур, 158);

полиция

291 не хуже ворона *полиция* чует кровь (Исп., 318);

правила корана

292 пересыпаются как жемчуг священные *правила корана* (М.-Нур, 18);

Правин

293 и его-то [сердце] за милый взгляд бросил он, подобно Клеопатре, в укус страсти (Фр. Н., 56);

294—295 он был мокр как тюлень, а суетился, будто муха над дорожными (Фр. Н., 26);

296—297 он загорелся любовью как от молний, предался ей, как дикарь, не связанный никакими отношениями (Фр. Н., 56);

298 он плавает, как ньюфаундлендская собака (Фр. Н., 26);

299 он не слышал, он стоял, как алебастровый истукан (Фр. Н., 47);

300 он утихал, как дремучие болота Рюисдала (Фр. Н., 73);

301 ты не боролся со своею страстью, не бежал от искушения, не принес себя в жертву — нет, ты, как языческий жрец, зарезал жертву во имя истукана любви и — сам пожрал ее (Фр. Н., 125);

302 я бледнел, как железо, раскаленное добела (Фр. Н., 42);

303 [я] вхожу, кланяюсь без прицела, краснею, будто каленое

304 ядро, верчусь направо и налево не лучше рыскливого корабля (Фр. Н., 38);

305 разве хочешь ты, чтоб я истаял, как воск под тропическим солнцем (Фр. Н., 87);

306 я могу лепетать по-французски не хуже дымчатого попугая (Фр. Н., 39);

307 я устремился как тигр на добычу, я возник перед ней как приз-

308 рак-укоритель (Фр. Н., 69);

предрассудки

309 не одну готическую башню, из которой *предрассудки* выглядывают как совы (Фр. Н., 9);

приветливость

310 *учтивая приветливость* следовала, как холодная тень, за выражением ласки (Исп., 289);

приветствия

311 английские *приветствия* приелись как насущные сухари (М. Н., 414);

пять...

312 *пять часов пути и шестьдесят верст расстояния* прокрались мимо, как беглецы (М. Н., 402);

разбойники

313 теперь *они* рыщут по дорогам, как голодные тигры (М. Нур, 67);

314 вереницей диких голубей, обгоняя друг друга, понеслась *шайка разбойников* к Тенгинскому ущелью (М. Нур, 106);

разлука

315 *разлука* встает между любящимися будто ледяная стена — и на ней, 316 словно на волшебном фонаре, изображается в тысяче видах все бывшее (Фр. Н., 114);

317 опустошает, как Тимур-Ленг, душу *разлука*, душу челоzeка, одаренного мыслию и чувством (Фр. Н., 114);

рассказ

318 потом, разгораясь на бегу подобно колеснице, *рассказ* его превратился в какую-то жалобу (М. Нур, 188);

рассудок

319 *его* стоит выкинуть теперь за борт, как пустую бутылку (Фр. Н., 49);

рот

320 *рот* Гензиуса растворился, как шлюз (Л. Бел., 345);

румянец

321 он любовался <...> ее лицом, на коем разлит был тонкий *румянец*, как юное утро мая (Исп., 312);

322 яркий *румянец* вспыхнул розами на щеках Ольги (Исп., 312);

русские

323—324 только поставят их постоем, смотришь — глядишь, *они* уж приятели с нашими молодушками! Подкатится яблоком, рассыплется бисером, а там ... (М. Нур, 131);

(г-жа) Саарвайерзен

325 *госпожа Саарвайерзен*, подобно увесистой планете, кружилась около огня (Л. Бел., 349);

(г-н) Саарвайерзен

326 *отец* ее являлся только домой, подобно карпам в пруде Марли — по звону колокольчика (Л. Бел., 350);

сердце

327 *сердце* его вздувалось, как парус, то опадало, как волна (М. Н., 406);

328 чистое *сердце* — точно волшебная прялка: она выпрядает золото поэзии из самой грубой пеньки вещественности (Фр. Н., 108);

- 329 *сердце* ее жаждало любви, как сухая губка (Фр. Н., 90);
 330 вспыхнули ее щеки, затрепетало ее *сердце* словно голубь, пущенный на волю (М.-Нур, 120);
 331 *сердца* зашипели словно шампанское (Фр. Н., 56);
 332 [*сердце Искендер-бека*] не переставало звенеть, словно колокольчик (М.-Нур, 49);
 333 *сердце* его было на время оглушено разлукою, и оно очнулось лишь тут; оно пробудилось как младенец, подкинутый безжалостною матерью к чужим воротам, зимою — и первый звук, из него вырвавшийся, был болезненный крик отчаяния (Фр. Н., 114);
 334 *сердце* мое погаснет, как лампада без масла (Исп., 299);
 335 *сердце* ее, кипящее юностью, легко приняло впечатление страсти, как плавкое стекло (Л. Бел., 382);
 336 о, какое бы юное, любящее *сердце* не распустилось негой, как ночной цветок под свежим дыханием южной ночи (М.-Нур, 101);
 337 *сердце*, которое, как подземная жила, переполненная пылающею серой, рвется сбросить с себя громаду (Исп., 319);
 338 [женское] *сердце*, как пустой дом, требует постояльца (Л. Бел., 382);

слезы

- 339 слезы брызнули из глаз бедняги в три ручья. — и именно в три, потому что *две струйки* сливались у него на носу и катились вниз рекою, точь в точь как Юг и Сухона образуют Северную Двину (М. Н., 402);

слова

- 340 односложные *да* или *нет*, словно иголки, входили ему в сердце (Л. Бел., 356);
 341 невнятные *слова* вырывались из моих уст подобно клочьям паруса, изорванного бурей (Фр. Н., 42);
 432 *они* загорались, подобно электрическому фейерверку, от прикосновения проводника (Фр. Н., 116);

слово

- 343 «прошайте», *слово* <...>, которое, как железный гвоздь, вытягивается в бесконечную проволоку, в страну, из которой каждый повев ветра извлекать будет звуки печали (Фр. Н., 111);
 344 каждое *слово*, как сахарный *ногуль*, катится, будто розовая вода на душу льется (М.-Нур, 19);

слуга

- 345 как не стыдно тебе расплакаться, как теленку (Исп., 319);

смерть

- 346 *смерть* — ты улыбаешься мне, как Вера (Фр. Н., 135);

совещания

- 347 все *совещания ученых и обиженных* кончались обыкновенно как совет мышей — не находили молодца, который бы привязал колокольчик на шею кошке, Англии (М. Н., 413);

сон

- 348 *сон*, как пуховик, охватил восторженника своими ласкательными крылами (Л. Бел., 342);

Стрелинский

- 349 *Валериан* <...>, подобно блуждающей доселе комете, начал обращаться в кругу их (Исп., 300);
- 350 *вам* угодно было оседлать судьбу для извинения своей двуличности и утешать меня, как зловещая птица, старинною песнею светских друзей: «Я говорил тебе: быть худу! Я тебе предсказывал! Я предупреждал тебя» (Исп., 314);
- 351 как будто с ним [словом «люблю»] *он* должен был рассыпаться, как клад от аминя (Исп., 305);
- 352 *я* и тогда счел бы себя счастливым, наслаждаясь, как бабочка, одной весною (Исп., 299);

таможенники

- 353 лучше всякого ворона чувт *они* добычу, и будь контрабанда спрятана хоть в желудке, от них она не скроется (Л. Бел., 377);

танцоры

- 354 *я* готова возненавидеть танцы из-за *танцоров*, *которые*, как деревянная кукушка в часах моей бабушки, вечно поют одно и то же, и наводят тоску своим кукованьем (Фр. Н., 8);

толки

- 355 *толки о погоде* <...> ложились свинчатками на сердца Дербендцев (М.-Нур, 9);

тоска

- 356 тяжкая *тоска* отзывалась в последних словах его, тоска, глухоревающая из сердца, как лев, замкнутый в пещере, обрушенную скалой (М.-Нур, 187);

удар

- 357 *удар* пал как Божий гнев (М.-Нур, 97);

улыбка

- 358 *улыбка* проглянула на милом лице ее, словно луч солнца сквозь вешний дождь (Л. Бел., 364);

ум

- 359 это доказывает, что натошак и голландский *ум* может летать, по крайней мере, как волан (Л. Бел., 377);

уста

- 360 доселе безмолвные *уста* ее изливали поток любезностей, подобно Самсонову фонтану в Петергофе, который брызжет только для важных посетителей (Исп., 287);

усы

- 361 огромные *усы*, висящие словно крылья огромного носа (М.-Нур, 106);

участь

- 362 *участь друга* свинцом налегла на сердце (Фр. Н., 135);

ученик

- 363 я уверен, что самый *тупой ученик* с помощью пары женских глазок в несколько заседаний станет понимать обо всем, как славный Пико де ла Мирандола, который на 12-м году выдерживал ученые споры на всех живых, мертвых и полумертвых языках (Л. Бел., 344);

фантазия

- 364 *круг фантазии*, которая, подобно часовой стрелке, пробегает время и пространство, не удаляясь от средоточия своего, сердца (Исп., 312);

франтик

- 365 рассыпается *он* в объяснениях мелким бесом (Фр. Н., 59);

хозяин

- 366 эй, *хозяин!* кой черт ты любишься на наши ружья, да с проезжими слово-но шемаханская плясунья шепчешься? (М.-Нур, 82);

человек

- 367 не *каждому* дано пересекать пути многих страстей, подобно комете, пронзающей многие солнечные системы (Фр. Н., 85);
368 *ты*, как ястерб Прометея, будешь век терзать свое сердце (Фр. Н., 140);
369 зачем не дано *человеку* способности, как сурку, засыпать на всю зиму настоящего горя (М.-Нур, 31);
370 *человек* превращается весь в чистое, безмятежное святое чувство самозабвения и мироневедения, как младенец, сейчас вынутый из купели и дремлющий на зыби материнской груди, согретый ее дыханием, улеянный ее песнью, (М. Н., 404);

чувство

- 371 *чувство* <...>, подобно лавине, рушится на сердце и погребает его в хладе отчаяния (Исп. 319);

2.1.1.

бедняга

- 372 *беднягу* уволокли, как мешок с просом (М.-Нур., 94);

беда

- 373 в *беду* падают, как в пропасть (М.-Нур, 148);

Бог

- 374 *Бога* не обманешь поклонами да жалобным голосом, как русского коменданта: знает он вас давно (М.-Нур, 17);

Белозор

- 375 добрая хозяйка привыкла к *нему*, <...> будто к старому ореховому ко-моду (Л. Бел., 363);
376 я знаю о *тебе* столько же, как о летучей рыбке, которая, взлетает над морем и опять скрывается в море (Л. Бел., 372);

век

377 весь *век* мой бросил бы слитком золота в поток забвения (Фр. Н., 79);

Вера

378 дай *мне*, как пчеле, упиться росой этого цветущего воспоминания (Фр. Н., 18);

379 чтобы любоваться *вами*, как миром, слушать как райскую птичку (Фр. Н., 79);

380 вы убиваете *меня*, как Авеля, — зачем я-принесла одни чистые плоды на жертвенник любви (Фр. Н., 94);

взоры

381 *в них*, как в зеркале, отражались и гнев за мою обиду, и страх за мою жизнь (Фр. Н., 43);

воображение

382 странное действие производят они [волны] на воображение тронутого человека! Игра их отражается *в нем* будто в зеркале (Фр. Н., 114);

глаз, глаза

383 *в глазе*, как в яблоке познания добра и зла, таятся семена жизни и смерти (Фр. Н., 101);

384 из *глаз* у меня, как с огнива, искры посыпались (Л. Бел., 336);

гребец

385 *другого* прищемило днищем и расплющило как пуговицу (Фр. Н., 133);

грудь

386 когда он увидал нечаянно <...> *два эти снежные холма*, будто две зари, разделенные таинственным сумраком (М.-Нур, 38);

доказательства

387 Жанни глотала все *доказательства* отеческие, как зерна перца (Л. Бел., 373);

душа

388 девственну и чисту сохранил я ее до сих пор — и теперь бросаю *ее* к ногам твоим, как разорванный вексель (Фр. Н., 123);

женщина

389 *ее* также трудно узнать в тысяче белых покрывал, как мелькнувшую волну между синих волн Каспия (М.-Нур, 42);

жизнь

390 везде находит он [юноша] отголосок своей любви и дружбе, но, бросая той и другой беззаботно *жизнь* свою в жертву, как перчатку или как платок, он не отдает им счастья жизни (М.-Нур, 31);

391 ты мне *жизнь* и квас сделал хуже уксуса (М. Н., 415);

забытье

- 392 княгиня погрузилась в долгое, тяжелое забытье — забытье без чувств и мыслей — *забытье, в котором*, как в мертвом море, нет ни зыби, ни прилива, ни отлива, не витают рыбы, не перелетают через птицы: все иссушено, все задушено (Фр. Н., 138);

зрачок

- 393 *на коем*, как на гомеровском щите Ахиллеса, рисуется вся природа (Фр. Н., 101);

имя

- 394 неужели не найти дамы, *на чье* доброе *имя*, как на этот хрустальный бокал, не всползет ни один червяк злословия (Фр. Н., 63);
395 за час перед этим я имела *имя, отечество, семью, друзей* — ты оборвал с меня *все это*, как цветы; как эти цветы растоптал ты их пятою (Фр. Н. 127);

Искендер-бек

- 396 не дай [мне] умереть, как соловью, на шипах этой розы (М.-Нур, 52);
397 я бы рада обнять *тебя*, как пояс сабли (М.-Нур, 142);

качества

- 398 когда-нибудь люди научатся прививать детям *хорошие качества*, как коровью оспу, и лечить *от страстей*, как от прилипчивых болезней (Исп., 322);

Л...ой

- 399 соперник положил *его*, как рябчика, на барьер (Исп., 317);

лесть

- 400 земля ваша так же легко произращает *лесть*, как апельсины и лимоны (Исп., 291);

лицо

- 401 слезы каплют у меня *с лица*, будто с молодого сыра (Л. Бел., 373);
402 склонившись над прекрасным его *лицом*, которого, как снегу Шах-дага, не могло осмуглить жаркое солнце, а только подернуло зарей, прислушивался к его дыханию (М.-Нур, 88);

матросы

- 403 накрою [их] враспloh, как утят в гнезде (Л. Бел., 381);
404 *их* хватали, вязали и укладывали, как селедок (Л. Бел., 388);

Монтань

- 405 Белозор хладнокровно оторвал от себя *Монтаня*, как кошку, и бросил его на стул (Л. Бел., 387);

Мулла-Нур

- 406 только поглядеть *на меня*, как на ручного тигра, желал ты, наравне со многими своими земляками (М.-Нур, 184);
407 здесь *тебя* не выследят как дикого зверя (М.-Нур, 103);

Мулла-Садек

- 408 облупил [меня], словно каштан, разбойник (М.-Нур, 152);

Никитин

409 пустил *тебя* круглым сиротою кататься, словно медный грош, по белу свету (М. Н., 401);

нос

410 «тут что-нибудь недаром», — подумал капитан, поворачивая *носом*, как флюгером (Л. Бел., 377);

объяснения

411 дальнейших *объяснений* думы его [садовника] надобно было бы ожидать, как поздней капусты (Л. Бел., 359);

память

412 в *вашей памяти*, как в снегу, не расти цветам (Л. Бел., 354);

пленники

413 *пленников* вытащили из-под сети поодиночке, как перепелок (Л. Бел., 381);

поцелуй

414 Виктор срывал *поцелуи*, как розу за розою (Л. Бел., 360);

Правин

415 Правин смехался. *Он* был пойман, как школьник, который выскочил вперед для объяснения с учителем, и оробел от его грозного взгляда (Фр. Н., 77);

связь, связи

416 неопытная женщина, <...>, которая обрадована первой *связью*, как новою игрушкой (Исп., 304);

417 и ты говоришь о подобных *связях* так легко и равнодушно, будто о трюфелях ...

— Да неужели ты думаешь, что *они* для модного света важнее, чем трюфели? (Фр. Н., 58);

сердце

418 океан взлелеял и сохранил его девственное *сердце*, как драгоценный перл (Фр. Н., 56);

419 закрыв шляпою *сердце*, точно как голубка, чтоб оно не выпорхнуло, пробирался я дальше (Фр. Н., 68);

420 тебе недолго носиться с *пустым сердцем*, как с сумой по миру (Фр. Н., 58);

страсти

421 см. 398, качества

страстишка

422 он поймал эту глупую *страстишку*, как жемчужину со дна моря, в день смотра (Фр. Н., 26);

утопленник

423 воды, текущей с *утопленника*, как с зонтика (Фр. Н., 17);

Фетхали

424 он *тебя* поймал в западню: оставь же лучше в западне свой хвост, как лисица (М.-Нур., 127);

хладнокровие

- 425 [негодование], подавленное будто льдом, *хладнокровием наружным*, тем сильнее крушило сердце (Фр. Н., 95);

чувства

- 426 *чувства* нельзя забыть как моду (Фр. Н., 40);

2.1.2.

биться

- 427 сильно *билось* сердце Искендера: если б насадить его на бревно тарана, оно бы само пробило стену (М.-Нур, 116);

вертеться на стуле

- 428 я краснел, я бледнел, я *вертелся на стуле*, будто он набит был иглами, и бедная шляпа моя чуть не пишала в руках (Фр. Н., 39);

вздрогнуть

- 429 Мугаррам-бек *вздрогнул*, будто скорпион кольнул его ниже кушака (М.-Нур, 154);

вздymаться тяжело

- 430 грудь его *вздymалась тяжело*, будто свинцовые валы обливали ее своею тяжестью, будто лежала на ней колоссальная рука судьбы (Фр. Н., 115);

глядеть

- 431 они так и *глядели*, капитан, будто у них в каждой пуговице сидело по целой роте чертей (Л. Бел., 375);

- 432 Фетхали *глядел* так пристально себе под ноги, будто выбирал хорошенький булыжник для перстня (М.-Нур, 27);

говорить

- 433 *говорили* много, спорили еще более, так что на потоке их пусторечья можно бы выстроить мельницу о четырех поставах (М.-Нур, 16);

- 434 а как примется говорить, Господи, твоя воля, *как говорит!* Кажется язык у него не во рту, а в сердце: так цветы и сыплет — успевай только загребать ушами (М.-Нур, 25);

гremеть

- 435 с промежутками, одно за другим *гremели* огромные орудия, грозно, таинственно, повелительно! Вы бы сказали: то голос судьбы, которому вторило небо (Фр. Н., 100);

[быть] испуганным

- 436 если б граната лопнула в его кармане, он бы *менее был испуган*, чем такою неожиданною строгостью (Л. Бел., 355);

исчезнуть

- 437 два мгновения после его уже *не было*, словно он утонул в земле (М.-Нур, 82);

капать

- 438 лев с важностью стоял над водоемом, ожидая воды, которая лишь *капала* с морды его, как будто он получил насморк (Л. Бел., 351);

клясться

439 *клянется* он так, что ведьмы крестятся от ужаса (Фр. Н., 60);

морщиться

440 три Грации *морщились* на петербургских красавиц, будто хлебнули амброзии, которая скислась (Фр. Н., 142);

обмануть гяура

441 *обмануть гяура* все равно, что приложить кусочек к сердцу Али: три греха с души долой (М.-Нур, 127);

оставить ...

442 [Жанни] *оставляла стул посреди комнаты* — вещь, которая для матери ее была страшнее планеты, грозящей стоптать землю (Л. Бел., 362);

отпрянуть

443 княгиня *отпрянула* от него ... как будто коснулась змия (Фр. Н., 139);

покачиваться важно

444 говорил мне один дипломат, *покачиваясь так важно*, как будто б от его равновесия зависело равновесие Европы (Фр. Н., 8);

приехать

445 Мулла-Садек *приехал* к нам, будто из Ноева потопа выплыл (М.-Нур, 152);

(быть) расстегнутым ...

446 весь он *был расстегнут и распоясан*, будто на карантинный осмотр (М.-Нур, 107);

рыскать

447 с тех пор наш капитан *рыскает*, будто сам лукавый стоит у него на руле (Фр. Н., 27);

сжать сердце

448 воспоминание о гибели великодушного капитана *сжало* мне сердце, будто стальной перчаткой (Фр. Н., 17);

сжаться

449 у бедняги сердце так *сжалось*, что его можно было уложить в грецкий орех (М.-Нур, 169);

скатить

450 уж поветер-то как по маслу *скатим* в Соловки, когда вздумается (М. Н., 403);

слиться устами

451 уступая оба неодолимому очарованию страсти, они *слились устами*, будто выпивая друг из друга жизнь и душу (Фр. Н., 123);

(не) слышать

452 ты ничего *не слышишь*, будто уши по воду послал (М.-Нур, 130);

смастерить дело

- 453 он *смастерит дело* так искусно, что сами бесы будут краснеть от зависти (Л. Бел., 377);

смотреть в стакан

- 454 мы пьем, а он *смотрит в стакан*, словно гадает на кофейной гуще, как тетушка Пелагея Фарафонтьевна (Фр. Н., 27);

упасть

- 455 ты очень ксати *упал*, как с облаков (Л. Бел., 341);

хохотать

- 456 то *хохочет*, будто исфаганского *нагильчи*, сказочника слушает (М.-Нур, 132);

яснеть, хрусталеть

- 457 [чувство] *яснеет, хрусталеет*, — как будто лучи солнца, отразясь о поверхность океана и пронзая чувства во всех направлениях, передают сердцу свою прозрачность и блеск, обращают его в звезду утреннюю (М. Н., 404);

2.1.3.

автор

- 458 у меня страсть к *философии*, как у Санхо-Пансы к пословицам (Исп., 280);

английский капитан

- 459 он решился идти *вслед за нею* [эскадрою], как чакалка за тигром (М. Н., 417);

Вера

- 460 как в тысячах звезд назвал бы я звезду любимую, так издали и *в толпе* распознал я княгиню *Веру* (Фр. Н., 68);

- 461 ее не защищала любовь к *человеку доброму*, но пустому, но холодному, к которому тетушки и судьба приковали ее как узника к колоде (Фр. Н., 90);

Гаджи-Юсуф

- 462 как зарывает ноздри в песок *верблюды*, почуяв *гибельный налет самума*, так пал ниц Гаджи-Юсуф от повева этого имени (М.-Нур, 93);

глаза

- 463 его *глаза прильнули* к Душеньке, будто бабочка к розе (Фр. Н., 75);

губки

- 464 *губки* раскрылись *улыбкой*, будто жемчужная раковина от солнечного луча (Фр. Н., 144);

дамы

- 465 я видел в Турции одну баядерку: она вынула из-под подушки своей вески и медленно взвешивала предлагаемые ей червонцы, надбавляя цены, глядя в очи путника. Не так ли взвешивают твои *дамы сердечную забаву*, бросая в другую чашку возможность скрыть ее (Фр. Н., 61);

душенька

- 466 не выманит ли какую *душеньку* на абаз, как скорпиона на свечку (М.-Нур, 79);

замечания

- 467 я кладу свои *замечания* в *ум ваш*, как свои деньги в ломбард: на имя неизвестного (М. Н., 406);

Искендер-бек

- 468 если б мой племянник Искендер-бек услышал хоть за стеной твою песню; он бы разбил стену грудью, чтобы увидеть эту певичку, а если б увидал, то похитил бы *тебя*, как лев серну (М.-Нур, 51);

Кичкене

- 469 пешие и конные, мужчины и женщины окружали *шатер*, под которым как луна в облаке, скрыта была красавица *Кичкене* (М.-Нур, 172);

любовь

- 470 *любовь* без глупостей на письме и на деле все равно, что развод без музыки: бумага все терпит (Исп., 278);
471 распысканная духами *модница-любовь* убежит от *смоляного духа*, как бес от ладану (Фр. Н., 72);

любовник, любовники

- 472 он горд, *похитив первый поцелуй*, как Прометей, похитив огонь с неба (Фр. Н., 84);
473 как ненасытен был он [*Наполеон*] — олицетворенное властолюбие — к *завоеваниям*: почти так же ненасытны все любовники ласками (Фр. Н., 85);

Монтань

- 474 досада его раздражалась еще более тряскою рысью огромной фризской лошади, на которой он был точно миндаль на прянике (Л. Бел., 374);

мошенник

- 475 вцепился *мошенник* [в *Гаджи-Юсуфа*], точно ястреб в фазана (М.-Нур, 71);

муж

- 476 он принимает меня, как учитель дитя (Фр. Н., 10);

Мулла-Садек

- 477 прослезился мой *Садек*, бросив последнее в *кису Мулла-Нура*, как плачем мы, бросая горсть земли в могилу родимого брата (М.-Нур, 169);

мысль о любви

- 478 зачем эта *мысль* впелась в мое сердце, закабаленное свету, как эта живая роза в хитросплетенные косы мои (Фр. Н., 10);

Никитин

- 479 около него резвилась уж целая толпа его *нисходящих потомков*, и он глядел на них нежно и любовно, как иной сочинитель на свое литературное потомство, — мал мала меньше, запеленанное в телячью кожу с золотым обрезом, которое, мечтает он, грядущие веки будут няньчить на подхват (М. Н., 412);

обед

- 480 как наши старинные московские *обеда* начинались *холодным*, так у них неизбежно отправляется вперед вопрос: *Vous aimez la danse, madame?* (Фр. Н., 8).

пламя любви

- 481 она плакала, и *пламя* погасало в *Правине* от *немногих слез* милой, как по народному поверью гаснет, молниєю запаленный, пожар от парного молока (Фр. Н., 88);

разговор

- 482 *разговор* перелетал то мотыльком, то пчелой с цветка к цветку, от *предмета* к *предмету* (Исп., 289);

слезы невинности

- 483 как молния превращает полюсы компаса, так всемогущие *слезы невинности* превратили в *доброту* все *семена зла* и *злобы*, в груди таящиеся (Исп., 324);

слово «да»

- 484 слово это очень коротко, но мне так же трудно было выпустить *его* из *сердца*, как последний рубль из кармана в полудороге (Исп., 280);

слова

- 485 *слова* сыпались из *рта*, как из переспелого колоса, но завялые семена падали на каменную почву (М.-Нур, 56);

страсти

- 486 *вино* выказало *страсти* *обоих* — как обозначает оно в хрустале незаметные дотолы украшения (Фр. Н., 28);

хозяин и хозяйка

- 487 неумолимые *хозяин* и *хозяйка* терзали *его*, как журналисты читателей при академической выставке: каждая редкость была ему колесом пытки (Л. Бел., 347);

2.2.

автор

- 488 я скромнее мусульманской могилы, — про наши не говорю: они болтают такой вздор эпитафиями, проговариваются так неосторожно, что крашнеешь за них (М.-Нур, 28);

Алексей

- 489 *Алексей*, бледный как саван, сидел, уцепившись за борт (М. Н., 409);

Белозор

- 490 утром первого ноября, светел, как майский мотылек, порхнул *Виктор* в теплицу (Л. Бел., 363);

болтанье

- 491 знаю, что мое *болтанье* для тебя несноснее *штиля*, скучнее *расходной тетради* офицерского стола (Фр. Н., 50);

(XIX) век

492 наш холостой XIX век так же прихотлив, будто жентый вельможа (М. Н., 417);

взор Наполеона

493 на нее падал мимолетный, как молния, *взор Наполеона*, безумствующего о завоевании мира (Фр. Н., 75);

Вера

494 *Вера* была тогда прелестна, как страстное желание поэта, в котором более неба, чем земли (Фр. Н., 122);

495 [*Вера*] хороша собой, как царская яхта,

496 вертлява, как люгер, и, говорят,

497 умна, как бес (Фр. Н., 24);

498 мне стало так хорошо в ладье, будто в колыбели когда-то (Фр. Н., 13);

499 она была бледна, как батист (Фр. Н., 95);

500 поутру на выходе она была весела, словно ласточка (Фр. Н., 82);

501—502 ты сама прелестна, как жизнь, Вера! произнес он, обтекая ее взорами <...>: ты божественна, как смерть, потому что заставляешь забывать все, потому что заключаешь в себе рай и ад (Фр. Н., 123);

вражда к людям

503 *вражда к ним* горче полыни (М.-Нур, 103);

Гаджи - Юсуф

504 *Гаджи-Юсуф*, трепетный, как тополевыи лист (М.-Нур, 106);

505 [*Гаджи-Юсуф*] пал, расплющенный страхом тоньше турецкого шаура (М.-Нур, 93);

506 он бесстрашен, как барс (М.-Нур, 89);

глаза

507 *глаза* его <...> влажные, голубые, как волна моря (Фр. Н., 15);

голова

508 *голова и киста* так пусты, что дунь, улетят (М.-Нур, 53);

голос

509 страшный, как труба, пронзающий могилы и рассеивающий льстивые грезы грешников, раздался над ними *голос* (Фр. Н., 123);

510 крикнул лейтенант таким *голосом*, что он мог бы разбудить мертвых (Фр. Н., 29);

Гремин

511 князь *Гремин* сидел там мрачнее сентябрьского вечера (Исп., 321);

дамочка

512 хорошенькая *дамочка* бурливее мыса Горна (Фр. Н., 27);

девушка

513—514 бела, как хлопчатая бумага, стройна, как серна (М.-Нур, 48);

Жанни

515—516 умна, как день, но зато уж зда, как медяница, как змея с погремушками (Л. Бел., 356);

забияки

517 увидя там *забияк*, вооруженных с головы до ног и таких страшных с ног до головы, что наши саперы старой гвардии показались бы перед ними голубками (Л. Бел., 375);

засуха

518 я только чувствую засуху в желудке, такую *засуху*, что там, чай, паук сети раскинул (М.-Нур, 117);

Звездич

519 *Алина* <...> мила, как сердце. и умна, как свет (Исп., 279);

520 я буду с вами холодна, как мрамор (Исп., 294);

идея

521—522 высока как небо, чиста как луч солнца, многоплодна как самый климат Греции, была *идея* выразить сочетание души с телом, или юности с любовью, любовью Амура и Психеи (Фр. Н., 75);

имя Искендер-бека

523 *имя его* стало белее и слаще сахару (М.-Нур, 156);

Искендер-бек

524 он сидел бледный, безмолвный, с неподвижными очами, как тело, только что охладевшее в труп (М.-Нур, 128);

525 он несносен, как пустая бутылка (М.-Нур, 132);

526 порою [он] бывает такой крутой, что на козе не подъедешь (М.-Нур, 24);

527 печален так, словно сердце твое забили в фелаку, лешетку и отдубасили по пятам (М.-Нур, 130);

528 стал угрюм, как голодный кади в пост (М.-Нур, 115);

Катерина Петровна

529 *Катерина Петровна*, прелестная, как все Катерины вместе, и миловидная, как ни одна из Катерин, до сердца приглянулась нашему плавателю (М. Н., 400);

косы

530 черные, как смоль (М.-Нур, 37);

лицо

531 на полном, как месяц, *лице его* <...> пробежали облака сомнения (Л. Бел., 340);

любовь

532 *любовь его* была глубока, как море (Фр. Н., 114);

мальчик

533 *мальчика* лет осьми, миловидного, как амур (Л. Бел., 393);

534 обвязав ветвями хорошенького, как ангел, *мальчика* (М.-Нур, 10);

Мир-Фейзуллах-Тебриз

535 скромн, как изголовье (М.-Нур, 126);

Монтань

536 — Он для меня несноснее барабана, — сказал первый.

537 — Он для меня страшнее моли, — сказала вторая (Л. Бел., 364);

моряк

538 я самого любезного из моряков считала немного половче моржа, играющего на гитаре, которого показывали в кадке под качелями (Фр. Н., 15);

Мулла-Нур

539 он был огромен и неподвижен как памятник (М.-Нур, 96);

540—541 счастливец ты: волен, как ветер, как орел, не знаешь пут, как ему—тебе подругой орлица (М.-Нур, 101);

Мулла-Садек

542—543 бледный, как воск, трепетный как плат на ветре, стоял Мулла-Садек (М.-Нур, 167);

мысль

544 мысль чистая, как слеза, сверкает во взоре (Фр. Н., 102).

название

545 существо, которое в светской книге животных значится под именем: *добрый малой и лихой малой* ... название самого эластического достоинства, как резинные корсеты: оно для неразборчивого нашего племени заключает в себе всякую всячину, начиная с людей истинно благородных и отличных, до игрока, поддегивающего карты (Фр. Н., 53);

недруги

546 оба недруга вошли в комнату лучезарные и миловидные, ни дать, ни взять, как персидский орден Льва и Солнца, тем сходнее, что тегеранские живописцы изображают обыкновенно льва бородатым козлом, а
547 солнце червонцем (М.-Нур, 57);

новость

548 новость приторнее ананасов (Фр. Н., 5);

нос

549 у дербендского бека, Гаджи-Юсуфа <...> такой ветрорез, что конечно, сделал бы честь любому носорогу (М.-Нур, 61);

обидчик

550 он покраснел краснее своих отворотов (Фр. Н., 42);

Ольга

551 [Ольга] мила, как ангел (Исп., 280);

платонизм

552 платонизма, прелестного и невинного, как цветок, соединяющий в чашечке своей оба пола (Фр. Н., 86);

Правин

553 вы меня считаете в ощущениях ветренее всякой дамы, которая, сбросив с себя украшение, назавтра забывает или, нашедши, презирает его (Фр. Н., 40);

- 554—555 [*Правин*] добр, как ангел, смел, как черт (Фр. Н., 27);
556—558 знаешь ли, что я богаче теперь Ротшильда; самовластнее англий-
ского короля, что я облечен в гибельную силу, как судьба (Фр. Н., 122);
559 я так же ловок, как выброшенный на берег кит (Фр. Н., 38);

привязанность

- 560 я уже излечился от охоты искать своего счастья в женщине, которой
привязанность изменчива, как цвет хамелеона (Исп., 314);

разговор

- 561 *разговор*, как вафли, хорош только прямо с огня и в летучей пене шам-
панского (Фр. Н., 40);

репутации

- 562 у нас *репутации* так же круглы и белы, как бильярдные шары — по
какому бы сукну они ни катились (Фр. Н., 61);

ротик

- 563 *ротик* так мал, как скважина жемчужины (М.-Нур, 112);

сердца

- 564 *сердца* ваши исписаны грехами чернее, чем книга Седжилъ, в которую
заносит ангел Джебраил злодеяния человеческие (М.-Нур, 17);

сестра

- 565 *сестра* твоя не выходит из дому, да и дома почти нема как рыба
(М.-Нур, 127);

совесть

- 566 *она* светлее клинка моей сабли (Исп., 313);

соседка Софьи

- 567 *соседка твоей Софьи*, Жозеф, прелестна, как сама задумчивость (Фр. Н.,
145);

Стрелинский

- 568 вы невинны, как шестинедельный младенец, как церковная ласточка
(Исп., 313);

счастье

- 569 для меня дорого твое *счастье*, как золотая нитка (М.-Нур, 52);

уважение

- 570 *оно* столько ж для меня занимательно, как ветер в Барабинской степи
(Исп., 315);

Фетхали

- 571 встал с улыбкой, будто она хотела укусить (М.-Нур, 57);

усы (молодые)

- 572—573 не чета *они* нашим заслуженным усам, подстриженным, как наши
надежды, колким, будто эпиграммы Пушкина (М.-Нур, 35);

- 574—575 найти *юношу* чистого как снег, который должен собрать он; как луч, который растопит этот снег <...> это не шутка под тенью виноградников и персиковых деревьев (М.-Нур., 22);
- 576 он был так доволен своими красными отворотами, так счастлив блеском, его окружающим, будто майская бабочка в ясный день (Фр. Н., 143);

2.3.

Вера

- 577 со своими воздушными формами *она* казалась с неба похищенную Пери, на коленях сурового Дива (Фр. Н., 123);
- 578 я так пышно скучала, так рассеянно грустила, так неистово радовалась, что ты бы сочла *меня* за Отаитянку на парижском бале (Фр. Н., 5);

воображение гусара

- 579 всевозможные тосты, в изобретении коих *воображение гусара*, конечно, может спорить с любым калейдоскопом (Исп., 275);

Гензиус...

- 580 сухощавый *Гензиус* и шаровидный *хозяин*, как постный сочельник и сытное Рождество, замкнули шествие (Л. Бел., 367);

глаз, глаза

- 581 *два глаза* и *носик* ее точно буквы джим, алиф и нун, рядом поставленные с двумя точками внутри (М.-Нур., 111);
- 582 голубые его *глаза* больше ваших браслетных яхонтов (Исп., 295);

голос

- 583 *голос* — песня соловьиная; пойдет — пава да и только (М.-Нур., 48);

Гуссейн

- 584 толстый и румяный *Гуссейн*, как настоящее довольство, сухопарый *Ферзали*, как будущий голод (М.-Нур., 56);

Жанни

- 585 *Жанни* с кофейником в руках олицетворяла для него Гебею, разливающую нектар небожителям (Л. Бел., 343);

женщина

- 586 поручаешь исследовать прекрасную *женщину*, как будто б она была соляной обломок Лотовой жены, а я профессор Стокгольмского университета (Исп., 279);

княгиня Z

- 587 дородную Москвитянку нашу, *княгиню Z*, за огромный шлейф ее сравнили с зловещею кометой (Фр. Н., 7);

лицо

- 588 если б вы увидели тогда его прелестное *лицо*, покоящееся под улыбкой неги, вы бы сказали, что сами видите гирлянду мечтаний, обвивающую беззаботное чело юноши (М.-Нур., 142);

- 589 *лицо* его походило на солнечные часы — так выставлялся вперед тонкий нос его (Л. Бел., 345);
- 590 и кто бы не сказал, видя это прелестное *лицо*, дышавшее чистою верой, орошенное слезами умиления, что ангел молит небеса о спасении грешника (Фр. Н., 128);

Монтань

- 591 он подпирался шпажкой, которая вместе с тонкими козыми ножками, делала его весьма похожим на треногую астролябию ((Л. Бел., 365);

муж

- 592 он весь как будто маятник между бутылкой бургонского и склянкой с лекарством (Фр. Н., 59);

мысли...

- 593 *все мысли, все ощущения* в такие часы подобны каплям, вдруг улеченным в безвидные пары: они разливны, смешанны, безграничны (М. Н., 406);

настоящее

- 594 минувшие радости и будущие надежды сливаются воедино устами и *миг настоящего* походит на приветное лобзание друзей на пороге (Фр. Н., 83);

печатная сторона человека

- 595 у нас *печатная сторона человека* всегда будет походить на подкладку из одних афиш комедианта Цапата в Жильблазе (М. Н., 406);

платонизм

- 596 [платонизм] очень похож на ледяную гору, с которой стоит раз пустить-
597 ся — уж не удержишься или, пожалуй — хоть на ковер, поставленный в
ноги детей, чтобы им не больно было падать (Фр. Н., 86);
- 598 его скорей можно назвать граничной ямой, в которую падают неожиданно (Фр. Н., 86);

побранки

- 599 сотни *побранок*, которые Николай Иванович Греч сравнил с пеной шампанского (Фр. Н., 30);

Правин

- 600 *Правин* со своими мутными очами походил на раскаяние, пробужденное страхом (Фр. Н., 122);

речь Мулла Нура

- 601—602 *речь* его походила на бушевание горного потока, на крик пустынного орла при добыче (М.-Нур, 189);

румянец

- 603 *румянец* на щеках ее подоился розам, плавающим на молоке (Л. Бел., 343);

(г-жа) Саарвайерзен

- 604 вообразите себе барашка, сделанного из масла, которого произвела рука домашнего ваятеля для увенчания кулича о Светлой, и вы схватите нечто похожее на *фроч* <...> *Саарвайерзен*, прибавя, разумеется, к этому целые пуки брабантских кружев, ключей и приседаний (Л. Бел., 347);

сердце

- 605 мое *сердце* <...> ты бы сравнил его с Мильтоновым эмпиреем, оглашенным битвою ангелов с демонами (Фр. Н., 50);

Стрелинский

- 606 строен, высок и лицом будто красная девушка (Исп., 295);

фантазия

- 607 *фантазия* его походила на погребальный марш, достойный похорон kota мышами (Исп., 321);

Ферзали

- 608 см. 584, Гуссейн

Фетхали

- 609 правая рука его в то время грозно сжимала красную его бороду, так что он¹страх походил на Юпитера, готового бросить пук молний (М.-Нур., 19);

шум женского платья

- 610—611 есть возраст, милостивые государи; в который *шум женского платья* кажется нам очаровательною музыкою Эоловой арфы или даже, если вы имеете романтическое ухо, гармоникой сфер (Л. Бел., 393);

3.1.0.

аксельбанты

- 612 около меня змеями вились золотые и серебряные *аксельбанты* (Фр. Н., 8);

архалух

- 613 *архалуха*, впившегося, как любовник, в стройный стан (М.-Нур., 37);

атлас

- 614 красный *атлас* проглядывал на них сквозь батистовые наволочки, словно заря (Л. Бел., 348);

блоки

- 615 *блоки*, сверкающие как серьги (Фр. Н., 14);

бокалы

- 616 высокие *бокалы*, как журавли, стояли на одной ноге (Л. Бел., 338);

бриг

- 617 два *брига*, как спящие киты, тихо зыбились на влажном поле (М.-Нур., 63);

бушприты

- 618 терпеть не могу *бушпритов*, которые задирают нос кверху, словно дежурный камер-юнкер (Фр. Н., 67);

бязь

- 619 прозрачная *бязь* душит его хуже савана (М.-Нур., 40);

весла

620 см. 641, крюк

гичка

621 как быстрая касатка, рассекала зыбь легкая *гичка* с широкой зеленой полосой по борту (Л. Бел., 394);

двор

622 широкий четвероугольный *двор* <...> расстилается, будто ковер гостеприимства (М. Нур., 12);

занавес

623 передний *занавес* <...> таинственно колебался между зрителями и сценою, будто занавес судьбы, скрывающий от нас даль грядущего (Фр. Н., 142);

заряды

624 мне уж показалось, что *заряды* <...> прыгают около меня как шутихи (Фр. Н., 16);

Кале и Дувр

625 *Кале и Дувр* мелькнули, как сон (Фр. Н., 110);

канаты

626—628 *они* вьются как удавы, огромными кольцами, хлещут как волны, взбрасывая на воздух все встречное <...>. Это пеньковый тифон, от которого все летит вдребезги или бежит с воплем (Фр. Н., 34);

карбас

629 *карбас* кинулся по ветру, как утка, испуганная ружьем охотника (М. Н., 412);

630 *он* летел, как бешеный конь (М. Н., 409);

631 через пять минут *он* гоголем плыл уже по морю, которое с ропотом наступало на берега (М. Н., 402);

кареты

632 *кареты*, сверкая гранеными фонарями, как метеоры, влекомые четверками, неслись к расsvещенному подъезду (Исп., 286);

катер

633 впереди всех орлом полетел двадцативесельный *катер* (Фр. Н., 13);

копья

634 *копья, топоры и все abordажные оружия* развешаны, были, как галантерейные вещи (Фр. Н., 15);

корабль, корабли

635 *корабль*, подобно коню, который дрожит от ярости, но покоряется воле всадника, довершал оборот по слову 13-летнего мальчика (Фр. Н., 104);

636 *обреченный смерти корабль* — будто корабль-привидение, который мечтают видеть порой суеверные пловцы в вечной борьбе с непогодами <...> с новой быстротой кинулся по ветру (Л. Бел., 333);

637 *корабль*, будто плывущий ледник, сохранил сердце Правина девственным (Фр. Н., 91);

638 *корабль* стонет и дрожит тогда, как прикованный великан, бессильный убежать от валов (Л. Бел., 328);

639 *корабли* то строились в две линии, то обращались в другую сторону, то прорезывали одну линию другою, . . . точно шахматы Титанов (Фр. Н., 16);

крепости

640 см. 146, армии

крюк

641 как сокол, складывающий крылья, чтобы сильнее ударить, сложились они [*весла*], и два *крюка*, словно когти, возникли пред грудью (Л. Бел., 394);

купол

642 над серединою здания восходит к небу, как молитва, заостренный *купол* (М.-Нур, 13);

ленты

643 *ленты и перья, шарфы и шали* веяли радугою (Л. Бел., 392);

маковка купола

644 *маковка его* рассыпается лучами звезды (М.-Нур, 13);

мачты кораблей

645 виднелись только *мачты кораблей*, как подводный лес (Л. Бел., 332);

маяк

646 наконец, *Норд-форландский маяк*, как звезда Венеры, блеснул ночью над зыбями (Фр. Н., 110);

ночник

647 тусклый *ночник* едва мерцал в радужном кружке, будто глаз какого-то злого духа (Фр. Н., 138);

обшивка

648 медная *обшивка* обнажалась до киля, сверкая будто броня великана (Фр. Н., 131);

партер

649 *партер* алел, как заря, красными мундирами, отворотами, лентами (Фр. Н., 141);

650 *партер* блистал, как еще непотухший запад, звездами (Фр. Н., 141);

парус, паруса

651 лопнувший *парус* грянул, как выстрел (Л. Бел., 333);

652 упавшие *паруса* образовали словно пловучую стену с огромными башнями (Фр. Н., 13);

653 *паруса*, затрепетав, разлетелись, как перья (Л. Бел., 334);

перья

654 между них веяли и склонялись *перья* над прелестными личиками, словно крылья херувимов (Фр. Н., 141);

655 *перья и цветы* на дамах качаются как прелестный цветник от поцелуя зефира (Фр. Н., 9);

подушки

656 *десять уступов подушек* мал мала меньше восходили к бессмертию двумя пирамидами (Л. Бел., 348);

покрывало

657 *голубое покрывало* вздымалось морем (Л. Бел., 348);

полог

658 кружевной *полог* спускался <...> подобный туману (Л. Бел., 348);

польский [танец]

659 *тянется польский*, будто живая дорожка (Фр. Н., 9);

помост

660 *помост* чистый, выложенный, как стол (Фр. Н., 14);

помпы

661 *помпы* хрипели будто больной (Фр. Н., 132);

самовар

662 Виктор явился в общую комнату, в которой дымился уже *самовар*, как жертвенник (Л. Бел., 343);

свечи

663 *тысячи свеч* горели букетами по раззолоченным стенам и поручням лож, сливались в ослепительный метеор люстр (Фр. Н., 141);

сетки

664 *сетки*, сплетенные фантастическими кружевами (Фр. Н., 14);

снасти

665 *снасти*, закрученные завитками (Фр. Н., 14);

спальня

666 через вседневную, потом праздничную спальни добрались, наконец, до торжественной, и *она*, как десерт, заключила пластический обзор (Л. Бел., 348);

стена

667 городская *стена*, спадающая ступенями, тянулась, чернея поперек и, будто дряхлый старик, подпершись башнями, казалось, дышала открытыми воротами (М.-Нур, 64);

трубы (фабрик)

668 см. 135, вид

узоры

669 *они* раскидывались цветами, катились колесом, вились змеей, свивались, росли — и вот весь сад вспыхнул!... Ты бы сказала: солнце упало на землю и, прокатясь, рассыпалось в искры (Фр. Н., 6);

фальшфейеры

670 *фальшфейеры* искрились, как блудячие огоньки над могилами (Л. Бел., 329);

флаг

671 красный *флаг* его [корабля] сверкал, как молния в тучах (Л. Бел., 332);

флот

672 *флот* приближался, как станица лебедей (Л. Бел., 393);

673 он, словно крепость, воздвигшаяся со дна, стоял неподвижно (Л. Бел., 328);

фонтаны

674 *фонтаны* брызнули как вулканы (Фр. Н., 6);

фрегат

675 *фрегат* задрожал как лист (Фр. Н., 33);

чадры

676 порой мелькали *две-три* белоснежные *чадры*, пролетали будто лебеди по черной туче, и пасть ворот поглощала их (М. Нур, 64);

чугун

677 *чугун* орудий, как сизое вороново крыло (Фр. Н., 14);

шампанское

678 *шампанское* выдыхается так же скоро, как и добродетель женщины (Фр. Н., 57);

шейка бутылки

679 окаянная *шейка* увертывалась из-под его пальцев не хуже школьника, играющего в жмурки (Фр. Н., 20);

шлюпка

680 скользя, как тихая тень, понеслась *шлюпка* (Л. Бел., 386);

681 *шлюпка* ринулась с берега, как испуганный лебедь (Л. Бел., 384);

682 *несколько шлюпок*, как ласточки, махали крыльями по морю (Л. Бел., 393);

шпицы и башни

683 рыцарский Ревель, коего *шпицы и башни* вонзаются в небо, словно копыта великанов (Фр. Н., 109);

ядра

684 *ядра* нисались кругом красивыми бусами (Фр. Н., 15);

3.1.1.

аванзала

685 переходу *аванзалу* так осторожно, будто сквозь каменистый вход в порт Свеаборга (Фр. Н., 38);

брамстенги

686 их бы срезало, как спаржу (Фр. Н., 31);

ваза

- 687 я обходил каждую фарфоровую *вазу*, как подводный камень (Л. Бел., 331);

гостиная

- 688 природа великое дело. Она хоть и не смеет горланить *в гостиной*, как в трагедии, но в тиши кабинета обращает в свою веру многих (Фр. Н., 62);

канаты

- 689 скука возьмет, стоя на якоре до того, что он пустит корни, как пульс, ощупывать *канаты* (Л. Бел., 331);

карбас

- 690 шквал зашел справа и занес *карбас*, как сокола, на запад (М. Н., 411);

катер

- 691 валы <...>, взбрасывая *катер*, как щепку, грозили залить или поглотить его (Фр. Н., 129);

клинки

- 692 он вынул свой кинжал и пересек более дюжины *самозванцев-клинков*, легче свечек, и бросил их пристыженному обманщику в лицо (М.-Нур, 186);

кляча

- 693 морской солдат самой разбойничьей физиономии тасился сзади, скорчившись *на тощей кляче*, как на салинге (Л. Бел., 374);

кредит

- 694 проклятые эти мыши [французы] сгрызли наш *кредит*, как свечку (Л. Бел., 340);

(тесные) мундиры и панталоны

- 695 *в них* так же ловко двигаться, как в железных тисках (М.-Нур, 132);

нуль

- 696 он с торжествующим видом раскрыл книгу и указал на страницу, унизанную *нулями*, как бурмицкими зернами (Л. Бел., 345);

стрелка

- 697 как на перст судьбы глядела она *на* тихо переступающую *стрелку* (Исп., 320);

ткань паруса

- 698 яркие образы мелькали, проходили *по ткани паруса и ткани тумана*, будто по месяцу волшебного фонаря (М. Н., 411);

хвост

- 699 разыгрался он [кит] хвостом, *хвост-то* вихрем и вздуло, как парус: не может кит хлестнуть им об воду (М. Н., 408);

чурек с пендырем

700 прибавил Юсуф, укусивши *чурек с пендырем*, сыром из овечьего молока, как предисловие обеда (М. Нур, 81);

ялик

701 как шепку, взбросило *ялик* на бурун и стремглав ударило его на камень (Л. Бел., 336);

3.1.2.

биться

702 крутые, частые валы с яростью катились друг за другом, напирая на *грудь фрегата*, и он *бился* под ними, как в лихорадке (Фр. Н., 29);

бросать зрачками

703 мигая, он так высоко подымал брови и так *бросал зрачками*, как будто они хотели перепрыгнуть через нос, чтобы повидаться (Л. Бел., 345);

пройти Московию

704 Московия не чета Египту, *пройти ее* вдоль и поперек нам так же легко, как сложить песню (Л. Бел., 367);

разрядить

705 третья желала сесть на раззолоченную, *разряженную*, будто на бал, яхточку (Фр. Н., 13);

являться и убежать

706 живописные местечки, цветущие деревни *являлись и убежали* точно в стекле косморамы (Фр. Н., 112);

3.1.3.

карбас

707 *карбас*, который ползет по воде, как черепаха по камням (М. Н., 404);

свеча

708 *свечи*, тускло сиявшей между бутылками, как разум между страстями (Фр. Н., 19);

флаг

709 *флаг* на крепости Нарын-кале обнял *древко*, как обнимает чадра стан красавицы (М. Нур, 5);

3.2.

двор

710 *двор*, несмотря на осеннее время был чист, как стекло (Л. Бел., 347);

дуло пистолета

711 *дуло моего пистолета* показалось ему шире Кремлевской пушки (Фр. Н., 47);

занавес

712 передний *занавес*, бледный, как туман германской поэзии (Фр. Н., 142);

звуки

713 *звуков* неясных, смешанных, чудных, как мысли поэта в просонках (Фр. Н., 142);

карбас

714 вороной, как смоль, карбас (М. Н., 397);

корабль

715 одна хотела стопушечного *корабля*, толстого, как наш председатель палаты (Фр. Н., 13);

кредит

716 мой *кредит* крепче пирамиды фараонов (Л. Бел., 346);

носки башмаков

717 *носки башмаков* тупее ума графа Сивича (Фр. Н., 59);

(домашний) порядок

718 домашний *порядок*, доселе верный, как часы (Л. Бел., 362);

рецепт, рецепты

719 настрочил *рецепт* длиннее майского дня (Фр. Н., 81);

720 не раз писал мне мой доктор и *рецепты* вдвое длиннее своего носа, хоть нос у него являлся накануне, а сам завтра (Фр. Н., 21);

трюфели

721 *трюфели* заманчивее для него всех очей в мире (Фр. Н., 10);

3.3.

бал

722 этот *бал* похож на английский сад (Фр. Н., 9);

дом Саарвайерзена

723 *дом* этот, построенный на обширной площади, весьма походил на карточный (Л. Бел., 347);

Дербент

724 и стал *Дербент*. Черт строил в потемках и торопливо; месил в своих лапах камни, дробил их, бросал дома один на другой, отбивал улицы по хвосту; к рассвету Дербент поднялся на ноги, но заря ахнула от изумления, взглянув на него впервые <...>. Все вместе походило, одним словом, на огромного удава, который под чешуею растянулся с горы на солнышке и поднял свою зубчатую голову крепостью Нарын, а хвостом играет в Каспийском море (М. Нур, 42);

зала (театра)

725 вся *зала Александринского театра* и все, что в ней было, походили тогда на какой-то великолепный, волшебный сон юноши под жарким небом юга (Фр. Н., 143);

иллюминация

- 726 постепенно загоралась иллюминация: казалось, огненный перст чертил пышные узоры на черном покрывале ночи (Фр. Н., 6);

палубы

- 727 палубы изображали прекрасный отрывок хаоса (Фр. Н., 132);

паруса

- 728 пузо наших парусов, как передник десятилетней девочки (Фр. Н., 113);

Спитгид

- 729 скрылся и Спитгид, подобный вдали дикобразу от множества мачт (Фр. Н., 110);

суда

- 730 большие гребные суда на роствах, а мелкие — все равно что гроб (Л. Бел., 334);

шлюпки

- 731 вереница шлюпок, из коих каждая подобила пловучей корзине с цветами (Фр. Н., 13);

4.1.0.

журавль

- 732 только одинокий журавль, царь пустыни, бродил там [на болоте], как ученый по части зоологии (М. Н., 398);

крот

- 733 какой-нибудь крот читает диссертацию о добре и зле не хуже доктора философии (Исп., 283);

курицы

- 734 беспечные курицы разных наций кудахтают как словоохотные кумушки (Исп., 283);

ласточки

- 735 ласточки реют под куполом и вылетают в поднебесье, будто слова моления (М.-Нур, 13);

шакалы

- 736 что это они распелись словно тавлинские девки на чикмасане, на вечеринке Улу бея? (М.-Нур, 66).

Список сокращений

- Исп. — А. А. Бестужев-Марлинский, Испытание. «Русские повести XIX века», т. 1, М.-Л., 1950.
Л. Бел. — А. А. Бестужев-Марлинский, Лейтенант Белозор. «Русские повести XIX века», т. 1, М.-Л., 1950.

- М. Н. — А. А. Бестужев-Марлинский, Мореход Никитин. «Русские повести XIX века», т. 1, М.-Л., 1950.
- М.-Нур — А. Марлинский, Мулла-Нур, Второе полное собрание сочинений, т. 3, СПб., 1847.
- Фр. Н. — А. Марлинский, Фрегат «Надежда». Второе полное собрание сочинений, т. 3, СПб., 1847.
- Г., 1 — Н. В. Гоголь, Вечера на хуторе близ Диканьки. Собрание сочинений в 6 томах, т. 1, ГИХЛ, М., 1959.
- П., 3 — А. С. Пушкин, Медный всадник. Собрание сочинений в 10 томах, т. 3, ГИХЛ, М., 1960.

ОБРАЗНОСТЬ И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Э. А. Вайгла

Как известно, языковые, в том числе лексические, способы выражения человеческих эмоций остаются до сих пор одним из наименее изученных и спорных вопросов науки о языке (хотя интерес к проблеме в последнее время возрастает). Известно также, что сам термин «эмоциональная лексика» употребляется в лингвистической литературе неоднозначно. И то и другое в известной мере обусловлено сложностью самого явления, разнообразием проявления эмоциональных моментов на лексическом уровне.

Эмоциональность слова можно понимать как его способность к выражению эмоционального, оценочного и т. п. отношения говорящего к высказываемому или как воздействие на эмоции воспринимающего речь. Иногда эмоциональность понимается весьма общо, как некоторое свойство, связанное с образностью, выразительностью, а также свежестью, живостью, необычностью и т. п. свойствами высказывания¹. В таких случаях иногда речь идет о тончайших нюансах в содержании слова, выявляющихся подчас лишь в контексте².

Все это приводит к тому, что в понятие «эмоциональная лексика» вкладывается различное содержание, хотя признается, что необходимо отграничивать языковые явления от речевых. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой дается следующее определение эмоциональной лексики: «Слова (лек-

¹ См., напр., определение понятия *образно-метафорический* как «придающий речи эмоционально-экспрессивное качество» и *экспрессии* как «выразительно-изобразительных качеств речи, придающих ей «образность и эмоциональную окрашенность» в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, М., 1966, стр. 275 и 524.

² См., напр., следующее высказывание А. П. Евгеньевой: «Между *тухнуть* и *гаснуть* имеются тонкие эмоциональные различия, которые в данном случае и использованы автором». А. П. Евгеньева, О некоторых особенностях лексической синонимии русского языка. В сб.: «Лексическая синонимия», М., 1967, стр. 72.

семы), имеющие в данном языке устойчивую эмоциональную окрашенность»³. Это исходное определение, но оно нуждается в уточнениях. И термином «эмоциональная лексика» обозначаются в ряде случаев слова, выражающие эмоциональное отношение говорящего к высказываемому (коммуникативная функция), иногда же выразительные, образные, экспрессивные слова (на основе функции воздействия на читателя или слушающего).

Разумеется, интерес для исследователя представляет как то, так и другое.⁴ Тем не менее, это принципиально разные явления (чем, конечно, никоим образом не отрицается их возможная взаимосвязь и наличие перекрещивающихся моментов).

В настоящей работе термином «эмоциональная лексика» обозначаются слова, используемые говорящим для выражения эмоционального отношения к явлениям окружающей действительности (коммуникативная функция языка), точнее: к эмоциональной лексике, понимаемой таким образом, мы считаем возможным причислять лишь объективно эмоциональные слова, существующие в языке, слова, которые не могут быть употреблены без эмоционального задания. Т. е. речь идет об эмоциональной лексике как о языковой категории, о словах (или их лексико-семантических вариантах) в лексической системе современного русского языка, содержащих информацию об эмоциональном отношении говорящего к чему-либо. Именно в этом смысле мы здесь говорим о коммуникативной функции применительно к лексическим единицам.

Что касается определения точного состава и границ эмоциональной лексики, вопроса о вхождении в ее состав того или иного конкретного слова, то это вопрос, который не всегда решается однозначно. В ряде случаев, по-видимому, могут понадобиться специальные экспериментальные исследования, способствующие «нейтрализации» субъективного, индивидуального восприятия эмоционального заряда слова носителями языка.⁵ Это касается как самого наличия этого заряда в слове, так и его качества (о несовпадении помет эмоционального характера в толковых словарях говорилось неоднократно).⁶ Кроме того, известно, что эмоцио-

³ О. С. Ахманова, *Словарь лингвистических терминов*, М., 1966, стр. 214.

⁴ Как правило, эмоциональная (эмоционально-оценочная, эмоционально-экспрессивная и т. д.) лексика обычно анализируется именно в стилистическом плане (роль в художественных текстах), причем изучению подвергается и окказионально-эмоциональная лексика.

⁵ См. работу Е. Ф. Петрищевой «Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке. (Опыт лингвистического эксперимента)». В кн.: «Развитие лексики современного русского языка», М., 1965, стр. 39—50.

⁶ Как известно, определение эмоциональных оттенков слова наиболее «смело» из современных толковых словарей русского языка приводится в словаре С. И. Ожегова. Другой вопрос, что не во всех, по-видимому, случаях определение эмоционального содержания слова в указанном словаре является

нальность слова может со временем видоизменяться, варьироваться в зависимости от контекста, интонации и т. д.

Тем не менее, в современном русском языке существует определенный пласт объективно эмоциональных слов, т. е. слов, употребление которых свидетельствует об эмоциональном отношении говорящего к явлениям окружающего мира.

Возможно, что в целях более четкого выделения именно этого пласта лексики и отграничения ее от слов эмоциональных в стилистическом смысле более уместным был бы термин «эмотивная» лексика, как предлагают некоторые лингвисты⁷.

Изучение вопроса осложняется тем, что в сфере эмоциональной лексики переплетается целый комплекс различных моментов: эмоциональность слова и его стилистическая окраска, эмоциональность слова и его «собственно семантика», вопрос о взаимосвязи эмоциональности слова и объективных (отрицательных или положительных) качеств называемой реалии (вопрос о том, детерминирована ли эмоциональность этими качествами), сложный вопрос о содержании в слове интеллектуальной⁸ и эмоциональной оценки и об их взаимодействии, вопрос о взаимосвязи эмоциональности и образности. Не решена однозначно трудная проблема об отношении эмоциональных моментов к значению слова.

Думается, что относительную самостоятельность эмоциональности в слове можно считать доказанной, хотя, разумеется, в большинстве случаев эмоциональные моменты сосуществуют и взаимодействуют в слове с другими его качествами, перечисленными выше. Что же касается характера этой взаимосвязи, то он выяснен далеко не для всех случаев и представляет собой еще мало изученный вопрос.

В настоящей работе нас главным образом интересует вопрос, как строится эмоциональное слово (не столько с точки зрения словообразования, сколько в качестве вопроса ономаσιологического), т. е. в силу каких причин слово становится средством

бесспорным (о чем см. также: Л. И. Ряхманова, О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка. В кн.: «Вопросы стилистики». Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора К. И. Былинского, изд. МГУ, 1966, сноска 19-ая, стр. 106—107), но ведь это связано с объективными трудностями определения эмоционального содержания и его характера в слове. Поэтому в настоящей работе мы для подтверждения собственной интуиции при определении эмоциональной окраски слова обращались (наряду с другими словарями) и к указанному словарю.

⁷ «... термин «эмотивная», предложенный Марти, по-видимому, следует предпочесть термину «эмоциональная», потому что эмоциональными могут быть лишь состояния говорящего, а не функция речи». О. С. Ахманова, Л. Н. Натан, А. И. Полторацкий, В. И. Фатющенко, О принципах и методах лингвостилистического исследования, изд. МГУ, 1966, стр. 164.

⁸ См. работы Е. Ф. Петрищевой в кн. «Развитие лексики современного русского языка», М., 1965.

передачи информации об эмоциональном отношении говорящего к различным явлениям⁹.

Мы попытаемся также очертить круг эмоциональной лексики современного русского языка, понимаемой как категория слов, содержащих эмоциональную информацию, не забывая в то же время о том, что, как было сказано выше, бесспорное отнесение того или иного слова в разряд эмоциональной лексики далеко не всегда возможно.

* *
*

Одним из наиболее действенных эмоциональных средств является образность. И первое, что обычно прежде всего обращает на себя внимание, когда речь заходит об образности на лексическом уровне — это метафора, переносные значения слова, основанные на определенном сходстве явлений объективной действительности. Метафора — средство «выражения субъективной оценки предметов и явлений действительности со стороны говорящего»¹⁰. Но, как показывает анализ материала, не всякая языковая (а нас в данном случае интересуют только языковые явления) метафора оказывается эмоциональной в смысле узуального выражения эмоционального отношения к называемому. Не всякая метафора содержит эмоциональную информацию. Не всегда выражают эмоции, напр., следующие языковые метафоры: *стальные* [мускулы], *железная* [воля], *белка*, *стрекоза* [о живом, подвижном человеке] и др.

С другой стороны, метафоризация, конечно, является богатым возможностями источником возникновения эмоциональных слов (точнее, их лексико-семантических вариантов). В современном русском языке есть целый ряд эмоциональных языковых метафор (*змея*, *орел*, *щенок*, *сморчок*, *хищник*, *тряпка* [о безвольном человеке], *кислятина* [о вялом, нудном человеке], *ползать*, *скулить* и т. п.). Наличие же эмоциональной нагрузки (как узуальной, так и возможной, потенциальной) в языковой метафоре зависит от характера и свойств явления, выбираемого в качестве «представителя» другого, характеризваемого явления (ср. о хитром человеке *лиса* и *змея*). Следовательно, здесь мы имеем дело с особым, «тенденциозно» построенным сопоставлением двух явлений на основе некоторого их сходства, сопоставлением, позволяющим характеризуемое интерпретировать как вызывающее именно данное чувство.

⁹ Вопрос о языковой форме просторечных слов, о том, как строятся их значение, ставится Л. И. Рахмановой. См.: Л. И. Рахманова, О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка. В кн.: «Вопросы стилистики». Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора К. И. Былинского, изд. МГУ, 1966, стр. 100—112.

¹⁰ Е. Т. Черкасова, Опыт лингвистической интерпретации тропов. «Вопросы языкознания», 1968, № 2, стр. 35.

Кроме метафоризации в современном русском языке есть образные слова с яркой, более или менее прозрачной внутренней формой, в которых эмоциональное отношение к называемому формируется именно посредством этой образной внутренней формы.

Тем не менее, и здесь (как и в случае метафоризации) нет прямой зависимости эмоциональности слова (понимаемой как выражение эмоционального отношения к высказываемому) от его образности. Иными словами, с точки зрения эмоциональной лексики как языковой категории, не все слова с образной внутренней формой оказываются принадлежащими к эмоциональной лексике. Некоторые примеры: *молниеносный*, *выволочка*, *скособочить*, *скрючить*, *головомойка*, *белоснежный*, *обмозговать*, *зубоскал[ить]*, *лупоглазый*, *уплывать*, *отутюжить*, *остолбенеть*, *сумасшедшинка* и др. слова с яркой внутренней формой. Это слова, в результате своей образности дающие в речи экспрессивный и эмоциональный эффект. Выражения же эмоционального отношения говорящего к высказываемому в них нет, хотя оно здесь возможно (как, впрочем, почти в любом слове), в зависимости от намерения говорящего, реализуемого в контексте интонационными или другими средствами.

С другой стороны, во многих словах современного русского языка эмоциональное отношение к явлениям формируется и объективизируется именно посредством определенным образом построенной внутренней формы. Примеры: *буквоед[ство]*, *головотяпство*, *борзописец*, *безмозглый*, *кисляй*, *разблагоесть*, *разбазарить*, *раззвонить*, *растрезвонить*, *сумасброд[ить]*, *рифмолет*, *твердолобый*, *хлюпик* и др.

Это слова, употребление которых невозможно при «нейтральном», неэмоциональном отношении говорящего к высказываемому. И действует здесь тот же принцип, что и при метафоризации — посредством образного представления явление интерпретируется как вызывающее то или иное к себе отношение.

Дериваты от рассматриваемых слов сохраняют эмоциональную окраску (*буквоед* — *буквоедство*; *сумасброд* — *сумасбродничать*, *сумасбродный* и т. д.).

Далее правомерен вопрос, как именно строится этот «тенденциозный» образ и можно ли здесь вообще проследить какие бы то ни было закономерности.

Прежде всего обращают на себя внимание эмоциональные слова с образной внутренней формой, построенной на переносном значении основы или корня слова. При этом некоторые из этих слов являются дериватами от исходного слова в его переносном значении: *свинство* (от переносного значения слова *свинья*), *тупица* (от *тупой* — переносно), *вельможный* (*вельможа* в значении зазнавшегося должностного лица), *фарисейство* (от перенос-

ного значения слова *фарисей*), *кисляй* (ср. *киснуть* и *кислый*), *вздыхатель* (от *вздыхать по ком-либо*) и др.¹¹

Но есть и такие слова, в которых переносное значение корня или основы возникает «самостоятельно»: исходное переносное значение отсутствует в языке. Лишь в составе производного корень или основа начинает восприниматься переносно, вызывая некоторое, правда, менее четкое образное представление. Примеры: *миндальничать*, *подлиза*, *прихлебатель*, *пройдоха*, *проныра*, *растяпа*, *рвач*, *хлюпик* и т. п. Если метафора представляет собой скрытое сравнение, то здесь мы имеем дело как бы со скрытой метафорой.

В сложных словах образность и «переносность» значения — результат взаимодействия двух основ. Некоторые из этих слов имеют параллельные (или исходные, а в некоторых случаях — потенциально возможные) словосочетания переносного (иногда фразеологизированного) характера: *пустая голова* — *пустоголовый*, *марать бумагу* — *бумагомаратель*, *вертеть хвостом* — *вертихвостка*, *гоняться за ветром* — *ветрогон*. Но подобные параллели или «прототипы» возможны не всегда. Ср., например, *буквоед*, *верхогляд* (ср. *глядеть сверху вниз*), *твердолобый*, *сердцеед*, *разношерстный*.

Но образ не всегда строится на метафорической основе. Есть образные эмоциональные слова, которые называют явление как бы перифрастически, описательно, «необычно», давая называемому меткую характеристику; в результате слово оказывается не только более выразительным, но и способным нести эмоциональную информацию. Примеры: *пустобрех*, *пустомеля*, *пустослов* (ср. *болтун*), *душегуб* (ср. *бандит*, *убийца*), *ненаглядный* (ср. *милый*, *дорогой*), *верховод*, *гляделки*, *борзописец*, *стакнуться*, *бабник*, *юбочник*, *шагистика*, *рифмач*, *рифмоплет* и др.

В некоторых случаях «представителем» предмета делается признак, второстепенный с точки зрения номинации явления, позволяющий тем не менее обозначить явление, интерпретируя его в то же время под определенным углом зрения (*мигалки*). Интересны случаи, когда через «тенденциозный» внешний признак, приписываемый человеку, дается характеристика его моральных качеств (*губошлеп*, *слюнтяй*, *лоботряс*, *белоручка*).

Различаются слова с образной внутренней формой и по степени ее прозрачности. Есть слова, значение которых почти однозначно вытекает из характера скрытого сравнения, из переносного значения корня или основы. Таковы, например, слова *вель-*

¹¹ Л. Л. Ким отмечает в словах этого типа «как бы завершение метафоризации: метафора превращается в самостоятельную лексическую единицу языка». Л. Л. Ким, *Лексические средства послеоктябрьской сатиры Маяковского*. (К вопросу об оценочной функции слова). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ташкент, 1956, стр. 33—34.

можный, свинство, скотство, сумасброд, тупица, безмозглый, каннибальский, бандитский и др.

Больше же среди рассматриваемых слов, по-видимому, таких, которые отмечены более или менее значительной печатью условности. Это слова, которые, исходя из их внутренней формы, могли бы быть соотнесены и с другими явлениями, слова, внутренняя форма которых понятна постольку, поскольку нам известно значение слова. Так, например слово *бумагомаратель* могло бы служить эмоционально-оценочным названием чиновника или плохого художника и т. п., однако же это слово-характеристика закрепилось в языке за плохим писателем. Слово *ветрогон* могло бы употребляться для обозначения человека, быстро бегающего («догоняющего ветер»), и в таком случае оно содержало бы положительную оценку, в отличие от слова *бумагомаратель*, которое сохранило бы свою отрицательную окраску (*марать*). Слово *рвач* могло бы означать человека (или даже машину), рвущего, разрывающего что-либо (ср. также *рвение!*). Шутливый характер слова *сердцеед* понятен постольку, поскольку нам известно значение слова и т. д.

В разной степени условным является взаимоотношение между значением и образом, например, и в следующих словах: *вертихвостка, верхолзяд, лоботряс, буквоед[ство], краснобай[ство], разношерстный, взъезься, рассусоливать, борзописец, происки, отщепенец, очумелый, мазня, растяпа, волокита* и др.

Таким образом, здесь мы имеем дело с интересным явлением: в словах с достаточно прозрачной образной внутренней формой оказывается условной связь между образным словом-знаком и обозначаемым (денотатом).

Далее, среди эмоциональных слов есть и слова с менее прозрачной внутренней формой, в которых образ как бы завуалирован, является нечетким, вызывающим в сознании некоторое общее представление без четких контуров. В качестве примеров можно привести следующие слова: *свистопляска, вертопрах, мракобес, головотяп[ство], лизоблюд* и др.

В связи со всем сказанным правомерен вопрос: имеет ли вообще смысл рассматривать внутреннюю форму слова, в том числе образную, обращать на нее хотя бы какой-то минимум внимания, тем более, что и абсолютно немотивированные слова-знаки способны выполнять не только номинативную, но и функцию выражения эмоционального отношения.

Конечно, и некоторая условность связи между обозначаемым и обозначающим, и возможная нечеткость образа, содержащегося в слове, — все это свидетельствует о сложности соответствия языковой формы содержанию.

Все же думается, что этот момент условности, который, как известно, вообще присущ языковому знаку в большей или мень-

шей степени¹², не должен явиться причиной отказа от изучения явлений, связанных с внутренней формой слова. Ведь для носителей современного русского языка понятно не только значение слова, а также его внутренняя форма, а отсюда и эмоциональное содержание, базирующееся на ней.

Более того, если в чисто номинативных словах признак, положенный в основу названия, часто является более или менее случайным (ср. литературное *одуванчик*, диалектные *пухлянка*, *летучка*, *молочник*)¹³, то в эмоциональных словах мотивация, в том числе образная, основана как раз не на случайном признаке. Именно образ является здесь той «призмой», через которую «освещается» предмет, чтобы изобразить его в определенном свете. Таким образом, здесь действует тот же «механизм», что и при метафоризации. Именно от «тенденциозной» интерпретации явления посредством того или иного образа зависит эмоциональный момент в слове, его наличие (узусальное или окказиональное) и характер, а также возможности его варьирования в зависимости от индивидуального восприятия. Даже образы, строящиеся на каких-то более или менее общих представлениях, лишенных четких контуров (*свистопляска* и др.) способны передать достаточно ярко выраженные эмоционально-оценочные моменты.

Несмотря на условный характер связи между обозначаемым и обозначающим, эмоциональность в эмоционально-образных словах является выраженной. Так, например, шутливость слова *сердцеед* возникает как результат именно внутренней формы. Ср. также *бабник*, *юбочник* — и *ловелас*; *рифмач*, *рифмоплет* и — описательно — *плохой*, *бездарный поэт*.

От свойств образа, заключенного в слове, от характера оценки, степени ее резкости и т. п. зависит, кроме эмоционального содержания, также и стилистическая отнесенность слова (грубый образ — стилистически сниженное слово): *безголовый*, *безмозглый*, *пустоголовый* (ср. нейтральное как в стилистическом, так и в эмоциональном отношении слово *глупый*)¹⁴.

Вокруг образно-эмоциональных слов возникает еще целый ряд вопросов, требующих специального изучения: вопрос о том,

¹² «Содержание целого не складывается из суммы содержания частей, а как бы надстраивается над содержанием частей, вырастает на их базе», пишет Ю. С. Маслов и приводит в качестве примеров слова типа *булочная*, *чайная* и т. п., с одной стороны, и *котельная*, *ванная* и т. п., с другой. См.: Ю. С. Маслов, Знаковая теория языка. «Вопросы общего языкознания», Л., 1967, стр. 121—122. Ср. также *башмачник*, но *юбочник*.

¹³ Примеры Ю. С. Маслова. Ук. соч., стр. 121.

¹⁴ См. об этом также: Л. И. Рахманова, О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка. В кн.: «Вопросы стилистики». Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора К. И. Былинского, изд. МГУ, 1966, стр. 105—106.

всегда ли сохраняется эмоциональное содержание слова при за-
тушевывании, «выветривании» образности, и если нет, то каковы
факторы, способствующие его сохранению (роль стилистической
отнесенности слова.¹⁵ и др.).

Поэтому, как нам кажется, правы те лингвисты, которые не
считают изучение внутренней формы слова бесполезным заня-
тием¹⁶. Не представляют из себя исключения и эмоциональные
слова. Е. А. Иванникова показала, что «в большинстве случаев
именно в результате наличия мотивированности существует та
или иная специфика в употреблении слов-синонимов и учет моти-
вированности помогает понимать и выявлять эту специфику.»¹⁷

Далее, нельзя не учитывать значение образности слов при
переводе. «Во внутренней форме слова сказывается деятельность
народной мысли. В таких словах, как *самозванец, самодур, прой-
доха, пропойца, стилига* — зародыши типов и комедийные при-
говоры явлениям жизни».¹⁸ Нелегкая задача переводчика —
найти средства для передачи подобных самобытных явлений в
лексику, сохранить всю информацию, содержащуюся в слове,
включая экспрессивную. Ведь эмоционально-образные слова ока-
зываются как бы «дважды» эмоциональными — они и выра-
жают эмоциональное отношение говорящего и — в силу своей
образности — оказывают определенное воздействие на воспри-
нимающего речь, дают эмоциональный и экспрессивный эффект.
Поэтому не все равно, как будут переданы образно-эмоциональ-
ные слова на языке перевода, если даже в соответствующем сино-
нимическом ряду имеются и необразные слова, выражающие те
же эмоциональные моменты. В качестве примера приведем за-
мечательное по своей выразительности слово *ненаглядный*, более
сильное выражение эмоциональной оценки в котором связано
именно с его внутренней формой (ср. *милый, дорогой*).

Поэтому нельзя не согласиться с А. П. Горбуновым: «Словес-
ная образность не украшение, которое можно удалить, оставляя

¹⁵ При «выветривании» внутренней формы эта стилистическая снижен-
ность, первоначально возникшая в зависимости от внутренней формы, по-ви-
дному, продолжает ощущаться, способствуя тем самым и сохранению эмо-
ционального момента.

¹⁶ См. об этом: А. И. Моисеев, Мотивированность слов. (Мотивиро-
ванность сложных имен существительных со значением лица в русском язы-
ке). Уч. зап. ЛГУ, 1963, № 322, серия филол. наук, вып. 68, Исследования по
грамматике русского языка, IV, стр. 121—136; Е. А. Иванникова, О роли
мотивированности значения в синонимических отношениях слов. В сб.: «Лек-
сическая синонимия», М., 1967, стр. 104—120. В последнее время интерес к этим
проблемам возрастает. См., напр.: «Материалы семинара по проблеме моти-
вированности языкового знака», Л., 1969.

¹⁷ Е. А. Иванникова, ук. соч., стр. 120.

¹⁸ А. В. Чичерин, Эстетическое рассмотрение внутренней формы сло-
ва. Тезисы докладов межвузовской конференции по стилистике художествен-
ной литературы, изд. МГУ, 1961, стр. 101.

неизменным содержанием. Образность — элемент формы, тесно связанный с содержанием.»¹⁹

*

*

*

Но если не все образные слова несут эмоциональную нагрузку, понимаемую как выражение эмоционального отношения, то ведь и образность не является непременным признаком эмоционального слова. В очень многих случаях эмоциональное отношение выражается посредством необразных слов, от четко мотивированных (вплоть до соответствия морфема — сема, напр., *бестолковый, подлец, самохвал, срывщик*) до полной условности (с точки зрения современного языка) слова-знака (*хам, бурда, шляться, мараковать* [шутл.]).²⁰ Морфологическая мотивация, как и образная, кроме того, может стираться, быть неясной. Таким образом, морфологически мотивированные слова (как и слова образные) как бы располагаются по убывающей четкости мотивации (в синхронном плане). Более того, ведь «мотивированность слов всегда в конечном счете «упирается в стену» всеобщей (кроме звукоподражаний) немотивированности экспонентов морфем»²¹ (ср. *халтурищик, халтурить, халтурный* — и *халтура*). Тем не менее, все эти слова не теряют способности выражать эмоциональное отношение к высказываемому, в том числе его эмоциональную оценку.

Таким образом, эмоциональное содержание слова может быть невыраженным, имплицитным, так же, как и номинативное; оценка в таком случае дается прямо, непосредственно, без момента «иносказания».

Без посредства образности эмоциональная оценка может быть выражена в оценочных словах типа *милый, страшный, пакость* и т. п., само понятийное содержание которых — эмоциональная оценка.

Среди необразных эмоциональных слов есть и оценочные (в подавляющем большинстве отрицательные) слова типа *халтурищик, хам*, содержащие обозначение порицаемого более или менее конкретного явления. О словах этого типа обычно говорят, что они отрицательны просто по своей семантике. Это, конечно, справедливо, тем не менее, здесь возникает одна довольно значитель-

¹⁹ А. П. Горбунов, Заметки о значении слова и словесной образности. — «Русский язык в школе», 1964, № 3, стр. 88.

²⁰ Интересно, что при морфологической мотивации эмоциональный момент не всегда оказывается более резким в мотивированном слове (ср. *грубиян* и *хам*).

²¹ Ю. С. Маслов, Знаковая теория языка. «Вопросы общего языкознания». Материалы республиканского семинара преподавателей общего языкознания, Л. 1967, стр. 121.

ная трудность: необходимость разграничения слов, оценочных и слов, выполняющих только номинативную функцию обозначения отрицательного (или реже — положительного) по своим объективным качествам явления. Если в чисто номинативных словах типа *война, смерть, воровать, взятка, пьянство* явно отсутствует выражение эмоции, то относительно слов, содержащих характеризующий момент (например, *глупый, глупость, скупой, скупость, лжец, смелый, храбрый, жадный, жадность* и т. п.), мнения лингвистов расходятся.

В принципе вопрос должен решаться следующим образом: если слово может быть употреблено в качестве средства эмоционально нейтральной характеристики, то оно не должно рассматриваться в системе эмоциональной лексики. Употребить для характеристики человека слова *безвольный, грубый, глупый* и т. п. можно, не выражая при этом собственного к сказанному отношения. Совсем иначе будут звучать такие слова, как *размазня, хам, нюня, неряха, мямля, шалопай, неженка* и т. п.²²

Но повторяем: это один из наиболее трудных случаев в сфере эмоциональной лексики — именно, что касается определения вхождения тех или иных конкретных слов в ее состав.

Дело в том, что слова, обозначающие положительные или отрицательные явления (т. н. «ореольные» слова),²³ в конкретных речевых условиях легко приобретают эмоциональную окраску и становятся выразителями эмоциональной оценки (с помощью интонационных или других средств); особенно часто это происходит в стилистически сниженных словах.

Кроме того, не раз отмечалось также, что в именах существительных обычно содержится более категоричное, безоговорочное суждение, чем в соответствующих прилагательных, что в свою очередь усложняет определение наличия обязательной эмоциональной окраски. *Глупец* звучит резче, дает более «безапелляционную» оценку, чем *глупый*; ср. также *грубиян* и *грубый* [человек] и т. п.²⁴

— Что касается стилистически сниженных эмоционально-оценочных слов (речь идет о характеризующих словах; в сфере чисто номинативных слов иные соотношения), то они не всегда имеют нейтральные (в стилистическом и эмоциональном отношении) синонимы (*халтурщик, выскочка, самохвал, бракодел* и др.).

²² Аналогичное понимание вопроса выражено Е. Ф. Петрищевой. См.: Е. Ф. Петрищева, Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке. (Опыт лингвистического эксперимента). В кн.: «Развитие лексики современного русского языка», М., 1965, стр. 39—50.

²³ Е. Ф. Петрищева, ук. соч., стр. 40.

²⁴ Небезынтересно отметить, что слово *глупец* только в словаре С. И. Ожегова снабжено эмоциональной пометой (*пренебр.*), отсутствующей во всех других современных толковых словарях; слово *грубиян* эмоциональной пометы не имеет.

Это и понятно: именно в разговорной речи возможны и часты непринужденные, эмоционально окрашенные оценки²⁵. Поэтому в таких случаях возможность выражения ряда характеристик нейтральным (с точки зрения стилистической окраски и эмоциональности) словом отходит на задний план. И отсюда — видимость непосредственной детерминации эмоциональности предметно-логическим значением слова. Повторяем — это лишь видимость: отсутствие в данных случаях нейтральных лексических синонимов не может служить опровержением тезиса об относительной независимости эмоциональной оценки от предметно-логического содержания слова, которое всегда может быть передано без какой бы то ни было оценки (описательным или другими способами).

Таким образом, в словах типа *халтурщик*, *хам* мы имеем дело с эмоционально высказанным оценочным содержанием.

Нет прямой зависимости эмоционального момента от предметно-логического содержания слова и в словах типа *кляча*, *одер*. Ведь отношение к старой, слабой, изнуренной лошади может быть разным, от своего рода уважения или сожаления до пренебрежения, выражаемого посредством этих слов.

* *
*

Известно, что в качестве средства эмоциональной оценки может использоваться и стилистическая окраска слова. Так, стилистически окрашенные слова могут употребляться как характеризующее средство, причем возникающая характеристика иногда сопровождается и эмоциональной оценкой явления.

Если такие слова, как *баба*, *морда*, *рожа* и т. п. могут употребляться вместо слов *женщина*, *лицо* без выражения какой-либо характеристики (обычно в просторечной среде или в фамильярно-грубоватой речи), то, с другой стороны, они могут употребляться и как эмоционально-оценочное средство; при этом в них возникает характеризующий момент. *Морда*, *рожа* в таком случае являются пренебрежительным обозначением уже не просто лица, а некрасивого, безобразного лица. Или — и, может быть, даже чаще — посредством слов этого типа говорящий «не столько стремится указать объективные признаки предмета, сколько выразить свое отношение к самому предмету или, вернее, его обладателю»²⁶.

²⁵ См. также: Д. Н. Шмелев, Очерки по семасиологии русского языка, М., 1964, стр. 138, сноска.

²⁶ Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов, Введение в языковедение, М., 1945, стр. 74. См. также: Л. Л. Ким, Лексические средства послеоктябрьской сатиры Маяковского. (К вопросу об оценочной функции слова). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ташкент, 1956, стр. 147.

Ср. также: «Есть *женщины*, а есть *бабы*»²⁷ (с характеризующим оттенком) или вместо «он умер» — «он *подох*», где «говорящий» выражает свое пренебрежительное или враждебное отношение к умершему»²⁸.

В отличие от слов с переносным значением в словах этого типа не появляется принципиально нового значения. Но употребление их в характеризующей функции является узуальным и фиксируется словарями.

Особым случаем взаимосвязи эмоциональных и стилистических моментов являются т. н. «высокие» слова. В состав средств выражения эмоционального отношения входит и та часть «высокой» лексики, которая не выражает непосредственно эмоциональную оценку (как это имеет место, например, в словах *благословенный, бессмертный, величественный, благодатный, презренный*). Так как «высокая» лексика всегда выражает эмоциональные оттенки торжественности, лиричности и т. д., то слова эти могут выступать в функции синонимов стилистически (и эмоционально) нейтральных слов (*бестрепетный, воин, владыка, владычество, брань, возмездие, стезя, сеча, бич, уповать, чаяния, вкусить, почить, свергнуть, взрастить, былой, ваять, содеять* и др.) или быть «высокими» по своему содержанию; в таких случаях нейтральные синонимы могут отсутствовать (*свершение, беззаветный, воспевать, глашатай, хвала, вершитель* и др. «высокие» понятия возвышенного характера).

Известно, что «высокий» оттенок часто приобретают устаревшие слова. Но в ряде случаев им в современной речи свойственна иная эмоциональная окраска, ср. хотя бы ироническое применение целого ряда архаизмов, относящихся к «высокой», книжной лексике, таких, например, как *лицезреть, шествовать, пожаловать, велеречивый* и т. п.»²⁹. Ср. еще *смиреники, сочинители, судилище, соизволение* и др.

Иногда устаревшие слова начинают звучать шутливо: *сухоядение, седалище, амурный, благоверный, брадобрей, randevu* и др.

* * *

Одним из средств образования эмоционально-оценочных слов являются т. н. эмоционально-экспрессивные суффиксы. С помощью этих суффиксов образуются эмоциональные слова как

²⁷ К. А. Левковская, Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала, М., 1962, стр. 158.

²⁸ Р. Г. Пиотровский, Очерки по стилистике французского языка, Л., 1960, стр. 23.

²⁹ Д. Н. Шмелев, Очерки по семасиологии русского языка, М., 1964, стр. 109.

образные, так и необразные (*слюнтяй, мазила, разиня, миндальничать; лентяй, кутила, разгильдяй, скупердяй, бедняга, сентиментальщина, дипломатничать, оригинальничать* и т. п.), от разговорных и нейтральных, от оценочных и неоценочных основ. Эмоциональность во всех случаях является выраженной, именно благодаря специальному суффиксу.

В этой связи хочется высказать мнение, что, на наш взгляд, не совсем точно говорить об эмоциональности (экспрессивности) самих этих суффиксов, как это нередко делается. Суффиксы как словообразовательные средства не могут иметь самостоятельного эмоционального содержания³⁰.

«Вообще функция аффикса состоит в том, что он дает возможность увидеть ту же основу в другой перспективе, в одном из боковых ее освещений, а потому и вообще аффикс может иметь какой-нибудь смысл только тогда, когда он применен к какой-либо основе, а не существует сам по себе»³¹. В данном случае функция специфических суффиксов — образование слова с эмоциональным значением.

О роли и возможностях словообразования в оформлении эмоциональных слов свидетельствует наличие в русском языке не только более или менее продуктивных (например, весьма продуктивна модель отрицательно-оценочных глаголов с *-ничать*) специфических суффиксов, а также случаи образования редких, единичных по своей структуре слов, несущих эмоциональную нагрузку. Таковы, например, слова *дуралей, солдафон, свинтус*, а также *свин* (из устной речи).

Л. Г. Барлас отмечает, что «фонетические или морфологические варианты могут разойтись в эмоционально-экспрессивных оттенках. Ср., например, ряд *буржуа — буржуй*, где при смысловом тождестве второй вариант имеет дополнительную пренебрежительную окраску»³².

Суффиксы могут служить и средством создания шутливых слов. Шутливость в таких словах возникает именно как результат использования слова необычной (и поэтому комической) структуры. Примеры: *газенапы, старикан, старушенция, басовитый*. Иногда приобретает эмоциональное значение устаревшая форма слова (*телеса*)³³.

³⁰ Ср., напр.: «*-ничать* обладает резкой отрицательной экспрессией». «Словообразование современного русского литературного языка», М., 1968, стр. 234.

³¹ Г. О. Винокур, Избранные работы по русскому языку, М., 1959, ст. 426.

³² Л. Г. Барлас, Об отношении разговорно-просторечной лексики к литературно-языковой норме. В сб.: «Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка», изд. Ростовского ун-та, 1968, стр. 61.

³³ Возможны и окказиональные шуточные образования, напр. *оратель*. См. «Словообразование современного русского литературного языка», М., 1968, стр. 174, сноска 6-ая.

В ряде случаев оказывается своеобразной словообразовательная структура народно-поэтических слов (*стыдоба, соловейко, судьбина, соколица* и др.), стоящих несколько особо, в силу ограниченности употребления.

И, конечно, широко действующим средством выражения эмоциональных моментов являются т. н. суффиксы субъективной оценки.

* * *

Итак, способы «оформления» эмоциональности в лексике современного русского языка весьма разнообразны и представляют собой сложное сплетение перекрещивающихся в ряде случаев явлений, среди них таких, как «тенденциозная» образность (метафора и образная внутренняя форма), суффиксальный способ, стилистические моменты.

Среди эмоциональной лексики есть слова образные и необразные, мотивированные и немотивированные, с выраженной и невыраженной эмоциональностью, оценочные и неоценочные, слова с различной стилистической окраской, обозначающие объективно положительные, отрицательные или «нейтральные» явления.

* * *

На основе сказанного мы попытаемся ниже приблизительно очертить круг лексических средств современного русского языка, позволяющих выразить эмоциональное отношение к явлениям окружающего мира, слов (и их лексико-семантических вариантов), которые «не могут быть употреблены, если говорящий лишь называет явления, не выражая своего отношения к ним»³⁴.

Прежде всего вся эмоциональная лексика современного русского языка распадается на две большие группы: слова эмоционально-оценочные и эмоциональные слова, не содержащие оценки.

«Оценка, как известно, имеет место в том случае, когда суждение, действие и т. д. так определяются соответствующими оценочными понятиями, что оцениваемое суждение, действие и т. д. характеризуется благодаря этому в положительном или отрицательном отношении»³⁵.

³⁴ Е. Ф. Петрищева, Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке. (Опыт лингвистического эксперимента). В кн.: «Развитие лексики современного русского языка», М., 1965, стр. 41.

³⁵ Георг Клаус, Сила слова, М., 1967, стр. 21.

Непосредственной оценки явления (ни интеллектуальной, ни эмоциональной) нет в словах эмоционально-усилительных, оценочных «высоких» (и поэтических), шутивных.

Формы субъективной оценки как явление, находящееся на стыке лексикологии и словообразования, примыкая к собственно эмоциональной лексике современного русского языка, все же стоят в ней несколько особо³⁶.

1. Эмоционально-оценочные слова

1. Собственно эмоционально-оценочными словами можно бы назвать слова-оценки, слова-характеристики (прилагательные, наречия, существительные), дающие явлению оценку или характеризующие его с точки зрения эмоционального его восприятия.

Среди собственно эмоционально-оценочных слов прежде всего выделяется группа слов, выражающих эмоциональную оценку явления безотносительно к каким бы то ни было конкретным его качествам. «Предметное» содержание таких слов — «чистая» эмоциональная оценка, базирующаяся на вызываемой явлением эмоции.

Это слова, выражающие положительное или отрицательное (включая бранные слова) отношение к кому-либо или чему-либо: *милый, дорогой, желанный, родной, душенька, прелесть* (в: *моя прелесть*); *проклятый, постылый, окаянный, поганый, гадкий, гнусный, мерзкий, гад, гадина, гадость, мерзавец, безобразие, пакость* и т. п., а также слова, выражающие сочувствие, сожаление: *бедный, бедняга, сердечный, сердяга*.

Есть эмоционально-оценочные слова, выражающие эмоциональную оценку явления как в высшей степени положительного или отрицательного. Часто это лексико-семантические варианты слов. Примеры: *замечательный, прекрасный* [человек], *превосходный, славный, чудесный, чудный, изумительный, великолепный, ангел*; *скверный, мерзкий, гнусный, поганый, гадкий, отвратительный* (в значении: очень плохой), *дрянь, чудовище, скотина* и т. п., а также такие слова, как *сила, блеск, шик* в соответствующем синтаксически обусловленном значении.

К собственно эмоционально-оценочным словам, на наш взгляд, относятся также слова типа *страшный, ужасный, удивительный, восхитительный, изумительный, потрясающий, ошеломляющий* (с оттенком усиления), а также *умилительный, трогательный, тревожный, мучительный, волнующий, оскорбительный, отрадный, грустный, печальный* и т. п. (в значении: вызывающий названное чувство, и только в этом значении. Ср. *печальное лицо, грустно*

³⁶ См. об этом также: Л. Л. Ким, Лексические средства послеоктябрьской сатиры Маяковского. (К вопросу об оценочной функции слова). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ташкент, 1956, стр. 89.

сидеть, где нет выражения эмоции говорящим и *грустная, печальная история* — с эмоциональной оценкой).

Выражение эмоциональной оценки в словах этого типа является наиболее опосредованным логически, гораздо менее непосредственным, чем в предыдущих подгруппах.

2. По-видимому, самую многочисленную группу эмоционально-оценочных слов составляют слова (прилагательные и наречия, существительные, глаголы), содержащие оценочное понятие и дающие оценку более или менее конкретному явлению. Оценка в этих словах основана на определенной характеристике, причем явлению (которое с общепринятой точки зрения может быть отрицательным, положительным или «нейтральным») дается отрицательная или положительная оценка.

Как было сказано выше, эти слова могут иметь эмоционально нейтральные синонимы; нейтральные лексические синонимы могут и отсутствовать в языке.

Большинство слов этого типа — слова отрицательно-оценочные (в том числе бранные), стилистически сниженные. Приведем примеры: *халтура, халтурить, халтурик, бракодел, самохвал, хам* (эмоционально нейтральное *грубиян*), *хамить, хамский, смутьян, пустобрех* (эмоционально нейтральное *болтун*), *бестолочь, нытик, мямля, чинуша, критикан, сква́лыга, скупердяй, шкурник, зазнайка, воряга, пьянчуга, выскочка, оболтус, дурак, мошенник, шумиха, делячество, подхалимство, приспособленчество, бестолковщина, говорильня, солдатня, молокосос, простофиля, малявка, солдафон, тихоня, служака, чинуша, торопыга, старье, старичье, киснуть* (перен.), *ныть, каркать* (перен.), *мямлить, кляча, бурда, чтиво, страшилище, прохвост* и т. п.

Примеры слов положительной оценки: *прекрасный, прелесть* (высшая эстетическая оценка, выраженная эмоционально; ср. *очень красивый*); *героический, герой, геройство, геройский, подвиг, орел*, «высокие» слова *доблестный, неустрашимый* (ср. эмоционально нейтральные *смелый, храбрый*) и др.

Слова, содержащие эмоционально выраженную эстетическую оценку или эмоциональную оценку явления как приятного, нравящегося (*прекрасный, прелесть, очаровательный, обворожительный, волшебный, обаятельный, дивный, пленительный; сладкий, сладостный, благостный* и т. п.), похвалу (*молодец*), а также слова, выражающие эмоциональную оценку явления как низкого, подлого (*свинский, свинство, подлец, подлюга*) и т. п. своей меньшей конкретностью «основы» эмоциональной оценки ближе всего стоят к собственно-эмоциональным словам.

Наиболее четкая интеллектуальная оценка, выраженная эмоционально, содержится в словах, характеризующих деятельность человека (в семантике этих слов можно выделить семантический множитель «плохой»). Таковы, например, слова *коновал* (плохой

врач), *мазила* (плохой художник), *мазня* (плохой рисунок)³⁷, *бумагомаратель*, *писака* (плохой писатель), *стихоплет*, *рифмач*, *рифмоплет* (плохой поэт).

Несколько особо стоят стилистически окрашенные слова, могущие быть употреблены, как было сказано выше, в качестве средства эмоциональной оценки (*рожа*, *морда*, *баба*, *жрать*, *сдохнуть* и т. п.).

Интеллектуальная оценка, как показала Е. Ф. Петрищева, может и отсутствовать: *капризуля*, *глупыш*, *юнец* и др.³⁸

3. К эмоционально-оценочным можно отнести и слова иронические. Основа оценки в них интеллектуальная, сопровождаемая эмоцией насмешки: *благоглупость*, *вездесущий*, *всезнайка*, *расщедриться*, *смиренник*, *смиренничать*, *умничать*, *хваленый*, *амбиция* и др.

II. Неоценочные эмоциональные слова

1. Эмоционально-усилительные слова³⁹

Это слова (значения слов), представляющие собой эмоциональную замену понятий «очень», «очень большой» и выражающие в эмоциональной форме предельную степень качества.

Примеры: *безумный*, *сумасшедший* и т. п. [успех], *дикое* [количество], *страшно* [скучно], *смерть* [как хочется], *замечательно* [хорош собой], *чудовищные* [размеры] и т. п.

2. Неоценочные «высокие», а также поэтические слова. Примеры (*воин*, *владыка*, *стезя* и т. п.) см. выше, стр. 183.

3. Шутливые слова: *вприглядку*, *благоверный*, *мараковать*, *разоеваться*, *рандеву*, *хавронья* (шутливо о свинье), *братья*, *светопрествление*, *столпотворение*, *свежеиспеченный*, *баталия* (перен.) и т. п.

* *
*

Не относятся к эмоциональной лексике слова (имена существительные и глаголы), являющиеся эмоционально нейтральным обозначением отрицательных или положительных с точки зрения общественной практики или морали явлений. В этих словах отсутствует информация об эмоциональном отношении к называем-

³⁷ Примеры Е. Ф. Петрищевой. См.: Е. Ф. Петрищева, Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке. (Опыт лингвистического эксперимента). В кн.: «Развитие лексики современного русского языка», М., 1965, стр. 39 и 43—44.

³⁸ Там же, стр. 39—40.

³⁹ См. также: В. А. Мальцев, Эмоция и значение слова. XV научная сессия, посвященная итогам научно-исследовательской работы за 1962 г. Тезисы докладов. Минский ГПИИЯ, Минск, 1963, стр. 45—46.

тому (хотя характеризующий момент и возможен: *говорун*, *бездельник* и др.), и выполняют они номинативную функцию (этим, конечно, не отрицается возможность возникновения в них речевой эмоциональной окраски). Будучи обозначениями отрицательных (чаще) или положительных явлений, подобные слова обладают оценочным «ореолом»⁴⁰. Слова этого типа могут иметь эмоциональные синонимы, в которых номинации явления сопутствует его эмоциональная оценка.

Приведем примеры (здесь и ниже в качестве примеров в основном использованы слова, относимые в большинстве работ к эмоционально-оценочным): *война* (ср. *бойня*), *грабеж* (в прямом значении), *агрессия*, *смерть*, *вор*, *воровство*, *преступник*, *взятка*, *лесть*, *ложь*, *растрата*, *убийство*, *льстец*, *льстить*, *провоцировать*, *клевета*, *подкуп*, *подлог*, *прогульщик*, *скандалить*, *скандалист*, *спекулянт*, *спекулировать*, *спекуляция*, *бездельник* (ср. *лодырь*, *лоботряс*, *шалопай*), *дезертир*, *дезертировать*, *пьянство*, *картежник*, *вредитель*, *друг*, *товарищ*, *народ*, *революция* и мн. др.⁴¹.

В большинстве своем это стилистически нейтральные слова (но, напр., *говорун*, *картежник* — разгов.).

Не относятся к эмоциональной лексике названия политических партий и их членов (*белогвардеец*, *фашист*, *нацист*; *марксист*, *большевик*). Несомненно, подобным словам присуща в определенном обществе некоторая эмоциональная окраска (коннотация). Так, например, «...слово *Nazi* (*национал-социалист*, *фашист*) в гитлеровской Германии обладало тем же значением, что и теперь, но для современного жителя ГДР оно имеет совершенно другую эмоциональную окраску, «коннотировано» по-иному, нежели, например, для немца 1933 г.»⁴².

⁴⁰ Яркий пример о возможной силе оценочного «ореола» приводит Х. Касарес: «Редко кто вызывает в современном обществе столь единодушное презрение, как несчастный, исполняющий за государственное вознаграждение функцию палача. Если вместо того, чтобы назвать последнего словом *verdugo*, мы дадим ему имя *ejecutor de la justicia* «исполнитель правосудия», мы выразим этим милосердное стремление не напоминать заинтересованному лицу о всеобщем отвращении, которое он вызывает». Х. Касарес, Введение в современную лексикографию, М., 1958, стр. 121. Все же и в данном случае мы имеем дело с эмоциональным восприятием слова: Презрение посредством слова *палач* не выражается; оно сопутствует названию предельно отрицательного явления, и хотя оно оказывается настолько сильным, что возникает необходимость в эвфемистической замене слова, слово *палач* продолжает функционировать как номинативное, а не оценочное средство для обозначения предельно отрицательного явления, если, конечно, возникший эвфемизм его не заменит в этой функции.

⁴¹ Ср. точку зрения Л. Л. Кима, который слова этого типа (*лесть*, *ложь*, *воровство*, *грабеж*, *взятка* и др.) относит к эмоционально-оценочным. Л. Л. Ким, Лексические средства послеоктябрьской сатиры Маяковского. (К вопросу об оценочной функции слова). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ташкент, 1956, стр. 23.

⁴² Н. Г. Комлев, Компоненты содержательной структуры слова, изд. МГУ, 1969, стр. 114.

Но компоненты коннотации «создаются в процессе восприятия слов-знаков»,⁴³ а, следовательно, на наш взгляд, не выходят в значение слова⁴⁴. Слова этого типа также являются средством номинации явления, а не средством его оценки⁴⁵.

Не относятся к эмоциональной лексике прилагательные (а также соответствующие наречия и существительные), содержащие характеристику людей, их поступков и иных явлений без выражения эмоционального к ним отношения. Таковы эмоциональные, нейтральные определения интеллектуальных качеств человека, его эмоционального состояния или черт характера, а также слова, характеризующие его внешность и т. п. Примеры: *умный, глупый, глупость, интересный, нежный, грубый, смелый, смелость, храбрый, храбрость, красивый, уродливый, красавица, красавец, щедрый, скупой, жестокий, задушевный, надменный, кроткий, милосердный, добрый*⁴⁶, *доброта, злой, ласковый, любящий, страстный, грустный [взгляд], верный, мрачный, воинственный, неистовый, беспокойный, добрый, взволнованный, восторженный, буйный, отчаянный [поступок], унылый, угрюмый, гордый, томный, тревожный [взгляд], убогий, льстивый* и т. п.⁴⁷.

Среди таких слов есть и выразительные слова-характеристики, являющиеся стилистическим средством и дающие в речи эмоциональный эффект: *бешеный, бурный, таинственный, зловещий, роковой, огненный, пламенный, пылкий, трепетный* и т. п.

Не относятся к эмоциональной лексике и глаголы, обозначающие эмоциональные состояния человека или их проявления (*ненавидеть, любить, печалиться, грустить, торжествовать, ликовать, волноваться* и т. п.) и названия эмоций (*печаль, тоска, отвращение* и т. п.).

Не относятся к эмоциональной лексике, как было сказано выше, слова выразительные, экспрессивные (в том числе образные и с необычной структурой), а также стилистически сниженные, если в них отсутствует эмоциональный момент, понимаемый как выражение эмоционального отношения. Примеры: *огорошить, ошеломить, перепугаться, колотить, колошматить, ошарашить, грохнуть, переть, переться, шлепнуться* и т. п. (в отличие от слов

⁴³ Там же, стр. 108—109.

⁴⁴ Ср.: Н. С. Чохонелидзе, Лексические средства эмоциональной оценки в русской поэзии периода Великой Отечественной войны. АКД, Тбилиси, 1969, стр. 9.

⁴⁵ Оказанноально возможно употребление этих слов и в оценочной функции, напр., слова *фашист* в качестве бранного.

⁴⁶ Ср.: М. Б. Борисова, Идеологическая структура слова в драматургии М. Горького. (Об употреблении слова *добрый*). «Вопросы теории и истории языка», Л., 1969, стр. 28.

⁴⁷ Аналогичные взгляды см.: Е. Ф. Петрищева, Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени. В кн.: «Развитие лексики современного русского языка», М., 1965, стр. 52—53.

морда, жрать и т. п. эмоциональная окраска [неодобрительная и т. д.] возможна лишь окказионально).

* *

*

Предлагаемое понимание проблемы эмоциональной лексики современного русского языка отнюдь не претендует на решение всех сложнейших вопросов, связанных с этой проблематикой и, по-видимому, не является единственно возможным. Всё же это попытка в какой-то мере описать разнообразные лексические средства русского языка, посредством которых выражается самое различное эмоциональное отношение к явлениям окружающего нас мира. Эта общая специфическая функция и объединяет эти столь различные во многих отношениях слова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Б. М. Гаспаров. Неопределенно-субъектные предложения в современном русском языке	3
Е. И. Гурьева. Предложения со значением места в старославянском языке.	59
Х. И. Хейтер. Некоторые замечания о категории вида в русском говоре Ийзаку в ЭССР	69
Х. И. Хейтер. Формы причастий и деепричастий в русском говоре Ийзаку на территории ЭССР	77
Ш. Фодо. Славянские заимствования в географической терминологии венгерских говоров района Верхней Тисы	84
Х. Д. Лезметс. Структура сравнений в прозе Марлинского	97
Э. А. Вайгла. Образность и эмоциональность в лексике современного русского языка	171

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Серия лингвистическая

XIX

Тартуский государственный университет

ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18.

Ответственный редактор С. Смирнов

Корректор Н. Чикалова

Сдано в набор 29. III 1971 г. Подписано к печати 31. V 1971 г. Печ. листов 12. Учетн.-издат. листов 13,96. Тираж 500 экз. Типограф. бумага № 2 бумажной фабрики «Кохила». 60×90. 1/16. МВ 05241. Заказ № 1937. Типография им. Ханса Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. III.

Цена 1 руб. 40 коп.